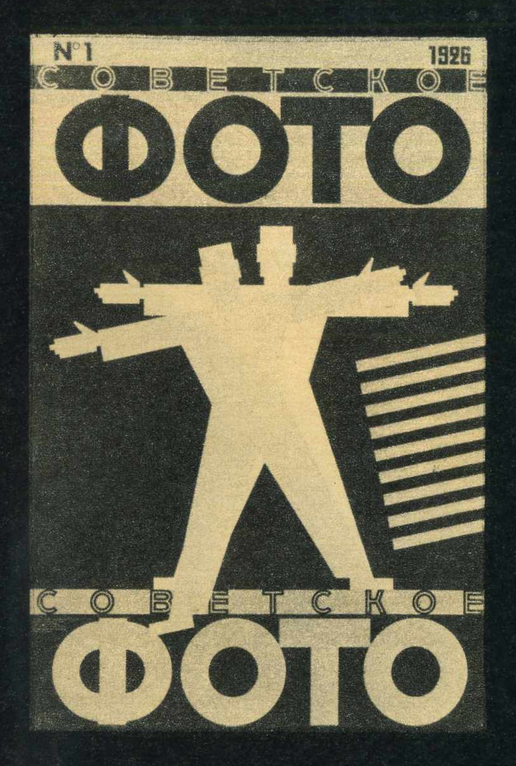
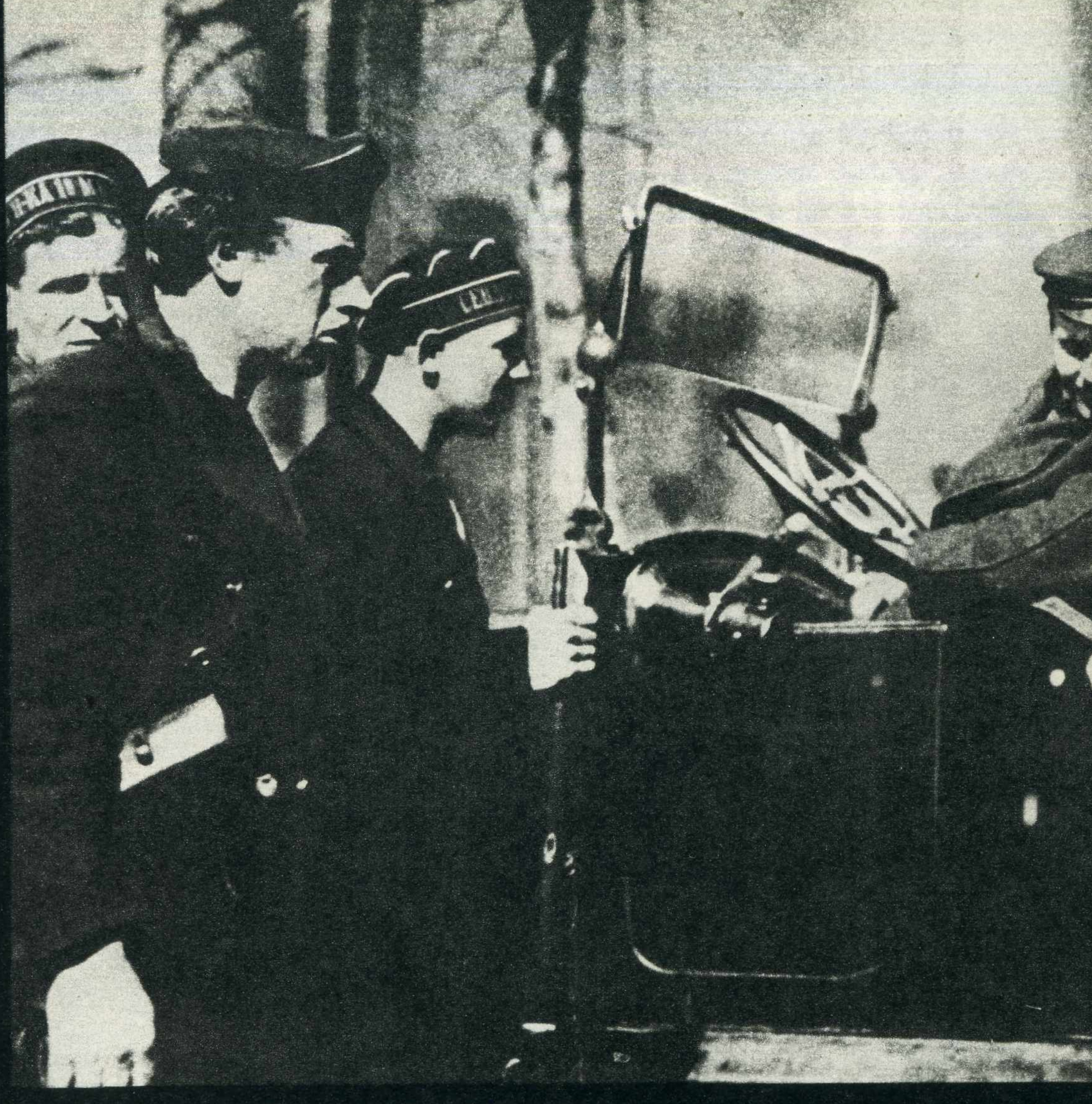

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 20 МАЙ 1986
ИГОРЬ СКЛЯР—
АРТИСТ
ТЕАТРА И КИНО

Проверка документов в Петрограде. Фото Я. Штейнберга

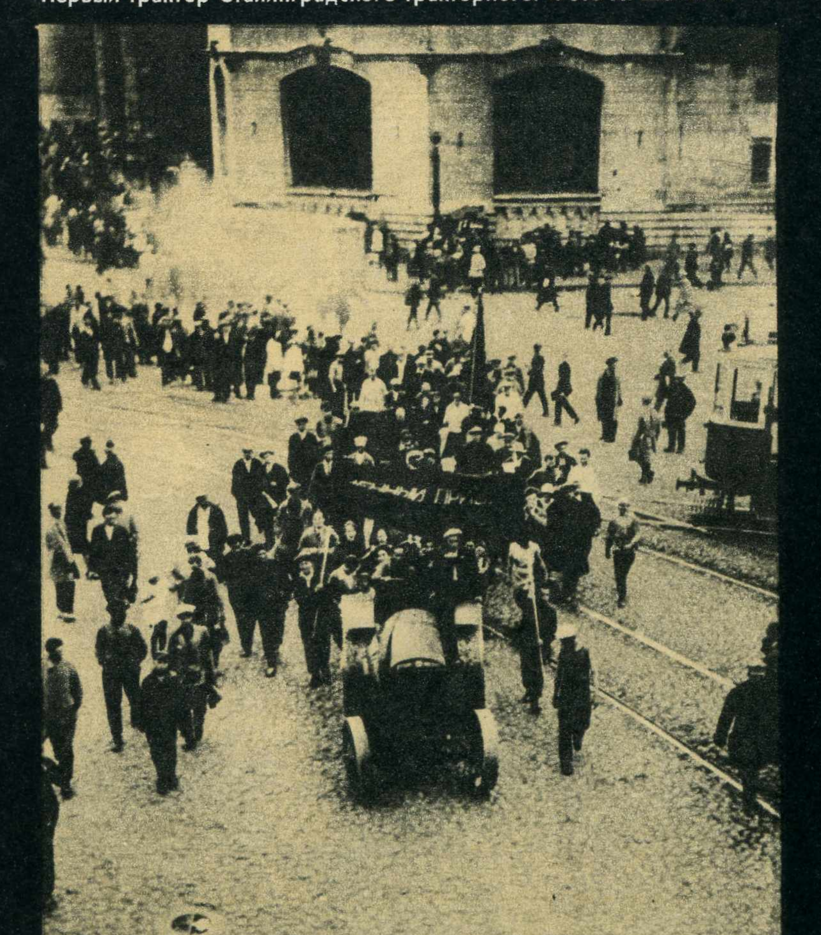
МГНОВЕНИЯ ЖИЗН

Легендарная история нашей великой страны, славная и героическая, будничная и высокая жизнь нескольких поколений советских людей... Смотрите: это мы!

Более пятисот работ фотомастеров и талантливых фотолюбителей представлено в Центральном выставочном зале Союза журналистов СССР на выставке журнала «Советское фото», отмечающего свое 60-летие.

В сельской школе. Фото А. Шишкина

Первый трактор Сталинградского тракторного. Фото А. Шайхета

Четверка папанинцев на льдине. Фото Я. Халипа

См. стр. 30.

Комсомолец за штурвалом. Фото А. Шайхета

За два дня до расстыковки корабля со станцией «Мир» Владимир Соловьев вдруг поинтересовался у оператора связи Центра управления полетом:

— Кстати, какой сегодня день недели?

— Суббота,— удивленно отозвался тот и озадаченно спросил:— А у вас что, разве нет календаря?

— Есть,— вздохнул Соловьев, —да не до него сейчас...

— У нас тут другой счет,— включился в разговор Леонид Кизим,— пять дней прошло, десять... Или наоборот: два дня осталось, день...

...Их дорога к орбитальной станции «Салют» была проложена программой через новую станцию «Мир». Пришли сюда чистыми испытателями. Совершенно новая техническая «начинка» этой станции, ее семь компьютеров требовали проверки, настройки, наладки.

После чуть не каждой операции Земля брала «тайм-аут» для анализа. Потом снова работа. Два «грузовика» приняли. В последнем помещалось все уже для «Салюта».

Когда готовится космический старт, сколько заботливых рук снаряжают корабль, проверяют его, укладывают все необходимое! Да еще и экипаж приглашают примеряться, удобно ли... А тут предстоял тоже старт,— только не от земной площадки, а от космической. Впервые. И корабль надо было подготовить: проверить, загрузить — больше трех центнеров приборов, блоков, оборудования надо взять с собой. Да только ли это?

Впервые, отработав на одной станции, экипаж собирался на другую. Это не просто смена рабочего места. Смена дома. Правда, дом ожидает их знакомый. Но слышит Земля озабоченное:

— Там наши кроссовки еще остались, не знаете?.. А что на «Салюте» на складе? Брать с собой рыбные консервы? Они у нас хорошо пошли, а там есть они или нет?..

И на Земле ни тени улыбки. Поднимают инвентарные ведомости, звонят космонавтам, что работали на станции после.

— Кроссовки возьмите с собой,— советуют «Маякам»,— а что касается продуктов, то на «Салюте-7» ассортимент достаточный.

В один из дней пришли на связь с экипажем методисты по стыковке Центра подготовки космонавтов. При моделировании на Земле загрузки корабля «Союз Т-15» обнаружилось, что возможно некоторое нарушение его центровки. А это, в свою очередь, может осложнить маневры на активном участке стыковки. На земных тренажерах все проиграно, но экипаж на орбите, его не посадишь в тренажер. И вот сеанс за сеансом связь отдается «стыковщикам», скрупулезно, до мелочей обсуждается с экипажем каждая деталь возможных вариантов управления кораблем.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕЛЕТ

А тем временем Центр управления проводит заключительные тестовые проверки всех систем станции «Мир». Ведь главный смысл работы первой экспедиции на эту станцию — подготовить ее к будущей штатной работе с научными модулями, которые должны принять ее четыре дополнительных стыковочных узла.

И пришел наконец день, обозначенный в программе коротко: «расстыковка». На командно-сигнальном поле корабля бортинженер нажал кнопку «Д-17». Загорелся транспарант «расстыковка». Мягко, без включения двигателей отвода (берегли от выхлопов топливных газов панели солнечных батарей) отошел корабль от стыковочного штангоута...

По прямой (в космосе это дуга) между станциями «Мир» и «Салют-7» было в момент расстыковки чуть больше трех тысяч километров. Можно было и ближе их свести. Но на космических орбитах, где царят законы небесной механики, ближе по прямой — далеко не всегда самый короткий путь.

Точно так же и «догнать» здесь не значит «прибавить скорость». Все наоборот. Первое включение главного двигателя корабля «Союз Т-15» после расстыковки со станцией «Мир» было на... торможение. Результат: корабль перешел на более низкую орбиту, путь вокруг Земли стал короче, вот и стал он виток за витком догонять станцию «Салют-7»...

У специалистов есть такое выражение — «построить орбиту». Очень точное, хотя, конечно, в сравнении с реальным строительством это скорее образ. Но смотрите, какой верный: сначала орбиту «проектируют», потом снабжают корабль «строительным материалом» — топливом. И уже в космосе начинаются «монтажные работы», в отличие от земных не допускающие даже малейшего отступления от технологии и графика. В точно, до секунд рассчитанный момент корабль ориентируется в заданном направлении, включается двигатель — здесь тоже счет на секунды. Включаются в работу наземные средства контроля. Малейшая неточность тут же «ловится», и снова включаются «движки», уже для юстировочных опера-

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

В Советском Союзе с 6 по 10 мая 1986 года по приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства находился с официальным дружественным визитом Председатель МПЛА — Партии труда, Президент Народной Республики Ангола Жозе Эдуарду душ Сантуш.

В ходе визита между Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и Председателем МПЛА — Партии труда, Президентом НРА Ж. Э. душ Сантушем состоялся плодотворный товарищеский обмен мнениями по наиболее острым проблемам современной международной обстановки. При этом особое внимание было уделено положению на Юге Африки. Были рассмотрены перспективные направления развития советско-ангольских отношений.

Имела место встреча между Ж. Э. душ Сантушем и членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко, в ходе которой были обсуждены вопросы борьбы за мир и укрепление международной безопасности, за ликвидацию ядерного оружия и других средств массового уничтожения.

6 мая в Кремле состоялись советско-ангольские переговоры.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Председатель МПЛА — Партии труда, Президент Народной Республики Ангола Ж. Э. душ Сантуш подписали план партийных связей между Коммунистической партией Советского Союза и МПЛА — Партией труда на 1986—1988 годы.

Во время подписания.

Фото А. Гостева

ций. И вот результат: чтобы догнать станцию «Салют-7», корабль пролетел над Землей без малого миллион километров. В конце этого пути экипаж увидел станцию буквально в нескольких километрах от себя...

После того, как состыковались, на связь вышел В. Джанибеков. Поздравил, похвалил. В ответ услышал:

— Пожалуйста, передай нашу просьбу: объявить благодарность тем, кто нас готовил к этой работе, нашим методистам! Очень помогли...

И вот Л. Кизим и В. Соловьев работают в другом космическом доме.

Трудно вообразить себе людей, более... непохожих и более уверенных друг в друге, связанных самыми прочными нитями дружбы и работы.

Непохожесть их даже не в том, что Соловьев предпочитает слушать Первый концерт Чайковского, а Кизим — украинские песни в исполнении Богатикова, что один шел к полету через истребительную авиацию, а другой — через студенческие годы в МВТУ имени Баумана.

Тут в ином контраст. Леонид Кизим... его из космоса перенеси на Землю, дай в руки топор — дом срубит. Хоть ни разу не пробовал, а срубит. Разберется основательно, примерится и поставит пятистенок — залюбуешься. Да еще палисадник вокруг поставит да уберет — щепочки вокруг не будет. И спросит: где ставить новый?

Владимир Соловьев — тот... топор выбросит, потребует генеральный план поселка, засядет изобретать «домостроительный станок», изобретет... Но если уж очень надо, то топором поработает... под началом Кизима. И счастлив будет.

На «Салюте-7» работа у них уже была и для ума, и для рук. Тогда выполнили сложнейшую программу научных экспериментов. Мало того, можно сказать, «вылечили» вдвоем станцию, когда у нее возникли неполадки с двигательной установкой. Больше двадцати часов занимались ею в открытом космосе, пока Земля не подтвердила, что все в порядке.

И вот на орбите «Мир» — станция нового поколения, просторнее, комфортнее, совершеннее. Сами же мечтали о такой, но душа была там, на «Салюте», в старом доме, где и «стены помогают». И тянула станция к себе, как первая любовь... Редко так бывает в космонавтике, чтобы «хочу» так полно совпало с «надо»! Шли на старт, как на праздник...

...Итак, начало есть. Первый перелет между космическими аппаратами в космосе состоялся. Что же дальше? Для Леонида Кизима и Владимира Соловьева это работа на «Салюте-7», выполнение сложной, насыщенной программы. А для тех, кто готовил «каботажное плавание»,— разработка, совершенствование того опыта, что приобретен в этом рейсе.

По мнению В. А. Шаталова, такие «челночные» перелеты достаточно скоро станут обычным делом на орбитах. Это и перелеты к спутникам, требующим ремонта, и к автоматическим космическим «заводам», чтобы привезти сырье и забрать готовую продукцию, и к научным лабораториям для их настройки, выполнения новых экспериментов.

Р. КОРНАУШЕНКО, П. ПЕЛЕХОВ

Центр управления полетами.

Владимир Соловьев и Леонид Кизим во время предполетных занятий в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Фото А. ПУШКАРЕВА (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 20 (3069)

17—24 МАЯ

Трудные дни Чернобыля

Фото Альберта НАЗАРЕНКО

Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил ОДИНЕЦ

Иногда казалось нам, что происходящее всего лишь сон, игра больного воображения. Ведь вокруг неповторимая украинская весна... Но к людям пришла большая беда, и нужно немалое мужество, чтобы выстоять, победить!

«Чернобыльская АЭС... Авария на четвертом блоке... Повышение уровня радиации... Очень опасная обстановка... Критическое положение...»

Слова будто из фронтовых сводок. А по сути так и есть, ведь на этой земле идет беспощадная битва, в которой переживаем и боль утрат, и крохотные пока радости первых побед. Сражение с вышедшим из повиновения атомным реактором в разгаре, до конца его все еще далеко...

Мы, группа правдистов, следили за ходом этого сражения. Те короткие интервью, которые предлагаются вашему вниманию, позволяют представить хронику этих трудных дней и ночей.

Рассказывает генерал-майор МВД Ф. Десятников:

— Первый удар огненной стихии все, кто был на станции, встретили мужественно. Никто не дрогнул, и специалисты, и весь персонал, дежуривший на АЭС ночью, сразу же пытались ликвидировать пожар. Он возник в нескольких местах. Надо было определить главное направление, в котором распространение огня наиболее опасно. Это была крыша машинного отделения — именно она могла стать «связующим звеном» между 4-м и остальными блоками. Необходимо было локализовать этот очаг, не дать распространиться огню дальше.

По сигналу тревоги начальники караулов пожарной охраны АЭС лейтенанты В. Правик и В. Кибенок подняли своих бойцов. Они сбивали пламя на высоте тридцати метров. Сапоги пожарных увязали в расплавленном битуме, было трудно дышать от копоти и гари, но люди не отступали. Майор Л. Телятников, четко организовав работу по тушению пожара, сам находился в самых опасных местах. Подвиг первой группы пожарных, которые в течение нескольких часов боролись с огнем, позволил избежать более тяжелых последствий. Вал огня был остановлен...

Знали ли Л. Телятников и его боевые товарищи, что рискуют своей жизнью? Да, знали и о мощном радиационном излучении из реактора, и об опасных дозах, которые они получают... Но они сражались до тех пор, пока не подоспели другие пожарные подразделения из области.

Правительственная комиссия высказывала высокие оценки действиям пожарных, которые и сегодня выполняют, казалось бы, не свойственные им функции: участвуют в дезактивации местности, перекачивают в «могильники» радиоактивные вещества, помогают имеющейся в распоряжении техникой самым разным службам... Все это так, но высшим проявлением доблести и геройства, бесспорно, является подвиг группы пожарных во главе с майором Леонидом Телятниковым, которые выстояли в первые минуты битвы в Чернобыле. Их героизм всегда будет служить нам примером самоотверженного служения нашей Родине.

Слово мастеру электроцеха Владимиру Лыскину:

— Мы были на станции все вместе — сын, жена и я. Вместе с сыном восстанавливали поврежденное силовое оборудование. Понимали, что опасно, но еще четче сознавали, что необходимо подать энергию, ввести в строй трансформаторы... Я давно работаю на атомных станциях, а потому прекрасно знаю, сколь велика цена энергии в такие минуты.

Считаю, что наш заместитель начальника электроцеха Александр Григорьевич Леличенко совершил настоящий подвиг. Он получил большую дозу радиации, но не покидал своего поста до тех пор, пока необходимое оборудование не начало работать.

Александр Григорьевич всегда пользовался в нашем коллективе огромным авторитетом. Он всегда был наставником молодежи, терпеливо и умело учил ребят сложнейшим профессиям. Они его звали «наш батя».

И в тяжкую минуту испытаний он не только был рядом со своими подопечными, но и следил, чтобы они не облучились, буквально выгонял их из опасной зоны. А о себе не заботился. Он считал, что командир должен первым вступать в бой и последним покидать поле сражения. Прямо из цеха он был отправлен в больницу... А его подопечные и ученики сейчас продолжают нести вахту на 1-м, 2-м и 3-м блоках АЭС. После короткого отдыха они вернулись в смены, которые обеспечивают контроль трех реакторов, находящихся сейчас в дежурном режиме.

Первый секретарь Киевского обкома партии Г. Ревенко рассказывает:

— С первого часа после аварии обком, районные и партийные комитеты работают круглосуточно, хотя таких распоряжений официально мы и не давали. Все коммунисты прекрасно понимают, сколь велика ответственность партийных организаций за все происходящее в области. Когда были осознаны масштабы аварии и ее последствий, люди прониклись ответственностью за происходящее. Не буду скрывать, были случаи дезертирства, паникерства, попыток свалить свою вину на других. Идет жесткое испытание каждого человека. От некоторых, в том числе и руководящих работников, мы уже избавились — они расстались с партийными билетами, эти люди случайно оказались в партии, так как не выдержали даже первого испытания... А их еще впереди немало, ведь эвакуированы десятки тысяч людей, забот прибавилось у партийных работников и коммунистов неисчислимое множество. И нельзя ждать указаний «сверху», надо решать сразу же, немедленно, причем подчас принимать рискованные решения, а значит, и нести за них ответственность. Ошибки недопустимы.

Трудное испытание. И уроки из него, положительные и негативные, нужно обязательно извлечь. Некоторые сразу же, сегодня, другие позже, но забыть, умолчать нельзя...

События на АЭС люди восприняли как личную беду. Эвакуированных из 30-километровой зоны в селах и поселках встречали сердечно. Впрочем, в своем народе мы никогда не сомневались: обратились к нему — и встретили полное понимание, стремление помочь, поделиться всем, что есть. И все лучшее отдавали пострадавшим людям. Подавляющее большинство мужественно и самоотверженно трудится в эти дни. Примеров не хочу даже приводить — их тысячи, во всех районах, куда прибыли эвакуированные, во всех городах, поселках и селах области, которые в эти дни взяли повышенные обязательства, чтобы восполнить ту потерю в сельскохозяйственном производстве, которую понесла область из-за аварии. Я уверен, что трудящиеся Киевской области, невзирая на трудности и испытания, выпавшие на их долю сейчас, тем не менее выполнят плановые задания. Думаю, этот факт говорит сам за себя.

Академик Е. Велихов говорит:

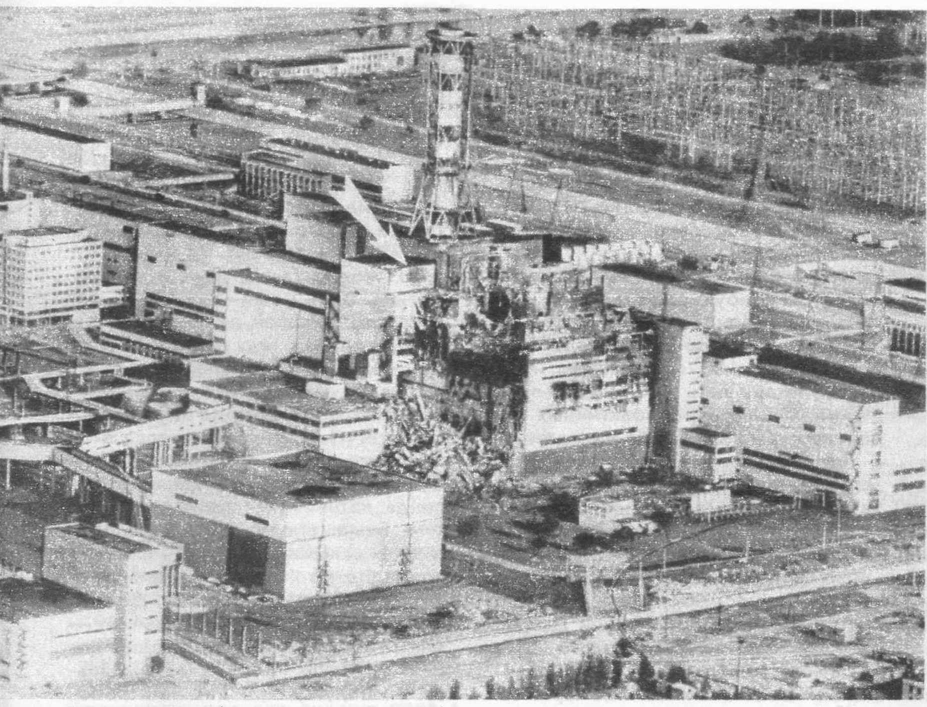
— В Чернобыле находятся крупнейшие ученые и специалисты, связанные с атомной наукой и техникой. С подобной аварией никто в мире не сталкивался. И необычность ситуации требовала нестандартных, подчас даже неожиданных решений. Была нарушена защитная зона реактора, прекратилось его охлаждение — образовался раскаленный «кристалл». Как охладить его? Как он будет вести себя? Не расширится ли диапазон аварии? На такие вопросы в первые дни аварии мы не могли ответить, а потому старались предусмотреть все возможные варианты, чтобы локализовать масштабы случившегося и не допустить дальнейшего загрязнения радиоактивными продуктами атмосферы и окружающей местности. Никто и никогда не находился в таком положении, когда надо было безупречно точно оценивать ситуацию, находить решение, реализовывать его в кратчайшие сроки. Причем даже малейшая ошибка была недопустима... И такого рода проблемы возникали ежедневно во множестве, а потому от людей, работающих у реактора, над и под ним, требовалось величайшее мужество и самоотверженность. И не нашлось ни одного человека, который отказался бы даже от самой опасной работы. Подчеркиваю — ни одного! Благодаря принятым мерам удалось предотвратить развитие аварии, затем создать вокруг «зону холода» и начать интенсивно охлаждать сердце реактора. Эта работа идет успешно. Началось и бетонирование блока, он будет полностью закрыт, как мы говорим, реактор «похороним»...

Авария на станции преподнесла много уроков. За них мы платим очень дорого — и, к сожалению, самой высокой ценой — человеческими жизнями. Причем погибают от лучевого поражения и облучения замечательные, героические люди, которые в первые дни предотвратили распространение аварийной ситуации. Их подвиг люди запомнят навсегда... Но есть еще один урок, который необходимо извлечь всем людям Земли. Эта авария — ничтожный инцидент по сравнению с ядерной войной. Но он наглядно показывает, что случится с планетой, если ее постигнет ядерная катастрофа. Да, мы должны скорбить о павших, но лучшая память о них — это запрещение и уничтожение ядерного оружия. Атомная энергия, закованная в доспехи бомб, снарядов, боеголовок, должна исчезнуть с планеты. Я убежден, что все здравомыслящие люди на планете сделают верные выводы из случившегося в Чернобыле, и главные из них — усиление борьбы за ядерное разоружение, поддержка тех инициатив, которые выдвигает Советский Союз.

* * *

...Трудные дни и ночи Чернобыля продолжаются. Бесспорно, победа придет, стихия будет укрощена, но навсегда останется в памяти героизм и подвиг советских людей, которые сегодня выстояли.

Район Чернобыльской АЭС.

Чернобыльская АЭС сегодня. Стрелкой показан четвертый энергоблок станции, на котором произошла авария.
Фото В. Зуфарова и В. Репика (ТАСС)

Интервью дает академик Е. П. Велихов.

Село Загальцы: будем жить вместе!

Дозиметристы на одной из улиц Киева.

Иностранные корреспонденты наблюдают за тем, как ведется дозиметрический контроль на открытых водоемах. Макаровский район Киевской области.
Фото А. Поддубного (ТАСС)

Один из медпунктов в Чернобыле.

Тайная бомбежка Америки

Известие об аварии на Чернобыльской атомной электростанции застало меня в Чикаго, городе, знаменитом, помимо прочего, тем, что там находится крупнейшая в стране биржа зерна.

По местной телепрограмме сразу показали ее главный операционный зал. Людской муравейник был охвачен радостной суетой. Лица маклеров сияли. Для профессиональных спекулянтов беда в Советском Союзе стала хорошей новостью: вдруг удастся взвинтить цены на международном рынке, прикарманить неожиданный и тем более приятный куш!

Американскому бизнесу гуманизм неведом.

Человеческое сочувствие оказалось чуждо и консервативной газете «Чикаго трибюн». Она напечатала в те дни гнусную карикатуру, изображающую «русский кинотеатр», где демонстрируется фильм «Чернобыльский кошмар». Правые силы, противники новой советско-американской встречи, закоснелые антисоветчики — все они упивались возможностью позлорадствовать. Несчастный случай пытались раздуть до масштабов какого-то политического символа системы, которой якобы нельзя доверять.

— Как ведут себя эти люди! Как недостойно это нас, американцев!— возмущенно воскликнул в разговоре со мной Стадс Теркел, известный чикагский писатель. Автор книги «Хорошая война», рассказывающей о военном братстве советских и американских солдат в сороковые годы, не мог сдержать своих чувств.

Сегодня в Америке забыли не только победную встречу на Эльбе. Забыт и элементарный такт. Разве можно, скажем, требовать от семьи, где случилась беда, чтобы она сразу распахнула двери настежь и стала звать соседей: «Полюбуйтесь на наше несчастье»? Между тем именно этого добивались от Советского Союза иные чины американской администрации, здешняя пресса и телевидение. Стремление советской стороны наиболее точно оценить характер аварии, чтобы передать в распоряжение международного сообщества абсолютно достоверные данные, изображалось как «традиционное пристрастие русских к скрытности».

Пресс-конференция 6 мая в Москве ответила на те вопросы, на которые в настоящее время действительно есть ответы. Черный ажиотаж как будто схлынул. И под ним, как скала в часы отлива, обнажилась тайная стратегия Запада, не постеснявшегося использовать аварию на Чернобыльской АЭС в психологической войне против Востока. А точнее: против взаимного доверия и советских инициатив в области разоружения.

Как признает в номере от 7 мая «Нью-Йорк таймс», Соединенные Штаты, Британия и другие западные страны хотели «набрать легкие пропагандистские очки, обвинив Советский Союз в том, будто он... отказывается сообщить больше деталей о том, что случилось». Газета сводит заявление совещания западной «семерки» в Токио к незамысловатой формуле: Советскому Союзу нельзя, дескать, доверять в делах, касающихся разоружения.

— Лицемерие, какого еще свет не видел!— так отозвался об этих рассуждениях видный деятель антиядерного движения в США Стивен Эриксон, когда я позвонил ему в штат Юта.

Эриксон считает, что Вашингтон создает панику вокруг событий на Чернобыльской АЭС, чтобы увильнуть от советских мирных предложений и резко расширить свою программу ядерных взрывов, которые жителям штата Юта сулят неизлечимые болезни и сотни смертей. Короче, трагедия, которую власти замалчивают уже в течение десятилетий, продолжается.

О чем речь? О том, что ядерные взрывы на полигоне Невады выбрасывают в атмосферу радиоактивные материалы, а ветры несут их на южные районы Юты и дальше, в Аризону.

Стивен Эриксон — один из руководителей организации, которая так и называется «Даунуиндерс», то есть «те, кто живет с подветренной стороны». «Даунуиндерс» отстаивает интересы сотен американских семей, страдающих от последствий такого систематического радиоактивного отравления.

— Вот Вашингтон обвиняет вас, Советы, в недостаточной откровенности,— говорит мне Эриксон.— Не знаю, не знаю. По-моему, сообщались все детали чернобыльской аварии по мере того, как они становились известны советским властям. А что творится у нас, в Америке? С 1963 года радиоактивные ветры убивают людей. Правительство же молчит об этом преступлении и отказывается нести за него ответственность...

Эриксон, рассказывая, что в настоящее время в судах США слушается 24 дела о радиоактивном отравлении в результате ядерных испытаний в Неваде, что всего от радиации пострадало 1100 семей, негодует: «Спросите об этом тех, кто медленно умирает от лейкемии, поражения костного мозга, раковых заболеваний... Спросите сотни вдов...»

Но администрация США, с таким азартом требующая отчета об аварии на Чернобыльской АЭС, не только не интересуется здоровьем собственных граждан, но и отказывается дать им какую-либо информацию о радиоактивных последствиях взрывов в Неваде.

— У вас произошел несчастный случай,— говорит Эриксон.— А ведь у нас-то взрывают по программе! У вас электростанция, а у нас испытывают новые типы ядерного оружия, которое приспосабливают к космосу! И заодно сознательно травят радиацией людей. Причем не признают этого и не думают возмещать ущерб человеческому здоровью. Лицемеры!

Как установила организация «Даунуиндерс», которую консультируют крупнейшие физики-ядерщики из «Союза обеспокоенных ученых», 64 взрыва в Неваде сопровождались утечкой радиоактивных веществ в атмосферу. В среднем каждый десятый взрыв приводит к радиоактивному заражению. Жить с подветренной стороны невадского полигона — значит стоять одной ногой в могиле.

Эриксон сообщил мне поразительный, тщательно скрываемый здешними властями факт.

— Знаете,— сказал он,— а ведь у нас есть неопровержимые доказательства, что по крайней мере в двух случаях радиоактивные осадки были занесены из Невады на территорию Канады. Уведомил ли Вашингтон об этом Оттаву? Ничего подобного...

Вот так действуют у себя дома «гуманисты», позволяющие себе обвинять другие страны в «недостаточной откровенности».

Разговор со Стивеном Эриксоном окончился на тревожной ноте. Он сообщил мне, что, по сведениям «Даунуиндерс», США планируют резко увеличить число ядерных испытаний. Будут проводить по взрыву каждые три недели. В ближайшие пять лет ожидается 500—1000 взрывов!

Какой компьютер вычислит, сколько смертей, болезней, мучений принесет это тем, кто живет с подветренной стороны?

Эриксон обещал прислать мне карту, где показано, как распространяется радиоактивная отрава с полигона в Неваде. Карта озаглавлена —«Бомбежка Америки».

— А я вот пока еще не определил названия своей книги, которую готовлю к печати,— сказал мне Эдвард Уолш, профессор социологии Пенсильванского университета.— Хотел сначала назвать ее «В тени башен». А сейчас думаю, может быть, «В тени демократии». Ведь речь идет о том, как в условиях нашей демократии утаили от народа всю правду об аварии на атомной электростанции «Тримайл айленд»...

Уолш был в городе Гаррисберге, штат Пенсильвания, когда в 12 милях от него произошла катастрофа с реактором «Тримайл айленд».

— Была среда, 28 марта 1979 года,— вспоминает он.— Станция принадлежит частной компании «Метрополитэн Эдисон». До сих пор — а минуло уже семь лет — никто не знает, какого уровня достигла тогда радиация, вырвавшаяся наружу. Три дня «Метрополитэн Эдисон» скрывала катастрофу. А угроза для жизни, здоровья людей была явная. Когда вечером в пятницу у губернатора Пенсильвании Ричарда Торнбурга наконец вырвали приказ об эвакуации, эвакуировали знаете сколько? Более 150 тысяч человек...

Кей Пикеринг, руководительница организации «Тримайл айленд алерт», сообщила мне другую цифру — более 200 тысяч.

— Да, мы не знаем всех данных об аварии. А самое главное: власти заодно с компанией «Метрополитэн Эдисон» твердят, будто никакой угрозы для безопасности населения не было. Но люди-то умирают до сих пор.

Когда я заканчивал эту корреспонденцию, американская кабельная телесеть Си-эн-эн повторила репортаж с пресс-конференций 6 мая в Москве. Советские государственные деятели, ученые, специалисты обстоятельно рассказали о событиях на Чернобыльской АЭС, о мерах по ликвидации их последствий, о заботе страны о здоровье каждого человека, оказавшегося в зоне аварии.

Эта откровенность резко контрастировала с герметически закрытым характером другой стороны. Той, которая занимается тайной ядерной бомбежкой Америки.

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

Я ОТВЕЧАЮ ЗА ВСЕ

Юрген ЕССЕЛЬ

8 мая — день освобождения немецкого народа от фашизма. Победа Советской Армии над гитлеровским рейхом открыла новую страницу в истории Германии. На немецкой земле родилось государство рабочих и крестьян — Германская Демократическая Республика. Главные проблемы жизни страны были в центре внимания состоявшегося недавно XI съезда СЕПГ.

О человеке новой Германии, коммунисте, гражданине ГДР рассказывает этот очерк.

— Только не делайте из меня героя,— говорит Швенк.

А зачем, собственно? Детлеф Швенк родился в 1944 году в Егерсдорфе под Штраусбергом. Мастер завода электроаппаратуры Берлин-Трептов. В сорок один год — дедушка. Обоим этим занятиям предан телом и душой. Житель нового микрорайона на северо-востоке Берлина. Автомобилист, водитель «трабанта».

Если судить по личному делу, просто образец. Однако в жизни все было не так просто.

Трех лет он уже знал, что такое голод. Шести — палил из найденного в лесу пулемета. Мама умерла, отца тоже нет, он на работе. Мальчик, скитавшийся по родственникам, рос как дикарь, пока в восемь лет у него не появилась мачеха, хорошая мать, к которой он и сегодня привязан. В детстве он рыскал со своими сверстниками по соседнему аэродрому. Там были русские. В обед ребятишки пировали у них. Каша давала ощущение сытости, а сверх того прививала иммунитет против глупых и злобных речей старых сплетниц.

Это было время, когда жизненной меркой служил желудок. Довольно широко распространенная мерка. Но после 1945 года в Егерсдорфе и окрестностях появились люди, которые, проведя многие дни с пустым желудком, все же имели иную жизненную мерку. Одним из них был отец Швенка. Старый коммунист, квалифицированный судостроитель, вскоре после войны народный полицейский, а позднее учитель.

— Для меня,— говорит Детлеф,— слово «коммунист» всегда означало особенного человека. Именно таким был отец. Жили мы, правда, нелегко.

Что же, отец рисовал картины светлого будущего, а сын слушал его с блестящими глазами? Увы, в жизни было не так. Сын коммуниста Швенка тоже поддавался соблазну время от времени перебираться на другой берег Шпрее. О границе между двумя Германиями тогда еще речи не было. Сидя в кино где-нибудь в Нейкёльне или Крейцберге и дивясь мерцающему миру Голливуда, он воспринимал его по курсу один к одному. По окончании десятилетки любитель кино объявил отцу, что хочет работать на Западе. Тогда это было возможно, так поступали «гренцгенгеры» — «ходоки через границу», и вот Швенк-младший захотел стать одним из них.

— Мальчик, ты меня очень огорчил бы,— сказал отец. Вместо жалоб и увещеваний он устроил сына учеником автослесаря. Было не просто найти такое место, и парень о нем мечтал.

— Мастер, у которого я учился,— рассказывал Швенк,— был старой школы. Он стоял на ступеньку выше, ступенька обязательно должна была быть, и наблюдал, чтобы утром никто не опаздывал, вечером не уходил слишком рано, не затягивал перекуры и не воровал. Естественно, он распределял и принимал работу. Люди и их заботы его не интересовали.

— Я отвечаю за все,— говорит мастер Швенк,— за все, что происходит и не происходит на моем участке. За людей, за станки, за выпуск продукции, за качество. Здесь не может быть никаких поблажек. Я не могу все делать один, но я и не могу ни на кого перекладывать ответственность. Планирование, материальное снабжение, согласовывание со смежниками — я не могу сказать: пусть это делают они. Кто они? А я? Другие и я.

Возможно, Швенк стал бы хорошим инженером, но совершенно ясно: сегодня он на своем месте. Так считает и он сам.

— Я должен быть рядом с рабочими: ежедневный контакт, разговор, спор. Я слишком прям? В сущности, я жду от каждого, чтобы он думал, как я. Этого, естественно, не происходит. Тогда я злюсь на других и на себя. Я люблю спор, пусть даже шумный, но такой, который ведет нас вперед.

Однажды кое-кто у нас в цехе решил покрасоваться на белом коне,— говорит Швенк.

Это надо перевести: кое-кто громко, очень громко возвестил, что для максимального использования дорогостоящих станков нужен скользящий график. На все дни недели. Ура, хлопание по плечу, буря аплодисментов. В понедельник утром буря стихла. Рабочие, которых «всадник на белом коне» забыл спросить, сказали нет. Через некоторое время окружное партийное руководство с легким нетерпением в голосе осведомилось: когда вы выполните свое обещание? Уклончивый ответ. Новый вопрос — новые увертки. В конце концов партийное руководство обратилось к Швенку: «Можешь ты, коммунист, оставаться в стороне, когда на соседнем участке такое творится?»

Детлеф в это время серьезно подумывал об инженерном образовании. Тем не менее он ответил: «Нет, не могу». «Тогда берись за дело!»

— Начальству я сказал: позаботьтесь о материалах, а с людьми поговорю я сам.

Он поговорил с каждым. И не раз. Рабочий хочет знать, почему нужно делать то или иное, и это его право. Мастер Швенк всем сказал: кто против графика, может уходить, но сейчас, прежде чем мы начнем. Кто останется, на тех я полагаюсь...

Скользящий график действует уже больше двух лет. Люди привыкли — обычное дело. Не обошлось без проблем. Одну Швенк решил партизанским способом. Не вполне корректно, зато успешно. Когда пришло время всему участку получать орден «Знамя труда» высшей степени, Швенк заявил: он не поедет получать орден.

— Что за шутки?

— Мне не до шуток. Прежде чем отправиться в ратушу, я хочу знать, будет ли обеспечена загруженность моих станков. Мы дискутируем неделями, но твердого обещания я не имею.

— Об этом мы еще поговорим, а сейчас отправляйся за орденом.

— Нет.

— Но ты не можешь так поступить!

— Могу. Скользящий график — мое партийное поручение, за которое я несу ответственность.

В конце концов под честное слово, скрепленное рукопожатием, Швенк едет в ратушу, а на следующий день решение принято: станки будут обеспечены работой.

...Бывают дни, когда Швенк приходит домой, бросается в кресло и говорит себе: «Все! Я сыт по горло. Не хочу ничего ни видеть, ни слышать!»

Но ночью, когда не спится, Швенк размышляет. О чем? О том, чего он больше не хочет ни видеть, ни слышать.

То, что человек носит в кармане партбилет, не делает его автоматически коммунистом. Что же тогда?

— Слово и дело должны совпадать,— говорит Швенк.— У меня в школе был директор, который не переводил в девятый класс никого, кто не был членом Союза молодежи. Во время каникул он сбежал на Запад... Я знаю некоторых, которые на заводе пользуются любой возможностью, чтобы трубить о победе социализма, а вечерами в пивной куда как сбавляют тон. Двойной бухгалтерии быть не должно,— считает Швенк.— К нам на предприятие как-то поступили «Лады». Три человека с моего участка получили. Я не подавал заявления. Если человека посылают на передовую — я имею в виду работу,— то не надо отправлять его в конец очереди, когда получают автомашины.

На работе, убежден Швенк, коммунист должен сначала рассчитывать, потом спорить, работать, давать оценку и лишь после этого кричать «ура», если для этого есть основание. А не наоборот!

— Я стою за свои убеждения, за свою партию, за свое слово. Не потому, что другие этого хотят, а потому, что я этого хочу.

С тех пор как установлена скользящая неделя, Швенк тоже проводит выходные и праздничные дни на предприятии. Никто этого от него не требует. У мастеров нормальная смена, с понедельника до пятницы.

— Я не могу иначе,— говорит он.— Можете назвать это моральной обязанностью, но я не хочу в пятницу вечером вешать свою ответственность на гвоздь.

Швенк научился мерить правильной меркой не только жизнь вообще, но и себя самого, а это, как известно, не так просто.

Журнал «Фрайе вельт» (ГДР)

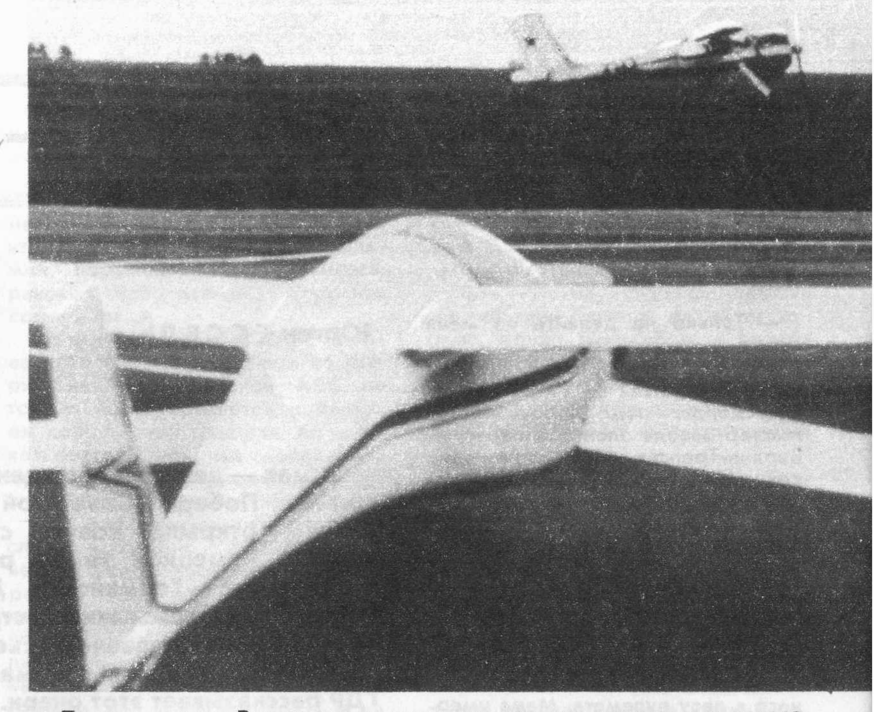
Детлеф Швенк (на снимке он слева): «Мастер должен быть рядом с рабочими».

Фото Детлефа Христеля

Высший пилотаж позволил продемонстрировать «Квант» — детище студентов МАИ.

Первая премия Всесоюзного слета сверхлегких летательных аппаратов присуждена самолету «А-8» Юрия Яковлева из Куйбышева.

Фото А. КУЛЕШОВА

Василий ЗАХАРЧЕНКО,

Крылья для по

Я стою перед совсем еще молодым человеком и взволнованно всматриваюсь в его разгоряченное лицо. Слушаю его и почти не верю ни своим глазам, ни своим ушам.

Николай Иванович Демидов — электрослесарь из Новошахтинска. Он, как говорится, в домашних условиях сам построил личный вертолет на основе двигателя от автомобиля «Жигули» и запросто летает на своей винтокрылой машине. Все продумано самолично. Все сделано своими руками. Летает сам... Но полетела только четвертая машина.

Спрашиваю: зачем строил?

Отвечает:

— Как это зачем? Чтоб летать. Чтоб наслаждаться полетом. Когда-то, много лет тому назад, мои сверстники мечтали о велосипеде: хорошо бы поездить. Потом мечта переключилась на автомобиль: эх, построить бы самому да покататься вволю. Ну а теперь мечта пересела на крылья — полетать хочет... Делаю для себя... Делаю как хочу.

— А вы знаете, он прав,— вмешивается в разговор летчик-испытатель В. Г. Гордиенко.— Ощущение полета — одно из сильнейших. Вольный полет — это и вдохновение, и творчество. Вот мы летаем сегодня на сверхзвуковых самолетах. И я не получал на них такого подлинного удовольствия, которое испытываешь при полете на самом примитивном дельтаплане. На «сверхзвуке» все затехнизировано. А в вольном полете все проходит через тебя—ты чувствуешь себя частицей природы. С нею с глазу на глаз беседа...

Слова сверхпрофессионала и слова умельца заставляют задуматься. Почему вдруг на стыке двух тысячелетий — второго и третьего,— в век величайшей научно-технической революции человек вновь и вновь обращается к тому, что мы назовем примитивом? Кто-то на веслах пересекает Атлантику. Кто-то пешком идет через Каракумы, кто-то на мускульной энергии перелетает через Ла-Манш.

«Может быть, душа, отягощенная техникой, ищет самоутверждения в просторе, в личном преодолении пространства и времени»,— думаю я.

— Мечтали мы о полетах всей семьей — я, супруга, сын и дочь,— рассказывает другой умелец, Лев Александрович Соловьев.— Каждый из нас мечтал еще в пору своего детства. Чем раньше бросить зерна, тем глубже прорастают корни.

Семья Соловьевых построила планер с размахом крыльев тринадцать метров. А размах планов еще значительнее: семейство хочет обогатить планер мотором. Повод тот же — небо зовет.

И зовет оно, как можно заметить, не только отдельных энтузиастов, но и целые коллективы умельцев и мечтателей разных поколений.

Вячеслав Геннадиевич Рябинин — учитель школы № 4 в Златоусте. Он возглавляет группу школьников, построивших самолет, который летает.

Самолет так и называется — «Школьник». Но этот скромный аппарат почти с высшим образованием.

— Мне было четырнадцать лет, когда в 1962 году мы построили в авиамодельном кружке самолет «Малыш». Было нас в ту пору всего двенадцать человек,— рассказывает учитель.— Но руководитель нашего кружка Лев Александрович Комаров понимал: ребятам можно доверить большое дело. И что же? Через кружок прошло несколько сот ребят, ставших впоследствии специалистами. Да и самого Комарова пригласил к себе великий помощник авиасамодельщиков генеральный конструктор Олег Константинович Антонов.

И вот через двадцать лет уже новые школьники Златоуста решили повторить опыт кружка. Начали с самоходных плугов, мини-тракторов и вездеходов. Пришли к самолету, построенному всего лишь за полгода.

— В «Школьнике»,— рассказывает летчик-испытатель В. Г. Гордиенко,— меня как профессионала привлекли простота и надежность — основные качества самолета. И мне захотелось поддержать талант ребят, поднять самолет в воздух. Он полетел при испытании на втором Всесоюзном слете легкомоторной авиации в Киеве. И как еще полетел! Жаль, что сверху не разглядеть радостных лиц мальчуганов. Ведь нет ничего счастливее видеть свою машину, поставленную на крыло.

— Какова надежность построенных аппаратов? — спрашиваю инженера-конструктора Виктора Васильевича Васянина.

— За десять дней слета десять испытателей провели сто пятьдесят полетов. За это время было пять поломок и одна вынужденная посадка. Но и этого можно избежать, если придирчиво относиться к технике.

...Чеслав Кишонас — водолаз из Каунаса. Он умелец особого сорта. В детстве летал с крыши, затем прыгал с парашютом, а позже строил планеры и мотопланеры. Они прекрасны для обучения. Уже свыше двухсот человек, от мала до велика, летали на его планере «Гарнис». У летающего водолаза своя школа подготовки полета. Гидропланер взлетает с воды за катером. Это значительно безопаснее.

— Самодеятельная авиация,— говорит летчик-ветеран Игорь Иванович Шелест,— отвлекает молодежь от скуки, от «клубов» в подъездах. Вокруг Кишонаса — огромный, увлеченный коллектив ребят: школьники, студенты... Все каникулы они возле планеров. Мамы и папы молятся на Чеслава. Увлеченность ребят определит их судьбу, профессию, будущность, становление характера.

Сверхлегкая авиация может найти и практическое применение. Лесная охрана, обход линий электропередач, геология, обработка посевов, подкормка с воздуха — вот лишь немногие области, где такая авиация незаменима.

Мне запомнились слова молодого конструктора мотодельтаплана, студента Московского авиационного института Игоря Никитина:

— Уже сегодня конструкторы мотодельтапланов Харькова и Ри-

ги готовы работать со своей техникой в сельском хозяйстве. Мой двухместный аппарат уже использовался геологами в полевых условиях и показал себя отлично.

Участвуя в двух слетах, мы поняли: самодеятельное авиастроение — прекрасная школа для будущих профессионалов. Жесткие условия, в которых работают любители, заставляют их применять столь разумную технологию.

Кстати, когда конструктор сам летает, он может отлично проверить все свои новаторские решения.

Сам летает... Встает законный вопрос: а имеет ли он право летать без подготовки? Это опасно.

Вопрос поставлен правомерно и своевременно. Многие сотни построенных любителями самолетов и мотодельтапланов не дают права просто взлететь.

Во-первых, каждый летательный аппарат подвергается строжайшей технической комиссии, и только ее выводы могут дать право эксплуатировать машину. Специалисты высоко оценили самолет «Дельфин», созданный любителями из Кронштадта, и двухместный мотопланер СЛА-85, построенный сибиряками. Дело за остальными аппаратами.

Во-вторых, конструктор или строитель должны пройти летную подготовку, прежде чем им может быть доверен их же собственный аппарат в воздухе. Самолет не велосипед и не автомобиль. С

ЛЕТА

ним шутки, как говорится, плохи. Выполнение двух этих неукоснительных правил, как нам кажется, ложится на плечи двух организаций: ДОСААФ и Министерства авиационной промышленности.

Министерство, черпающее кадры из одержимой армии авиалюбителей, должно им всячески помогать.

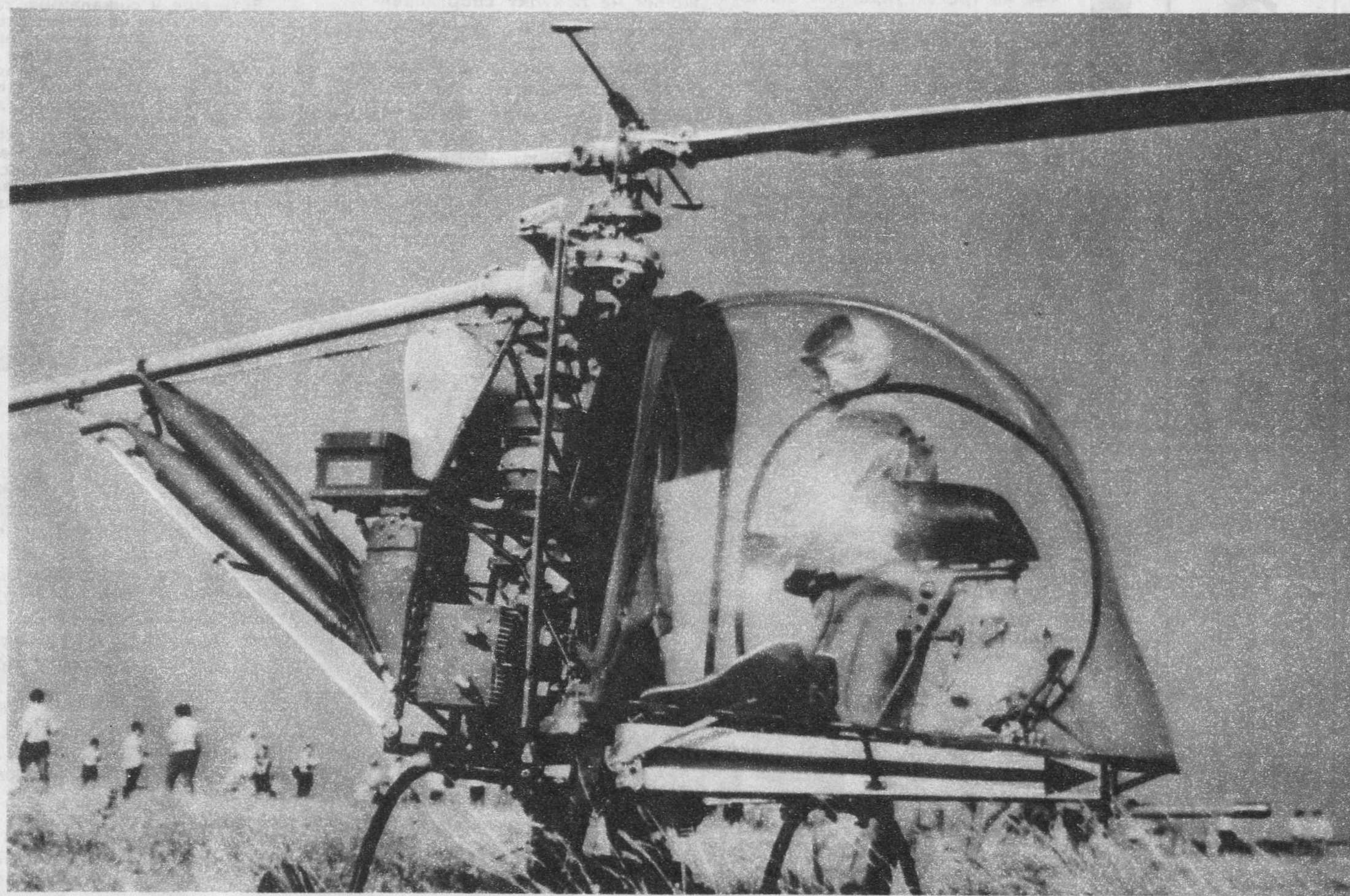
Проверяя техническую грамотность конструкции, обеспечивая умельца не только советами, но и материалами, старшие товарищи смогут отлично «отфильтровать» наиболее талантливую молодежь для своих конструкторских бюро и заводов.

ДОСААФ как общественная организация, возможно, могло бы взять на себя обучение на своих аэродромах самодеятельных пилотов по принципу подготовки автомобилистов. Придет время, и удостоверение летчика-любителя станет привычным, как любительские права, которые законно получает сегодня владелец автомобиля. Конечно, в этом случае не следует забывать лозунг, который я видел однажды на борту грузовика: «Водитель, не забывай: дорога не космос. Будь осторожен».

Я рассказал лишь о нескольких умельцах, «ставящих на крыло» свои необыкновенные конструкции. Не останавливать, а помогать этим людям — вдохновенным бессребреникам, живущим исконной мечтою полета!

Мотодельтаплан Игоря Никитина.

Это не стрекоза, а вертолет из города Каунаса.

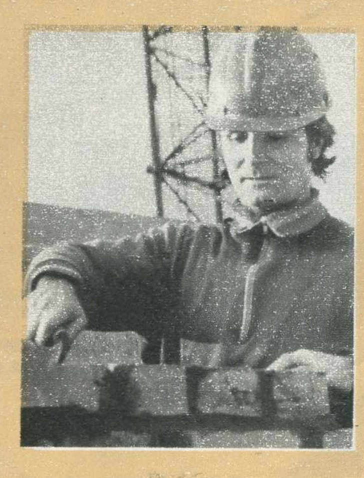

Время отдыха, ваш досуг... Существует немало рецептов, как провести его.

Мы публикуем письма читателей, в которых они обсуждают проблемы свободного времени.

Я ЗА ТАКИХ «ЧУДАКОВ»

Валерий Смирнов — не только организатор клуба «Монолит», но и лучший каменщик треста «Киевгорстрой».

Когда Валерий Смирнов впервые спустился в подвал при общежитии треста «Киевгорстрой» № 4, там валялись старая мебель и одна поломанная штанга. Смирнов стал конструктором и чернорабочим, дизайнером и плотником, штукатуром и монтажником. Все свободное время: вечера, выходные дни, отпуск отдавал он работе. Появились сподвижники. Разобрали полуметровую стену, расширив этим помещение на треть, укрепили балками перекрытие, сделали бетонное основание, настелили полы, выложили стены кафелем. Завезли штанги, гантели, гири. Многие тренажеры изобрел сам Валерий, некоторые из них даже запатентованы в Госкомитете СССР по делам изобретений и открытий. Задумал Смирнов спортзал для рабочих, а зал превратился в клуб. Назвали клуб «Монолит». Собрали деньги, купили самовар, стереомагнитофон, цветомузыку.

— У нас прочный и дружный коллектив,— говорит оптик-механик завода «Арсенал» Лев Хинчук, — хотя занимаются здесь люди разные — и рабочие и кандидаты наук. Сейчас в клубе около семидесяти человек, от пяти лет до пятидесяти. Валерий—мастер спорта по тяжелой атлетике, был чемпионом Киева, но я считаю, что, создав «Монолит», он поставил свой лучший рекорд в жизни.

— Валерий меня спас,— продолжает столяр Леонид Орловский.— Я раньше выпивал, с вытрезвителем даже был знаком. Он меня чуть ли не силой затащил в клуб, заставил тренироваться. И вот сейчас спортивная форма отличная, в рот спиртного не беру, женился. Спасибо Смирнову...

В Киеве, как и в любом городе, немало пустующих подвалов. А много ли таких клубов, как «Монолит»? Уверен, что мало, потому что Смирновых мало. До 17 часов работает Валерий на стройке — он один из лучших каменщиков треста «Киевгорстрой»,— а все свободное время, до ночи, занят в спортклубе. И Смирнова-младшего, двенадцатилетнего Ромку, привел сюда. Клуб—его вторая смена. Откуда эта самоотдача, бескорыстие: Смирнов вложил много личных сбережений на покупку спортинвентаря. Возможно, сказывается детдомовская закалка.

Пусть его иногда называют чудаком. Легче всего прийти на готовенькое, полученное сверху. Я за таких «чудаков», которые готовы отдать свое личное время на пользу людям.

А. ЗОЛОЗОВ, кинорежиссер
Фото автора.

Киев.

После тренировки чай особенно вкусный.

КОГДА БУДЕТ СПОРТЗАЛ?

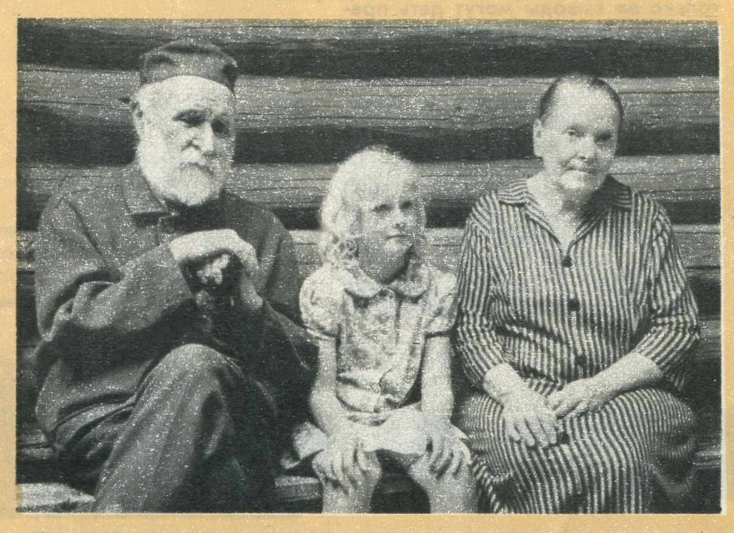
Мне повезло. Мои дети не знали праздности: учеба и занятия в гребной секции поглощали все их свободное время. Поэтому я за стадионы, спортплощадки, залы, секции.

Рассказывая о нашем городе Счастье, «Огонек» уже писал, что у нас, энергетиков Ворошиловградской ГРЭС, нет спортивного зала. О его строительстве толкуют лет двадцать пять. А дело ни с места. Нашлось оправдание: в городе, мол, так много спортивных сооружений, что спортзал не нужен. Да, есть залы в школах и ПТУ, но они малы, и рабочие станции пользуются спортзалом школы № 25 на правах бедных родственников. И это в то время, когда даже колхозы имеют свои спортзалы и бассейны.

Зато вечером после работы есть где выпить. Закрыли ресторан в летнем парке, его называли «женские слезы», открыли другой — «Березку» и еще один капитальный, основательный ресторан — «Северский Донец». Вместо спортзала — туда...

Я люблю свой город. Болею за него всей душой, поэтому и пишу. Вот посудите: приезжали

ФИЛЬМ В МОЕЙ КОМНАТЕ

Кадр из фильма «Карачаровский домик».

Есть еще, к сожалению, такие люди, которые не знают, что делать в свободное время, жалуются на скуку. Вот им бы я и посоветовал заняться кинолюбительством. Увлечение это не требует больших затрат, да и освоить его нетрудно.

...Сгущаются сумерки. Жители нашего дома торопятся в кино: не опоздать бы! А сеанс рядом, в моей квартире. На экране — наш двор. Первые шаги делает Любочка Булыгина, провожают в армию Сашу Пищелева. А вот и свадьба. Праздник 1 Мая, поет частушки Шура Архипова. Каждый год в объектив попадает субботник. Мелькают титры. Знакомые лица. В комнате оживление, интересно видеть себя на экране. В домашнем кино зритель — он же актер! Экран гаснет, но люди не расходятся. «Покажите про ежика!» — просит детвора. И

ВСПАХАЛИ СТАДИОН

...У нас в селе молодым заняться нечем. Был единственный стадион, который мы построили своими руками. В свободное время в футбол играли. Но недавно стадион вспахали трактором. Руководители совхоза говорят, будут что-то сеять. Клуба у нас тоже нет, и неизвестно, когда построят. О дискотеках и не заикаемся. А сейчас остается одно: убивать время, шатаясь вечерами по улицам, или собираться компаниями и выпивать.

Молодежь села Навтлуг Джалилабадского района Азербайджанской ССР

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели!

Напишите нам, как вы любите проводить свой досуг, о своих увлечениях. Что в вашем городе или селе, на заводе, предприятии, в институте мешает культурно-массовой работе! А ваша комсомольская организация! Нашла ли она вожаков, которые, умело организовав молодежный

к нам гости из ГДР, любовались городом и ГРЭС. Попросили показать спортзал, а тут заминка: нет его у нас. Когда-то деньги на его строительство были отпущены, но в первую очередь требовалось жилье. И это правильно. А сейчас? Важно, чтобы ГРЭС выполняла план и сегодня, и завтра, и послезавтра. А вот как отдыхают люди? Видимо, этот вопрос не интересует ни руководителей города, ни министра энергетики и электрификации УССР.

В. КЛИМОВ

Счастье
Ворошиловградской обл.

вот на экране появляется ежик, который зимовал у Алеши Морошкина...

Увлечение кинолюбительством пришло ко мне уже в пенсионном возрасте. Отснял первую ленту 15 лет назад. С тех пор и веду постоянно пополняющуюся документальную кинолетопись «А у нас во дворе». Кусочек жизни обыкновенных людей. Однако как сплачивают жителей нашего дома эти немудреные кадры, сколько приятных минут доставляют они. Время от времени ко мне заходят герои моих фильмов. И я с удовольствием показываю им старые пленки.

Кроме этой кинолетописи, я снял фильм о писателе И. Соколове-Микитове, который отдыхал в Карачарове, недалеко от Калинина, ленту «Литературное Верхневолжье», киноочерк «Друзья-книги». Запечатлены на пленку достопримечательности Киева, Севастополя, природа Крыма, Поволжья. Более пятидесяти фильмов. Сам обрабатываю пленку, монтирую. С помощью магнитофона «Электроника-302» озвучиваю. У меня много друзей-кинолюбителей, с которыми обмениваемся опытом: молодой учитель из села Медное А. Валдохин, телевизионный мастер из Калинина В. Королев, мои однополчане А. Иванов, С. Петровский. Как видите, скучать не умею. И слова «скука» не признаю. Испытываю радость оттого, что мое увлечение приносит еще и общественную пользу.

...Вечереет. Надо готовить экран. Сегодня пойдет фильм «Век без старости». Приходите!

И. РАЗЖИВИН,
участник Великой Отечественной войны

Калинин.

отдых, дали бой всему наносному и вредному! Чему вы отдаете предпочтение — доверительному разговору с интересными людьми в молодежном кафе или спортивным играм, дискоклубу, любимым увлечениям? Расскажите нам об энтузиастах, которым незнакомо слово «скука» и они безвозмездно отдают свое свободное время и силы для организации досуга других.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

БЕСПОКОЙНЫЙ СУХОВ

В «Огоньке» № 8 под рубрикой «Память» был опубликован очерк Дм. Лиханова «Беспокойный Сухов». От имени многих читателей хочу сказать спасибо Евгению Петровичу за то, что чтит память погибших воинов, ухаживает за братской могилой.

Мы с Суховым ровесники. Отец мой погиб на фронте, оставив матери трех сыновей, но вскоре во время эвакуации наш средний брат умер. Мать воспитала нас, дала высшее образование. То, что делает Е. П. Сухов,— благороднейшее из благороднейших дел. Я понимаю, что в нашей действительности есть явления, которые принято называть негативными. Но не карьеристы, не шкурники и стяжатели выстояли в 1941 году, не они осваивали целину, строили БАМ. И не по ним нам измерять свой шаг в жизни, а измерять этот шаг мы будем по Сухову. Поэтому чаще публикуйте очерки о таких замечательных людях, как Сухов. На их примере мы должны воспитывать молодежь.

В. ИГНАТЬЕВ

Краснодар.

ПЕЩЕРНЫЕ ЛЮДИ

Не могу оставаться равнодушным к статье Валентина Пустовойта «Пещерные люди», опубликованной в № 7 «Огонька». Где родились и воспитывались эти люди, которые перечеркнули и забыли святое слово любовь?

Немного о себе. Сейчас мне шестьдесят. С женой мы прожили 34 года, когда женились, она была колхозницей, я учителем. И мысли не возникало о том, что кто-то кому-то неровня. Десять лет назад случилось у нас горе, такое же горе, как у Инны Ивановны, о которой пишет Пустовойт: после инсульта моя жена стала инвалидом. Сын, дочь и я делали все, чтобы она не чувствовала себя лишней и одинокой. А спустя шесть лет еще удар — полный паралич. Необходим индивидуальный уход. Нет, я не отправил ее на вечное лечение, хотя знал, что жена будет болеть долго. Оставил работу, материально было тяжело, тем более что дети уже жили в Одессе своими семьями. Простите за откровенность, но ее желания я угадывал по выражению глаз и взмахам руки. Я был с ней постоянно и не стесняюсь сказать: любил ее.

Прав «Огонек», осуждая Инну Ивановну, Харитона Харитоновича, Ларису Владимировну и иже с ними. Растоптали они чувства, которые не купишь ни за «Жигули», ни за хрусталь и ковры. Им ли говорить о воспитании детей? На мой взгляд, их надо лишать родительских прав, тогда и не будет возникать вопрос, в кого уродились такие дети?

Ф. ВИТВИЦКИЙ

пгт Любашевка
Одесской обл.

ПИСЬМО НЕ НАПЕЧАТАНО. МЕРЫ ПРИНЯТЫ.

ПОЕЗДКА СО ЗЛОКЛЮЧЕНИЯМИ

«Мой сын учится в Ленинграде. За два истекших года я ездила туда несколько раз и всякий раз со злоключениями»,— пишет в редакцию москвичка Д. Петрова, подробно перечисляя все неудобства, с которыми она столкнулась в пути. Впрочем, на наш взгляд, слово «неудобства» звучит очень мягко. В вагоне душно и намусорено, воды в туалете нет. Молодой холеный проводник, принимая претензии как личное оскорбление, рекомендовал умываться в соседнем вагоне. Белье сырое, радио не работает. Поезд опоздал на четыре часа.

С этим письмом редакция обратилась в Министерство путей сообщения СССР. Начальник главного пассажирского управления Б. И. Торба сообщает следующее: «За непринятие надлежащих мер по обеспечению следования пассажирских поездов по расписанию заместителю начальника Октябрьской железной дороги тов. Журавлеву объявлен выговор. Начальнику Московского вокзала Ленинграда тов. Лощинину и начальнику вагонного участка Ленинград-пассажирский — Московский тов. Савельеву, не обеспечившим должный контроль за обслуживанием пассажиров, объявлены строгие выговоры. Привлечены также к дисциплинарной ответственности начальник поезда № 28 Москва — Ленинград тов. Вальтисерова и проводник вагона № 13 этого поезда тов. Рыбченко».

«Я не суеверна,— пишет Д. Петрова,— но может быть, все дело в числе 13?» Как видим из ответа Б. И. Торбы, злополучное число здесь ни при чем, а виноваты конкретные люди, не обеспечившие пассажирам даже минимум удобств.

СВАЛКА, ДЕТИ И ГАЗОВЫЕ ЕМКОСТИ

Житель города Нурека А. Картавцев сообщил редакции, что во дворе его дома находится громаднейшая свалка, и вдогонку к первому письму для подтверждения сказанного выслал две фотографии. Действительно, на фото видим огромные емкости и предметы, назначение которых понятно разве что специалистам-газовщикам да еще... детям. «Ведь для детей это самое лучшее место для игр,— пишет А. Картавцев.— Надеюсь, что «Огонек» подтолкнет соответствующие органы, напомнив, что забота о людях есть их первейшая обязанность. Наши обращения, увы, успехом не увенчались».

«Факты, указанные А. Картавцевым, подтвердились,— отвечает редакции заместитель директора Нурекской ГЭС С. Ф. Гатин.— Сообщаем, что прошлым летом в районе жилых домов по улице 40 лет Таджикистана были произведены подготовительные и земляные работы для замены газовых емкостей, пришедших в негодность. Однако с выделением новых емкостей произошла задержка. В настоящее время газовые емкости заменены и ведутся работы по их засыпке и ограждению».

К сожалению, тов. Гатин прислал ответ слишком общий и обтекаемый, не указав имена людей, причастных к нарушению правил техники безопасности. Но тем не менее редакция надеется, что руководство Нурекской ГЭС не будет действовать по пословице «обещанного три года ждут» и нашему читателю А. Картавцеву не придется в третий раз обращаться в редакцию.

СКОЛЬКО СТОИТ НЕВНИМАНИЕ

Что мы делаем, когда в квартире запылился палас? Идем в химчистку. Д. Фоменко из ст. Новоивановской так и поступил. Приемщики райбытуправления и Тихорецкой фабрики химчистки, как это водится, приняли палас в работу, но не рассмотрели, что его клеевая основа повреждена. Словом, напрасно приняли, невнимательны оказались. И вот Д. Фоменко пожаловался в редакцию, что вместо паласа, стоимость которого, прямо скажем, немалая, он получил нечто такое, что уже на пол постелить невозможно. Председатель Новопокровского районного Совета народных депутатов Краснодарского края В. Пархоменко сообщил «Огоньку»: «В настоящее время Д. Фоменко возмещен ущерб в сумме 175 рублей за испорченный палас за счет виновных, а также возвращены 15 рублей, уплаченные им за работу по прейскуранту».

Как видим, дорого обошлось невнимание: Д. Фоменко лишился любимой вещи, а виновные — 175 рублей. Хорошо, что из своего, а не из государственного кармана.

●

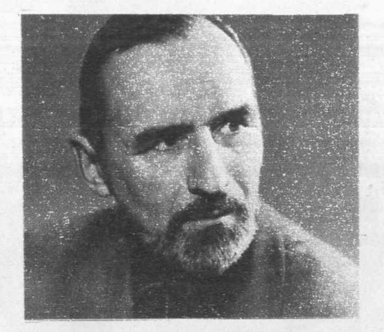
Жители села Верхнее Казанище сообщили редакции об аварийном состоянии моста, соединяющего село с г. Буйнакском, куда им приходится ездить на работу. Исполком Буйнакского районного Совета народных депутатов Дагестанской АССР отвечает «Огоньку», что в настоящее время мост капитально отремонтирован и автобусное движение возобновлено.

●

Касимовский горком партии рассмотрел письмо инвалида Великой Отечественной войны В. Перфильева, пересланное редакцией. На заседании парткома колхоза имени Калинина председателю сельсовета М. Рыбкиной указано на необходимость более внимательного отношения к нуждам и просьбам инвалидов и участников войны. В. Перфильев обеспечен необходимым запасом дров.

●

Инвалид Великой Отечественной войны Е. Чушкин, проживающий в Симферополе, обратился в редакцию с просьбой об установке телефона. Как сообщил секретарь Симферопольского горкома Компартии Украины О. Гаврин, техническая возможность для установки телефона Е. Чушкину была найдена.

Юрий ЛЕОНОВ

РАССКАЗЫ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Копаю картошку на огороде и время от времени даю отдохнуть не столько телу, сколько глазам, уставшим вглядываться в развороченную лопатой землю. Разгибаюсь, гляжу окрест и не могу наглядеться уже который год.

Дивная ширь распахнуто лежит на три стороны, и через всю эту необъятность, то исчезая за излучинами, то взблескивая дугами дальних плесов, то, наконец, привольно струясь внизу, под крутояром, течет Ока. Посмотришь налево — за развалом холмов, по которым рассыпалось стадо, за позолоченными осенью перелесками вознесся к небу, как перст, ажурный остов пощуповской колокольни. Посмотришь прямо — за конопушками копен на заливных, зеленеющих отавой лугах, за пестрыми крышами Солотчи темной щетиной встают боры бескрайней Мещеры. Глянешь направо — за курчавыми строчками прибрежных тальников, за гладью нив дугой опоясали горизонт строения древней Рязани... Все краски русского приволья сошлись здесь, оттеняя и дополняя друг друга. Так и стоять бы у плетня наедине с этой ширью, впитывая в себя целительный настой ее лесов и вод. Но делу время...

Картошка нынче уродилась мелкая, земля липкая после ненастья. Кладешь поклон за поклоном, а ведро все полно лишь наполовину. Как вдруг откуда-то с севера пробились в меня отрывистые, щемящие сердце кличи. Похожи были они на журавлиные, но в то же время не курлыканье, не трубные и протяжные возгласы расставания — возбужденный птичий грай. «Вот сейчас подлетят ближе, и провожу взглядом колышущуюся в небе станицу»,— скользнула беглая мысль.

Выкопал несколько кустов, а кличи несутся все оттуда, в тоске и смятении. Поднял голову — поодаль от соседнего села Пощупово вертелась в небе странная карусель. Две стаи, словно догоняя друг друга, кружили, то почти смыкаясь, то разлетаясь так, что видны были отдельные пары. Чуть погодя в парящем коловороте угадалась слаженность движений одной крупной стаи. И еще стало очевидно, что карусель все же смещается, но не к югу, как должно бы в эту пору, а на восток, пересекая просторы широкой поймы Оки. Все глуше, глуше те кличи над осинной долгожданным солнцем долиной. Такой нарядной, в бликах зелени и багрянца, она явила себя считанные минуты назад. И столь надрывно звучали над поймой голоса журавлей, что не понять их было невозможно.

Птицы прощались с родиной. Прощались так, будто никогда больше не видать им этих милых сердцу просторов. Вещие птицы, им ли не знать, сколь тернист дальний путь в поднебесье. Еще немного... Да, вот уж только один клич, требовательный, зовущий, остался в небе, клич вожака. Повинуясь ему, стая вытянулась длинной, углом станицей и мерно заколыхалась к югу.

ПРОВОЖ

Из Костина в Константиново ведут несколько дорог, но мы предпочитали самую нехоженую из них. Припорошенными пылью проселками, луговыми, едва приметными стежками обычно спозаранку отправлялись мы, отпускники, втроем, всей семьей, на поклон к земле, вскормившей Сергея Есенина. А в этот раз, когда гостил у нас школьный приятель сына, договорились избрать иной, кратчайший маршрут.

Утром вдоль обочин искристо сверкали росы, обещая ясную, устойчивую погоду. Лесная, обметанная белой кипенью лабазника тропа вывела нас к тихой деревеньке Кривоносово.

Мы миновали последний из домов, когда под ноги выкатились из травы два рыжих кома — большой и маленький. Собаки встретили нас как давних знакомых, обнюхали, приветливо помахали хвостами и потрусили впереди, как будто только и ждали попутчиков в дальнюю дорогу.

Сухощавая, с обветренным лицом хозяйка дома, узрев беглецов, громко окрикнула с порога:

— Барон! Кузя! Вы куда это, гулены? А ну, марш домой!

Трусивший вторым щенок беспокойно завертел кудлатой головой и остановился, прижав уши.

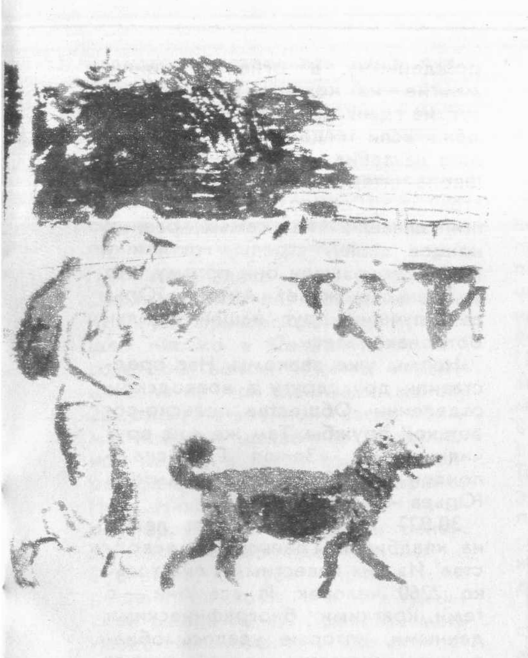
— Кому я сказала?! Сейчас же домой!

Уж так не хотелось меньшому возвращаться, но голос был властен и строг — попробуй ослушаться... И, оглянувшись на нас, с повинной опущенной головой побежал щен обратно, к дому.

Совсем иная реакция на угрозы была у рыжего, ушастого, с грубо стачанной шлеей ошейника дворняги. Он не отреагировал на окрики даже тогда, когда голос хозяйки обрел грозовые оттенки. Мы тоже подключились к тем уговорам, даже ногами топали на собаку, прогоняя ее, впрочем, без энтузиазма, ибо решимость Барона составить нам добрую компанию, несомненно, подкупала своей безоглядностью. Пес трюхал и трюхал впереди, игнорируя все посулы, верный какому-то своему, неведомому людям предназначению.

Так стало нас пятеро. Сначала мы думали, что Барон проводит нас до ближайшей лесополосы, потом — до шоссе. Но пересекли и асфальт, минули еще одну деревеньку, а пес не обнаруживал ни малейшего желания возвращаться.

Барон был молодым, но весьма воспитанным псом. Он не лез под ноги, не заглядывал в лица с искательным выражением, а, соблюдая дистанцию шага в три, невозмутимо возглавлял шествие. Казалось, Барон знал маршрут лучше нас — так безошибочно выходил он на нужную тропу. И уж наверняка пес был более сведущ в лесных таинствах. Во всяком случае, именно там, где он остановился впервые, из травы нежданно-негаданно проглянула масля-

…АТЫЙ

нисто-бордовая шляпка подосиновика. Кто бы мог подумать, что в середине июня лесопосадка порадует нас грибами?..

За Раменками проселок вывернул на луга, даль распахнулась до нежной кисеи березовых рощ, и вместе с запахами цветущего клевера и ромашки, с трелями зависшего в зените жаворонка пролилась в душу такая незамутненная синева неба, что замолчали даже ребята, пылящие босиком впереди.

«Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза»,— отозвались в памяти полузабытые строки.

И угловатые отроки наши зримо напомнили вдруг русоволосого парнишку, не однажды ходившего этой дорогой и годы спустя возвращавшегося сюда не однажды, чаще в памяти, чем воочию:

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Когда за разливом ржи видны стали отдельные домики в Константинове, мы устроили привал под дубом, на рубеже, как зовут здесь границу между соседними хозяйствами. Съели по бутерброду, Барону досталось вчетверо больше — за деликатность.

— Ну, все,— постарался я объяснить псу в последний раз.— Проводил нас почти до места, потрапезничали за компанию, и довольно, беги домой, а то хозяйка совсем тебя потеряла.— Я даже прошелся назад, надеясь увлечь за собой дворнягу. Все же виноватыми чувствовали мы себя перед Бароном: возвращаться-то рассчитывали на автобусе, без него.

Недоверчиво поглядывая на меня, пес протрусил рядом ровно столько, сколько отошел я в обратную сторону. «Неужто не видишь, как хорошо мне на воле?»— прочел я в собачьих глазах, и стоило лишь остановиться да оглянуться, как Барон обрадованно бросился к ребятам.

Пока мы были в музее Сергея Есенина, пес терпеливо ожидал нас. И вот уже подкативший «Икарус» гостеприимно распахнул свои двери. Уговор был такой: пса в автобус не звать, но если запрыгнет туда сам, то попытаться отвезти его обратно. Я был уверен — такая смышленая собака найдет дорогу домой. Но пес столь преданно смотрел с асфальта на нас, усевшихся в мягкие кресла, что подумалось и другое: наверняка побежит за автобусом, пока хватит силенок.

Вот уж вошла в салон и начала продавать билеты кондуктор, водитель включил мотор... Пес неотрывно следил за нами, молотя хвостом и ерзая всем телом от нетерпения. И кто-то из отроков наших, не выдержав, шепнул:

— Барон...

В тот же миг из-под сиденья ребят торчало только рыжее ухо. Пассажиров было немного. И пожилая, обходительная кондукторша сделала вид, что не заметила хвостатого безбилетника.

Так мы и домчались впятером не до костинского поворота, как собирались, а дальше, и прежней дорогой возвратились к тому самому дому на окраине Кривоносова.

Хозяйка словно и не уходила с порога. Подперев руками бока, она встретила нас как злоумышленников:

— Милиция вас не догнала?

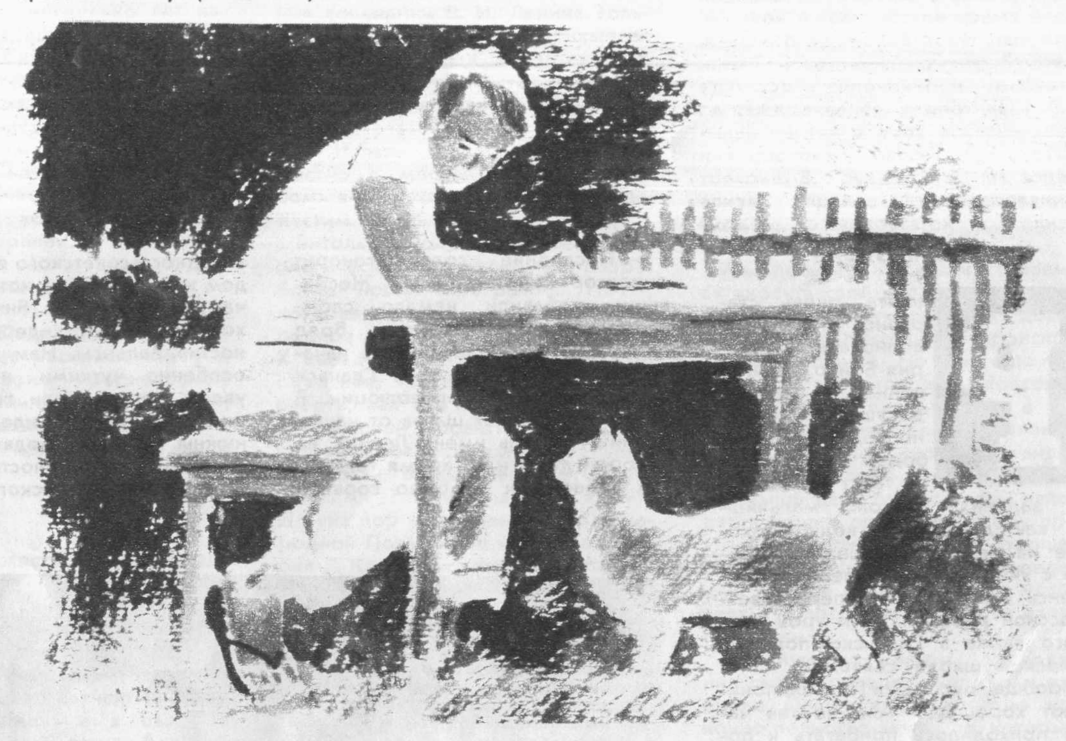
И хоть ясно было, что «тетя шутит», голос ее не обещал ничего доброго ни нам, ни Барону. Напрасно мы пытались смягчить участь пса, расхваливая его воспитанность и тем самым как бы признавая некие заслуги хозяйки дома. Она дернула Барона за ошейник и поволокла за собой, приговаривая, что такому блудне одно только место — на цепи, а нам — еще где-то, очень и очень далеко.

И в этот день, и на следующий жена ждала, что вот-вот появится у нашей калитки знакомая морда с вислыми ушами и застенчивым взглядом желтых глаз: «Подумаешь, на цепи — порвет, он такой!» А на третий день пошел дождь, теплый, обильный. Он наглухо замыл все следы на дороге, ведущей в лесную деревеньку Кривоносово.

ПРЕЗЕНТ

Жили мы в старой избе под Рязанью вдвоем с приятелем, недавно вернувшимся из полугодового рыбацкого рейса. После длительных штормов и мертвых штилей в океанском безбрежии все вызывало в нем новизну ощущений: и жужжание пчел над цветущим терновником, и замшелая пустота колодца с родниковой водой, и заваренный свежим смородиновым листом чай из самовара...

По утрам мы писали разные разности: он — в доме, я — за дощатым столом под яблоней, с которой капал на столешницу тягучий медвяный сок. После обеда спускались к Оке и пытали свое рыбацкое счастье на червяка и на муху, на мякиш и на пареную пшеницу. Счастья, увы, не было. Обстоятельство это почти не задевало нашего самолюбия, однако совершенно не устраивало третьего из нас.

Третьим был Кеша, солидный, уважающий себя дымчатый кот с белыми лапами,— главный хозяин усадьбы. Ежедневно он обходил ее дозором, заглядывая во все закоулки и проверяя лапой, скоро ли появятся всходы на грядках, а по ночам исправно гонял на чердаке мышей, которые поселились там без прописки. Кот вправе был ожидать, что труды его оценят по заслугам. Мы так и говорили ему, поглаживая по спине и почесывая за ухом: «Молодец, Кеша, вот погоди, поймаем мы тебе рыбки...»

Кот благосклонно принимал эти знаки внимания, ходил по усадьбе, воздев над собою пушистый дымчатый хвост, и терпеливо ждал, когда же за обещаниями последует и дело.

В тот день рыба вела себя особенно вызывающе. Словно бы мстя приятелю за сверхплановые тонны ставриды, пойманной в далеких морях, она «плавилась» и кувыркалась у самого берега, чуть не задевая поплавки наших удочек, а наживку не брала, как ни плевали мы на червей, как ни мудрили над хлебным мякишем...

Терпение наше было не безгранично. Мы громко сказали рыбе все, что о ней думали, смотали удочки и отправились восвояси.

У калитки нас терпеливо ожидал Кеша. Он встретил нас с уважением, обмахнул хвостом пыль с ботинок и потерся о щиколотки в знак чрезвычайного расположения. Наверное, он полагал, что мы нарочно не показываем улов, припрятав его в карманы брюк или, того проще, за пазуху. Логика его была пряма и непогрешима. Не может быть, чтоб два взрослых рыбака со стажем вернулись с промысла без единой, самой захудалой плотвички.

Нам было стыдно глядеть в глаза Кеше. Но что можно было обещать ему, кроме завтрашнего улова?.. И тогда я в сердцах сказал коту, что нечего обтирать наши штаны — сам не слабак, вон какой здоровяк вымахал. Чем выпрашивать подачки, ловил бы мышей, это куда надежней рыбалки. Несправедливы были упреки, но Кеша все понял, как надо: и нашу невезуху, и наш настрой, и этот сомнительный выпад в свой адрес. Обнюхав меня и удостоверясь в очередной неудаче хозяина, он лениво повалялся в пыли, намекая, что есть в жизни радости и попритней, чем без толку торчать у воды с бамбуковой палкой, и больше не травмировал нас в этот день своим видом. Наверное, отправился в генеральный обход своих владений, где пели птицы, благоухала крапива двудомная и какие-то прыткие блошки пожирали листья редиса.

Наутро, как обычно, мы разошлись с приятелем по рабочим местам. В задумчивости сел я под яблоню, за дощатый, вышорканный локтями стол, и прямо перед собой увидел... упитанную, навзничь лежащую мышь, на шее которой еще поблескивали свежие капли крови.

Д. ИВАНОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

— Шесть миллионов поляков погибло в последнюю войну, и 600 тысяч советских воинов сложили свои головы на польской земле... Память им и слава вечная!

Эти слова я услышал на знаменитом Грюнвальдском поле, овеянном военной славой поляков, литовцев и русских,— здесь уже свыше пятисот лет назад их соединенные силы разгромили тевтонов... Был стылый, пасмурный день, то и дело принимался холодный дождь, по металлу величественного памятника стекали крупные капли. Вокруг до горизонта холмилась желто-черная земля, и за ней в тумане клубились, вставали и пять давних веков, и сорок недавних лет, и самые последние годы, пережитые Польшей. За ними виделось главное — единство целей, братство наших народов.

Польские встречи

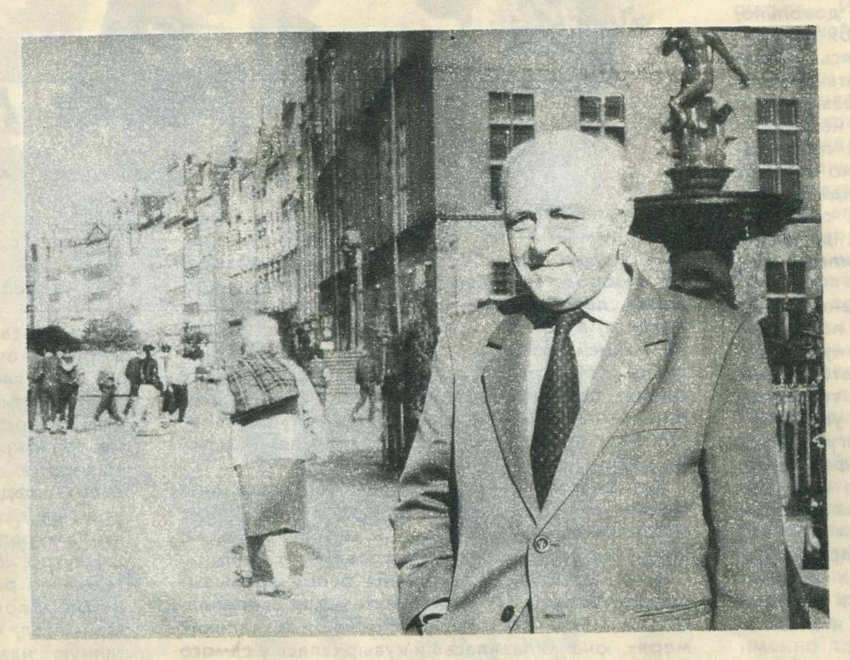
РУССКИЕ УРОКИ

Ребята очень старались и немного волновались. Мария Бойко, единственная в группе девушка, уверенно подняла руку и бодро проговорила текст домашнего задания. Потом мальчишки, как две капли воды похожие на наших пэтэушников, вместе с учительницей успешно справились с разбором и пересказом классной работы... Шел урок русского языка в Гданьской политехнической школе связи.

Вообще русский в Польше понимают хорошо, и мне не так часто приходилось прибегать к помощи своего давнего знакомого, корреспондента варшавского журнала «Пшиязнь» Юзефа Потенги.

Так было и в этой школе, дающей среднетехническое образование со специальностями по электронике и радиотехнике. Неудивительно, что 50 учащихся здесь выписывают нашу «Технику — молодежи», 83 — журнал «Моделист-конструктор», свыше ста человек — «Радио». Но «профессор» Алиция Суханек, как шутливо представил ее директор школы, подчеркивая юный возраст учительницы, считает, что с такой технической базой да со своими навыками (Гданьская студия телевидения использует работы школьного телецентра) ребята сами могли бы оборудовать языковую лабораторию, тогда дело пошло бы еще лучше. Алиция вспоминает, как она с учениками ездила в Минск, Брест, под Ленино, откуда начался славный путь Войска Польского...

— Последние годы, — говорит директор школы Эмир Жесбиевич, — добавили немало сложностей в нашей работе. Вряд ли нужно напоминать, что в начале восьмидесятых годов Гданьск был оплотом контрреволюции. В нескольких сотнях шагов от наших зданий — верфь имени Ленина, на которой даже и во время тогдашних забастовок не было сорвано ни одного советского заказа. И рядом же — костел, в котором и сейчас служит ксендз Янковский, духовник бывшего лидера «Солидарности» Валенсы. Нам нужно быть особенно чуткими, нужно уметь увлечь юные души гордыми социалистическими идеалами, нам нужны примеры подвижнической, беззаветной верности братству польского и советского народов, рожденному в огне сражений, многие из которых происходили тут, на гданьской, на нашей земле, даже если тогда она и носила чужие названия... Наша школа — это школа-интернат, и вот уже только в этом году около десятка семей, приезжавших из самых разных концов вашей страны, гостили у нас. А приезжали они потому, что в Гданьске живет Антони Юрьев — лучший друг нашей школы. Вот, знакомьтесь...

Антони Юрьев. Фото Ю. Потенги

Но мы уже знакомы. Нас представили друг другу в воеводском отделении Общества польско-советской дружбы. Там же мне вручили книгу «Земля Гданьска — поклон освободителям». Антони Юрьев — ее автор.

30 827 советских воинов лежат на кладбищах Гданьского воеводства. Из них известны имена только 2260 человек. И все они — с теми краткими биографическими данными, которые удалось обнаружить,— названы в этой книге: Абдулов И. И., род. 1918, рядовой... Бабич Лука Иванович, рядовой... Кариев, рядовой... Дамилин В. Н., род. 1926, рядовой...— я взял только первые фамилии в длинных списках, составленных по первым буквам польского алфавита...

Около тысячи этих славных имен восстановил сам Юрьев.

— Я родился в Западной Белоруссии,— рассказал Антони Юрьев, когда пригласил нас к себе домой.— С шестнадцати лет два года был в немецкой неволе под Вроцлавом. Забыть это время я не смогу... Мне было уже восемнадцать, а я весил чуть больше двух пудов — 36 килограммов. Когда советские части приблизились, ждать стало совсем невыносимо. Трое парней и одна девушка — мы решили бежать. Сами не знаем, как перешли линию фронта. Меня было зачислили в стройбат, потом видят, что на мне одна кожа,— определили на кухню. После войны судьба привела сюда, в Гданьск. Я знал русский, стал переводчиком при советской военной комендатуре. Потом работал в воеводской народной раде, окончил высшую экономическую школу, получил юридическое образование... Теперь уже три года на пенсии. И все это время стремился, чтобы не было без вести пропавших, чтобы на братских могилах появились имена ваших солдат, чтобы родные узнали, где легли в землю их близкие, чтобы подвиги не канули, не были забыты.

Юрьев открывает большой книжный шкаф: все его полки заставлены множеством папок. За каждой — новое имя, боль утрат, продолжение героических судеб.

— Сейчас уже пришло больше ста писем-откликов на мою книгу. А это было первым.

Я читаю строки, написанные белорусским колхозником Иваном Петровичем Кузьмичом: «...За нее наши внуки и правнуки будут Вам благодарны. И наша семья очень благодарна всему польскому народу за то, что он хранит память о тех, кто пал за освобождение Польши от фашистских оккупантов».

— Ведь как бывает,— продолжает свой рассказ Юрьев.— В прошлом году, в годовщину Октябрьской революции, мне звонят из нашего общества дружбы: поедешь с советскими моряками, покажешь город. Знакомимся, говорят, что их судно называется «Старший лейтенант Дмитрий Покрамович». Знают, что название дано в честь Героя Советского Союза, что Покрамович погиб и похоронен где-то в Германии. «Нет, — говорю, — он погиб в Гданьске, похоронен тут, в двухстах пятидесяти метрах от верфи,

на которой строилось ваше судно». На следующий день весь экипаж был на кладбище, меня пригласили на корабль. Позже в Ленинграде нашлась мать героя, она не знала, где похоронен сын, не знала, что его имя присвоено судну. Завязалась переписка, мы пригласили ее в Гданьск...

А начиналось так, например. Двадцать пять лет назад из села Красное Горьковской области пришло письмо в Северную группу советских войск: «Где-то в Данциге погиб мой сын Ваня, майор, 22 года». Из военной газеты «Знамя победы» связались с народной радой, я тогда был там секретарем. Узнали: да, Маркиев Иван Николаевич, кавалер четырех орденов, четырежды ранен. 30 марта освобождал Гданьск, а 3 апреля был убит. Позже было решено присвоить его имя гданьской школе № 47. Приехали мать Ивана Николаевича и две его сестры, одна беременная. Утром 3 апреля 1964 года — торжественная церемония, а вечером — звонок, больница, и сестра родила нового Ивана. 3 апреля — гибель, и 3 апреля — новорожденный. Сейчас Иван оканчивает педагогический институт.

...Я перебираю папки. Десятая, двадцатая... Вот открытка — к 9 мая 1985 года: «Спасибо Вам — солдату — за то, что в годы войны Вы спасли мир. Спасибо Вам — видному общественному деятелю — за то, что в послевоенные годы Вы не дали уйти в забвение тем, кто не дожил до Победы. Низкий Вам сыновний поклон за сохранение и возрождение памяти всеобщей о наших отцах». Ее прислал из Москвы работник ВЦСПС А. М. Антипов. Раньше он прислал Юрьеву копии отцовских писем. Безыскусные строки военных лет волнуют сегодня каждым своим словом.

«20—10—44 года.

Здравствуйте, дорогое семейство: супруга Прасковья Федоровна и дети Клавдя и Шура и любимый сын Анатолий Михайлович! (Сыну шел тогда пятый лишь год.— Д. И.)

Спешу уведомить вас о том, что я получил от вас два письма, за которые я вас сердечно благодарю и из которых я узнал, что все вы живы и здоровы. Ну, а что касается того, что вы плохо живете, я в этом не сомневаюсь, но думаю, что вы сейчас должны жить лучше после снятия нового урожая... Лишь бы мне остаться живому, тогда по окончании войны все исправим и все наживем, а война все же скоро должна закончиться...»

«15—3—45 года.

...Я пока жив и здоров, нахожусь сейчас в Германии около Данцига, или, вернее, в 15 километрах от Данцига. Еще прошу почаще писать письма — пишите ваши новости.

Жду ответа. М. Антипов».

15 марта писал Михаил Алексеевич это письмо, а 18-го его не стало.

Я беру в руки еще один листок. Он отпечатан в какой-то дивизионной типографии, от руки вписаны только фамилия и звание. Их получали тогда на всех фронтах тысячи и тысячи наших бойцов:

«Смерть немецким оккупантам!

Дорогой товарищ старшина Антипов М. А.!

Приказом № 271 Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза тов. Сталина Вам объявлена благодарность за участие в овладении городом Эльбинг — мощным опорным пунктом обороны немцев на подступах к Данцигской бухте в Восточной Пруссии.

Командир в/ч...»

— ...Мне хочется,— говорит Антони Юрьев,— чтобы прорастала священная память о той войне, которая должна стать последней на земле. И я потому буду продолжать свой урок русского.

КНИГИ КРЕПЯТ ДОВЕРИЕ

— В Польше — пятьдесят воеводств. В Прибалтике, в бывших прусских владениях, фашисты дрались особенно отчаянно, но сколько же полегло советских солдат по всей моей земле! Я знаю,— продолжала старейшая польская писательница Галина Аудерская, чье творчество хорошо известно у нас в стране,— что «Огонек» уже писал о книге «Память» Януша Пшимановского. В ней рассказывается о подвигах освободителей моей родины и будут названы все (!) ваши воины, чьи имена написаны у нас на братских могилах. Такая книга необходима. Сегодня это еще один удар по тем, кто пытается хоть как-то поставить заслоны польско-советской дружбе, кто хотел бы, чтобы вернулись недавние хаос и страх...

Галина Аудерская очень мужественная женщина. Это она доказала, сражаясь с гитлеровцами в рядах польского Сопротивления, и в эти последние годы, когда возглавляла обновленный писательский союз. Ей не только на словах угрожали — была подожжена ее квартира. Реакция тогда стремилась запугать каждого честного человека.

— Я недаром назвала свой последний роман «Убить страх»,— говорит писательница.— Страх, неуверенность, подозрительность ввергают людей во власть низменного, лишают их гражданской сути, человеческого достоинства. В той атмосфере, которая сгустилась в Польше несколько лет назад, люди переставали доверять друг другу... Сейчас это позади, но задача писателей — снова и снова вскрывать корни происшедшего, искать мудрую и откровенную правду, не умалчивая ни о чем. Нашему народу необходимы единство и сплоченность и ясное понимание целей, которые стоят теперь перед страной. И настоящие, честные книги могут здесь очень многое сделать... Вот почему я порадовалась выходу вот этого сборника — «Содружество».

Писательница раскрыла книгу и рядом со своим предисловием написала: «Милому «Огоньку», очень хорошему журналу, с сердечным приветом Галина Аудерская».

— ...«Содружество» — действительно памятный подарок польским и советским читателям,— рассказывает Витольд Скрабаляк.— Мы готовили этот сборник совместно с московским издательством «Радуга» по случаю 40-летия народной Польши и в связи с празднованием 40-летия Великой Победы над германским фашизмом. Девизом книги можно считать слова «За вашу и нашу свободу».

Разговор в кабинете директора варшавского издательства «Ксёнжка и ведза» («Книга и знание») длится уже долго, на столе выросла большая стопка выпущенных лишь в самое последнее время томов. Здесь книги известных деятелей польского рабочего и коммунистического движения, обращенные и в прошлое, и к проблемам нынешнего дня, литература по экономическим проблемам и вопросам социалистического хозяйственного сотрудничества (опыт стран социалистического содружества внимательно изучается теперь польскими специалистами, все большую роль начинает играть сотрудничество ПНР в СЭВе), широко представлена международная, прежде всего антиимпериалистическая тематика. Значительное место в продукции издательства занимают советские авторы. Даже в период кризиса были изданы стотысячными тиражами и тут же разошлись «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Петр Первый».

В. Скрабаляк руководит центральным издательством Польской объединенной рабочей партии. Сделать политическую, партийную книгу интересной, способной завоевать умы и души,— задача непростая, особенно в условиях нынешней социально-политической ситуации, последовавшей за известными событиями начала 80-х годов в Польше.

— Когда происходит кризис недавних авторитетов, лучший способ выйти на верную дорогу,— говорит В. Скрабаляк,— возврат к наследию классиков марксизма-ленинизма, к философским первоисточникам, противостоящим всякого рода вульгаризаторству. Например, для молодого читателя мы стали выпускать карманную серию сборников ленинских работ по наиболее актуальной сегодня у нас проблематике: «О революционной фразе», «О социалистической морали», «О ревизионизме и догматизме» и другие. Эти брошюры издаем достаточно большим тиражом, в 20—30 тысяч, но они не лежат на прилавках... А вот эти книги вам обязательно должны быть знакомы.— И директор показывает на строгие темно-синие тома.

Конечно, в них сразу узнаешь тома последнего Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Только на этих обложках привычная роспись Ульянова начертана латинскими буквами — так Владимир Ильич подписывался, когда находился в эмиграции в Польше.

— Начали мы это издание совместно с московским «Прогрессом» в 1983 году и к 1990 году выпустим все 55 томов...

Витольд Скрабаляк — член идеологической комиссии по разработке новой Программы ПОРП, которая теперь вынесена на всенародное обсуждение в преддверии X съезда партии. Как историк, он объяснял, что в этой углубленной работе, как и в повседневной идеологической практике польских коммунистов, есть дополнительные трудности, остающиеся не проясненными слишком долгое время. До сих пор не создана история народной Польши, не написана история Коммунистической партии Польши, нет истории ПОРП...

Братская страна переживает сейчас нелегкое, непростое время. Стабилизируется внутриполитическая обстановка, улучшаются работа промышленных предприятий и обеспечение населения продовольственными и промышленными товарами.

Достижение экономического равновесия, поиск оптимальных путей к нему все еще продолжают оставаться насущными задачами. На польскую экономику тяжким грузом давит внешний долг. Политика «санкций», последовавшая со стороны США и их союзников после того, как в Польше начался процесс стабилизации, уже принесла республике ущерб свыше 15 миллиардов долларов. Проводимая сейчас в стране экономическая реформа пока не дает ожидаемого эффекта.

Сегодня большинство населения в Польше готово, желает производительно трудиться, спокойно жить, хочет стабильности, уверенности в будущем. Многие поняли, что в свое время были обмануты реакцией, и ныне уже не поддаются ни на какие призывы подполья. А оно есть, оно старается разжигать настроения неуверенности, недоверия, подозрительности. И хотя внутренние антисоциалистические силы слабеют (об этом говорит такой красноречивый факт: попытки контрреволюции организовать кратковременные всепольские забастовки в феврале, апреле и июне прошлого года натолкнулись на отрицательный отклик), поддержка их из-за рубежа постоянно возрастает. С Запада стараются нагнетать напряженность, усиливают кампанию против укрепления связи партии с рабочим классом.

На недавнем пленуме ЦК ПОРП, обсуждавшем задачи партии в социально-экономическом развитии Польши в 1986 году, заместитель министра внутренних дел В. Пожога проинформировал, что теперь «в своей деятельности противник определил для себя четыре приоритетных направления: дискредитация партии, центральных государственных органов, вооруженных сил, органов внутренних дел, а также программы преодоления экономических трудностей; сохранение любыми средствами видимости активной деятельности бывшей «Солидарности»; стимулирование антисоциалистических инициатив и движений; торпедирование подготовки к X съезду ПОРП».

— Наша задача,— говорила Галина Аудерская,— задача деятелей культуры — расчищать умы и сердца, засоренные демагогическими, злопыхательскими, националистическими лозунгами.

Нам, полякам, нужно помнить все уроки прошлого, но в первую очередь, думается, важны сегодня уроки военного лихолетья. В своем романе «Варшавская сирена» я рассказала о горе и позоре, которые пережила моя страна, очутившись под пятой гитлеровцев. Мой собственный опыт пятилетней подпольной борьбы с фашистами, высокое и трагическое время Варшавского восстания зовут напоминать снова и снова: требуются единство и сплоченность, требуется каждодневная, кропотливая помощь партии в деле восстановления доверия в массах. Как сказал товарищ В. Ярузельский, «не социализм принес разочарование Польше, а недостаток социализма».

Мы, польские писатели, стараемся вносить свой вклад в процессы стабилизации, укрепления доверия, нейтрализации происков контрреволюции. Но нам еще тоже предстоит укреплять, консолидировать свои силы. Сейчас в наших рядах свыше семисот членов Союза писателей, около ста кандидатов (мы ввели такую ступень), но свыше двухсот писателей находятся пока в оппозиции. Хочу при этом подчеркнуть, что в отношении публикации своих произведений мы все стоим в равных условиях, тут последнее слово за издательствами.

Не случайно местом проведения своего первого съезда мы избрали Ольштын — новые, но исконно польские земли, те, которые были возвращены нашей стране после второй мировой войны. На Западе всякого рода реваншисты все громче трубят о пересмотре послевоенных границ, но этому не бывать: их нерушимость — гарантия европейского мира, гарантия мирной жизни для каждой польской семьи, гарантия для спокойной и уверенной работы каждого из нас. А это теперь главное — добросовестно, упорно, самоотверженно трудиться, чтобы упрочить процессы стабилизации, открыть перед отчизной широкие пути из прошлого в будущее. Да, в прошлом забывать нельзя ничего, но помнить надо то, что помогает будущему.

Гданьск — Варшава — Москва.

ОБ АВТОРЕ «СЛОВА»

Д. С. ЛИХАЧЕВ, академик

Исполняется 800 лет величайшему памятнику древнерусской литературы «Слову о полку Игореве». Более полутора веков привлекает оно к себе пристальное внимание ученых, поэтов, любителей отечественной словесности. «Слово о полку Игореве» сыграло огромную роль в развитии русской, украинской, белорусской литератур, велико его значение и в наши дни. Юбилей «Слова о полку Игореве», отмечающийся по решению ЮНЕСКО, стал значительным событием отечественной и мировой культуры. В Ярославле открыт уникальный музей «Слова», прошли международные научные конференции, изданы новые переводы памятника и исследования о нем.

«Слово о полку Игореве» в гораздо большей степени, чем обычные произведения Древней Руси, отражает личные мнения и настроения автора (отсюда понятное стремление исследователей «Слова» найти имя конкретного автора).

В самом деле, красота произведений нового времени отчасти связана с их загадочностью, даже если это произведение наших лет, написано при нас и на нашем материале (пример — хотя бы «Поэма без героя» А. А. Ахматовой). Тем более «острой» становится красота древнего произведения — «Слова о полку Игореве», вступающего в явное противоречие с обычной литературной «простотой» других современных ему памятников. Мне кажется, что красоту «Слова» подчеркивают даже те «загадочные» места, которые явились естественным следствием столетий его переписки. Если бы в «Слове» не было испорченных переписчиками (а может быть, и первыми издателями) мест, оно частично потеряло бы свою привлекательность для современных читателей.

До сих пор мои усилия в изучении «Слова о полку Игореве» были в основном направлены на то, чтобы выявить родство «Слова» с культурой его времени — литературой, народным творчеством, искусством, религиозными представлениями — и найти в нем историческую подоплеку. Работы этого рода обобщены мною в двух изданиях книги «Слово о полку Игореве» и культура его времени» (1978 и 1985 годов). Для того чтобы ответить на вопрос, почему «Слово» все же своеобразно, научных обоснований мало. Многое не может быть доказано, поскольку нельзя по самому существу вопроса, его постановке указать аналогии. И речь пойдет лишь о наших общих представлениях, догадках и воображаемых явлениях.

Решаясь говорить о них с читателями, я полагаю, что некоторое эвристическое значение эти воображаемые явления все же могут иметь, поскольку догадки иногда оправдываются (если они не слишком категорично выражены и не претендуют на строгую доказанность).

Так как я представляю себе тот мир «Слова», к которому принадлежал его автор, и как он творил «Слово»: в каких нормах, эстетических представлениях и в какой литературно-бытовой обстановке?

Постараюсь изложить эти мои представления, снова и снова предупреждая читателей, что я ничего не могу и не собираюсь доказывать. Воображаемая ситуация, и только.

Как-то в разговоре со мной О. В. Творогов сказал, что он представляет себе автора «Слова» высокопрофессиональным мастером, работавшим в строгой литературной традиции, от которой, впрочем, почти ничего не сохранилось. Я тотчас же с ним согласился. За гениальностью автора «Слова» чувствуется наличие не дошедших до нас традиционных форм профессиональной поэзии. И это особенно потому, что традиционность в доступных нам областях постоянно и как-то легко открывается.

Из всех слоев домонгольского общества наибольшим изменениям в результате чужеземного ига подвергся, с моей точки зрения, слой княжеский. Ни быт крестьян, ни формы быта и домашнего уклада ремесленников и мелких торговцев не могли особенно измениться во второй половине XIII—XIV веков. Но в княжеском быту мы замечаем ряд изменений, свидетельствующих и о появлении восточных влияний, и об исчезновении исконных обычаев. Нарушены родственные связи с иностранными дворами, не упоминаются более турниры... Дружина, представлявшая собою аристократическую воинскую верхушку, становится обыкновенным войском и т. д. Своеобразная «рыцарственность» киевского периода исчезает. И вот мне кажется, что с исчезновением этого рыцарственного быта исчезли в княжеском быту и княжеские певцы, на существование которых есть некоторые намеки в «Слове о полку Игореве» и в летописях <...>

В самом деле (с учетом принятых мною уже давно реконструкций), в «Слове о полку Игореве» упомянуты четыре княжеских певца: это Боян, Ходына (принимая наиболее вероятную реконструкцию текста первого издания «Рек Боян и ходы на» как «Рек Боян и Ходына»), «хоть» (то есть любимец, может быть, излюбленный певец) князя Изяслава Васильковича и, наконец, сам автор «Слова о полку...».

И каждому из певцов принадлежит как бы оценка происходящего. Певец обобщает и резюмирует смысл событий. Иногда это афоризм <...> Иногда же это большое произведение, философски рассуждающее о происшедшем,— само «Слово о полку Игореве». Но во всех четырех случаях это княжеские певцы, светские, а в некоторых случаях присутствующие на поле битвы.

Поэтому небезосновательно предполагать, что и сам автор «Слова» участвовал в походе Игоря. Живые картины этого похода ясно видны в «Слове» во многих местах описания степи, ее насельников.

Б. А. Рыбаков предположил, что автором «Слова» был галицкий боярин Петр Борисович, которого я в свое время считал летописцем. Возможно. Во всяком случае, любимец князя, «хоть», певец, мог выполнять и другие функции при дворе, и в частности оруженосца, телохранителя, как это было в Скандинавии.

Если это так, то есть если певец был и политическим деятелем, то это бы объяснило изумительную осведомленность автора «Слова» в политической ситуации во всей Русской земле, его знание князей и княжеств, их истории, без которой не обходилась политика, и своей современности. И это сделало бы понятным его властный призыв к князьям выступить за землю Русскую. Этот призыв был бы смешон в устах скомороха, бессилен в устах певца из народа, недозволителен в устах чрезмерно зависимого придворного или простого воина, но он был возможен под прикрытием князя-покровителя.

Чьим же певцом, «хотью», был автор «Слова»? Есть только два князя, при которых певец мог именно так воспеть поход Игоря и произнести над ним осуждающие и одновременно похвальные слова,— это князь Святослав Киевский, «отец» по своему положению в стольном городе, и Игорь Святославич.

Скорее всего, это был «хоть» Игоря. И не только потому, что он почти как свидетель знал все о походе Игоря, но и потому еще, что он, как мне представляется, был летописцем Игоря, изложившим поход Игоря в его летописи, выразившим в этом описании заветные думы Игоря — его исповедь. К тому же он не чужд был новгородских традиций, а это очень показательно: отец Игоря Святослав Ольгович дважды сидел на Новгородском столе в самые критические моменты новгородской истории и был женат на новгородке, по-видимому, простого происхождения.

Это было давно. Связи с Новгородом были порваны, и, следовательно, можно думать, что певцу «Слова» было немало лет.

Почему я называю автора «Слова» «певцом»? Это подтверждается не только аналогиями с западноевропейскими певцами-миннезингерами, менестрелями, но и тем, что по моей догадке «Слово» исполнялось диалогически, так, как исполнялись аналогичные произведения германскими, скандинавскими и романскими певцами, то есть обычными певцами средневековой Европы. А диалогически исполнять можно только устно, но «декламации» были неизвестны, а пение обычно. Поскольку мы коснулись пения и связи «Слова» с музыкой, о чем существует интересная книга Л. В. Кулаковского, то становится понятным, почему «Слово» оказалось единственным памятником этой высокой певческой культуры. Хотя все эти произведения имели авторов, они не всегда, может быть, имели письменный текст. Приходится удивляться, как хорошо еще дошел до нас текст «Слова». Сравнительно со списками других произведений в нем не так уж много ошибок. Явные же ошибки — это своеобразные свидетельства точности текста. Было бы хуже, если бы эти ошибки исправлялись и осмыслялись усердными писцами. Лучший писец — тот, который не пытается придать темному месту свой смысл. И в этом отношении «Слову» относительно повезло.

Я называю автора «певцом», но убежден, что этот певец сам записывал свой текст. В этом его отличие от предшественников, от которых не дошло текстов их произведений. Бояна мы знаем только по приводимым в «Слове» трем его изречениям и по изображению его манеры в начальной части «Слова». Текст же «Слова», несмотря на некоторые искажения, естественные для памятника, многократно переписывавшегося, удивительно целен и отделан. Вместе с тем он не только фольклорен, но и книжен. Диалогичность же «Слова»— это в основном дань традиции.

Все, что я писал выше,— это догадки и «мечтания», ни для кого не обязательные, но они рождены не голой фантазией, а некоторым воображением, основанным на моих работах...

И. Глазунов. КНЯЗЬ ИГОРЬ.

Первые строки «Слова о полку Игореве». Худ. И. Голиков. Палех.

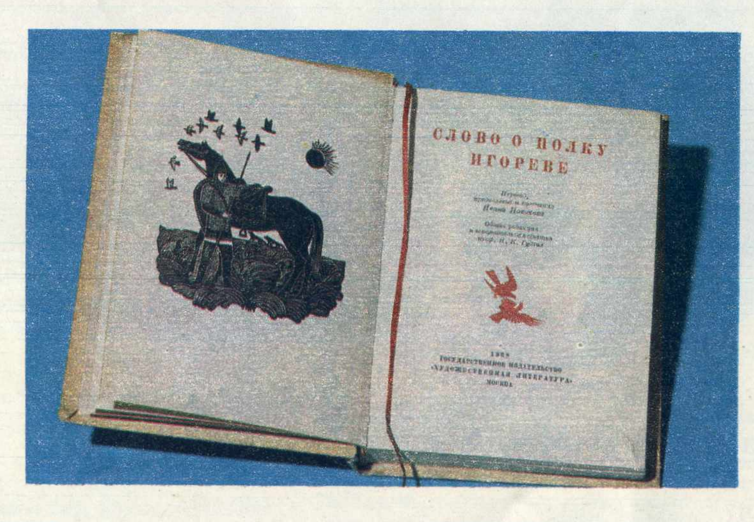

Е лѣполи ны бѧшетъ, бра-
тїе, начѧти старыми сло-
весы трудныхъ повѣстїй о
пълку Игоревѣ, Игорѧ Свѧтъ-
славлича! начати же сѧ тъй
пѣсни по былинамь сего
времени, а не по замышленїѭ

В. Васнецов. БАЯН.

Древний Путивль хранит память истории.

Фото А. Мещерякова.

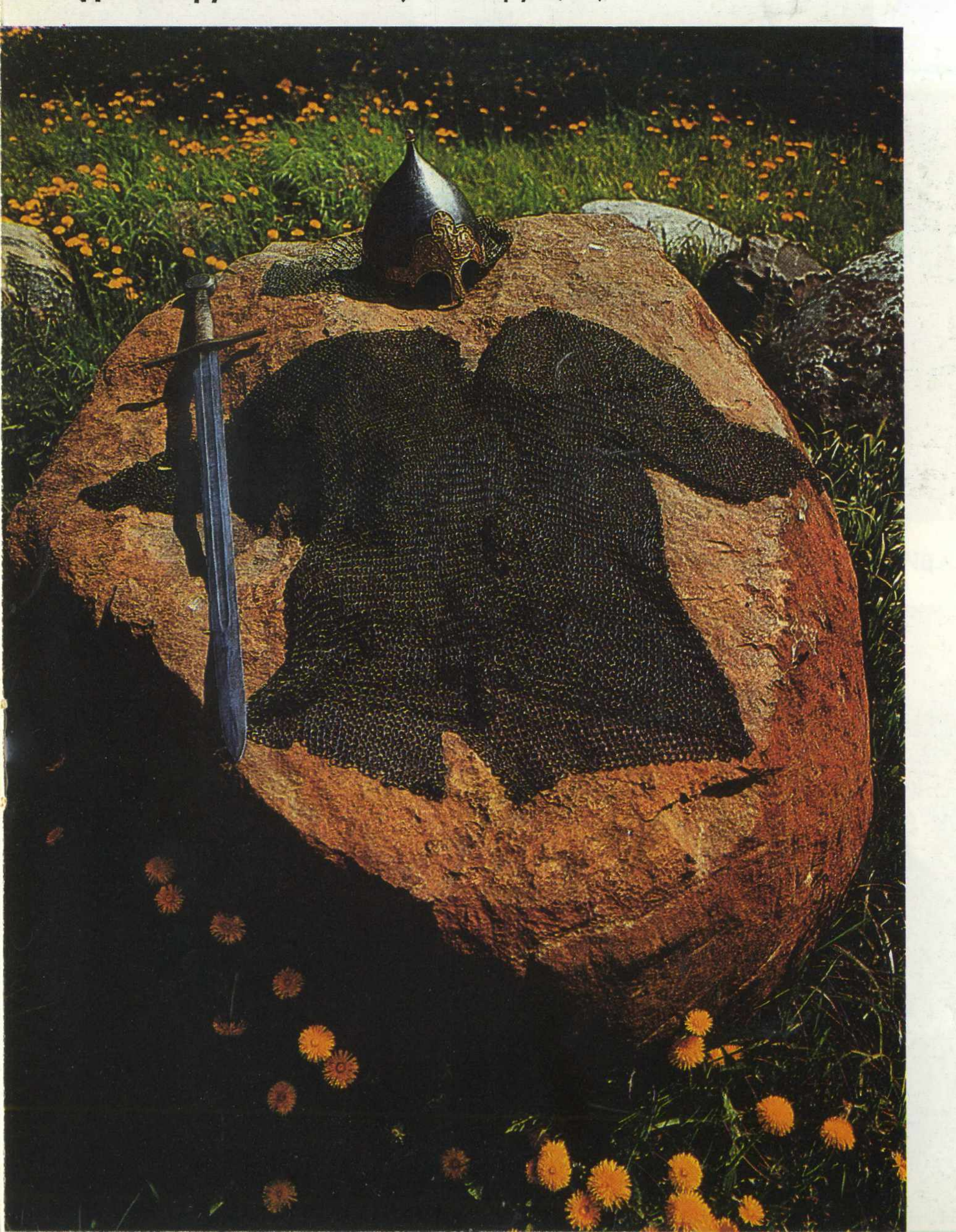

В. Фаворский. Иллюстрации к «Слову о полку Игореве».

Н. Рерих. СТРЕЛЫ НЕБА, КОПЬЯ ЗЕМЛИ.

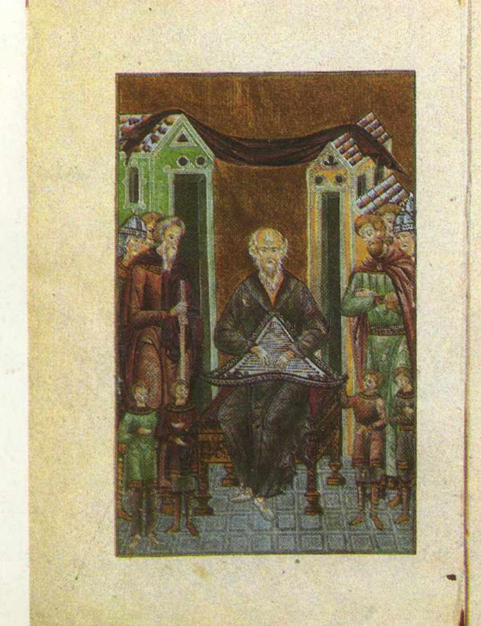

Доспехи русского воина. (Реконструкция.)

Оружие половцев. (Реконструкция.)

В. Васнецов. ПОСЛЕ ПОБОИЩА ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА С ПОЛОВЦАМИ.

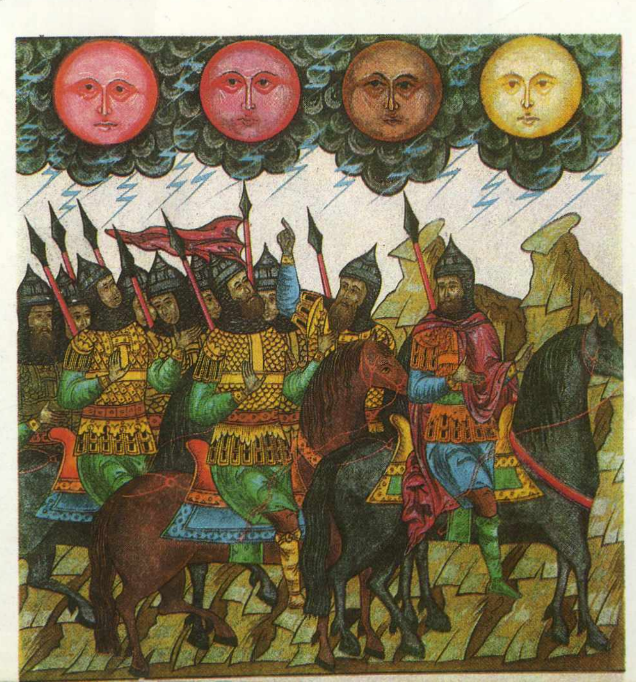
СЛОВО О ПЛЪКУ ИГО
РЕВѢ · ИГОРЯ СВЯТЪ
СЛАВЛЯ ВНУКА ОЛЬГОВА ·
НЕ ЛѢПО ЛИ НЫ
БЯШЕТЪ БРА
ТИЕ · НАЧЯТИ СТА
РЫМИ СЛОВЕСЫ ТРУ
ДНЫХЪ ПОВѢСТИЙ
О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ ·

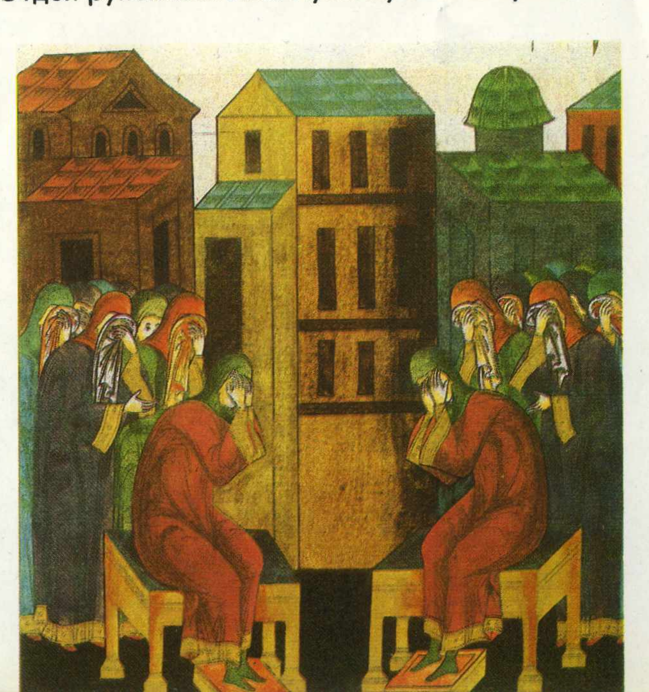
в

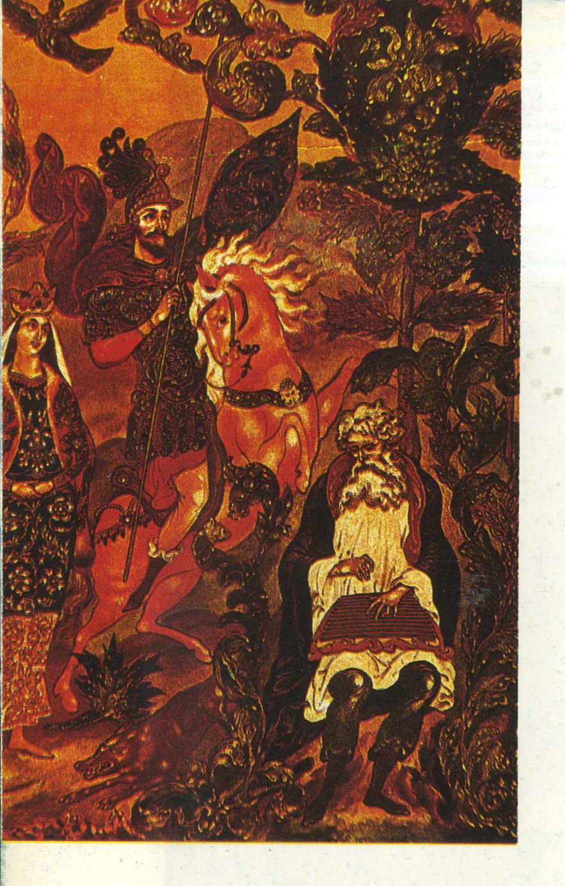

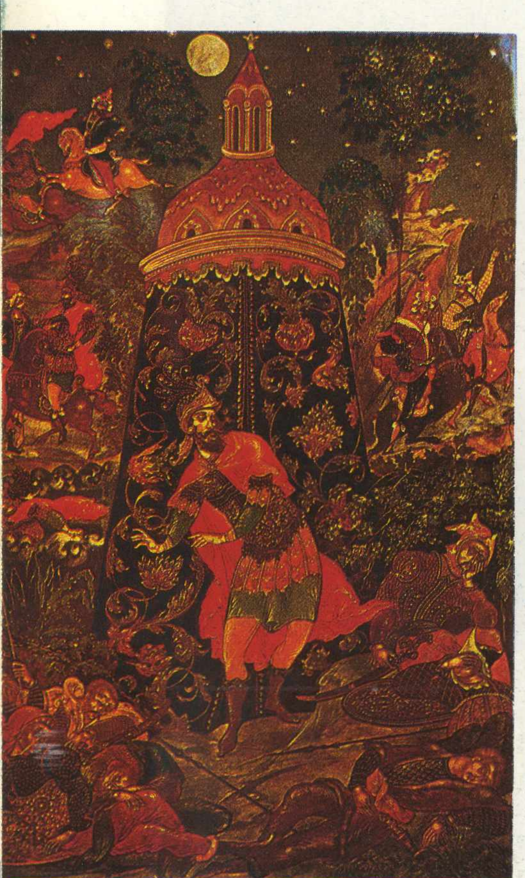
И. Блинов. Миниатюры из рукописи «Слова о полку Игореве». 1912 год. Отдел рукописей ГБЛ. Публикуются впервые.

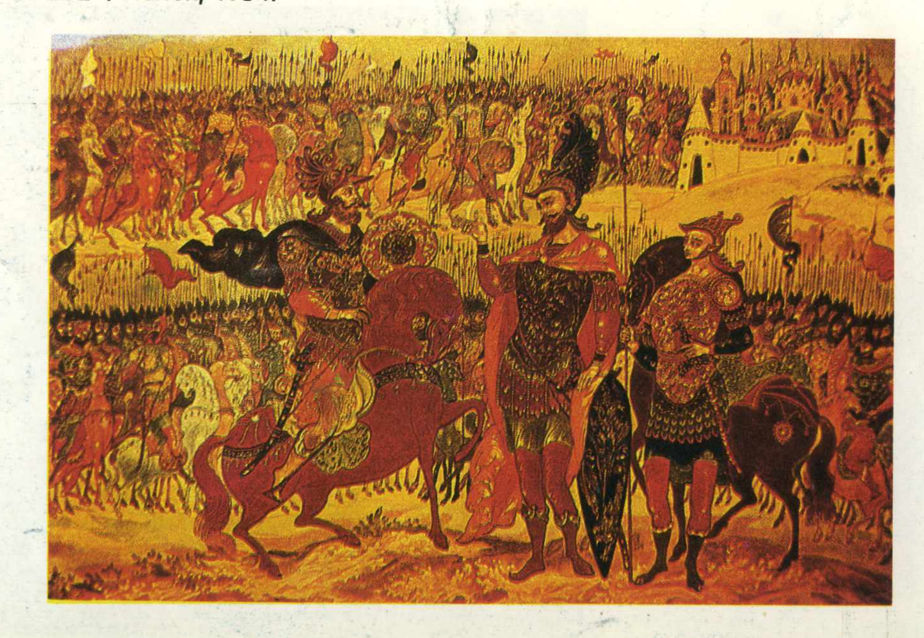

И. Глазунов. ЯРОСЛАВНА.

И. Голиков. ИЛЛЮСТРАЦИИ К «СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ». Палех, 1934.

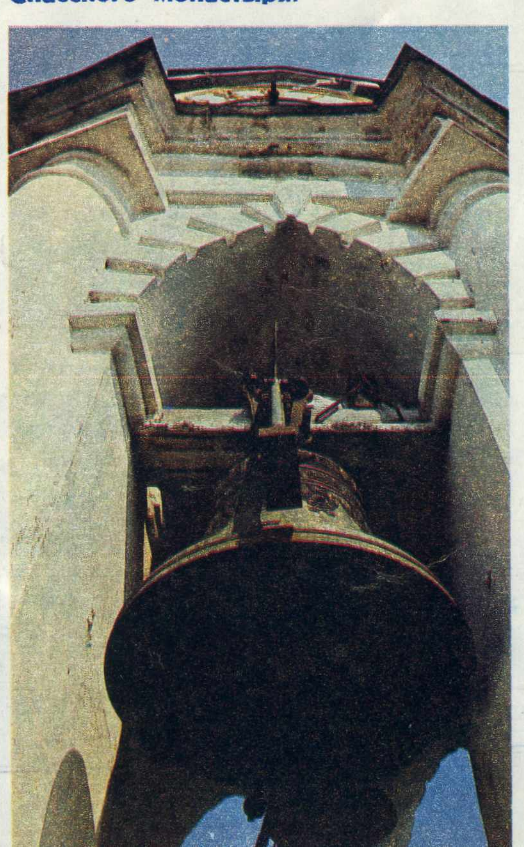
Ярославль. Преображенский собор Спасского монастыря. Здесь была найдена рукопись «Слова о полку Игореве».

Ярославль. Стены Спасского монастыря, где открыт музей «Слова». Фото С. Петрухина.

А. Н. Иванова. Панно «Слово о полку Игореве». Роспись по шелку. 1936 год.

Сторожевой колокол на башне Спасского монастыря.

Книги из коллекции музея «Слова».

УДИВИТЕЛЬНАЯ РУКОПИСЬ

Николай ГАВРЮШИН,
кандидат философских наук

Эту замечательную рукопись «Слова о полку Игореве» посчастливилось держать в руках немногим. Написанная необычно крупными буквицами (высота каждой 12 мм), точно воспроизводящими уставной почерк XIII—XIV веков, на 64 больших листах размером 39,0×26,6, она украшена умелой и щедрой рукой: 27 ярких миниатюр, выполненных мастерски, с тонким чувством цвета и композиции, открывают перед нашим взором различные эпизоды величественной песни. В переплетенных контурах причудливой заставки угадываются очертания сказочных грифонов, а открывает рукопись иконописное по духу изображение князя Игоря в воинском облачении, с копьем в правой и мечом в левой руке... В самом конце мы находим подробную запись об обстоятельствах создания этой книги:

«Сію книгу писалъ и рисовалъ кр[естьянинъ] Ниж[егородской] губ[ернiи] Бал[ахнинского] уѣзда Большепесошнинской вол[ости] дер[евни] Кудашихи Иванъ Гавриловъ Блиновъ въ лѣто 7420». Произведя несложный расчет — дата указана «от сотворения мира»,— мы узнаем, что книга была написана в 1912 г.

Трудно сказать, почему специалисты по «Слову» не полюбопытствовали заглянуть в эту рукопись. Уже почти семь десятилетий хранится она в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина под шифром (Егор. 2071). Миниатюра — это, конечно, не ученый комментарий, но все-таки наглядное и выразительное пояснение к тексту. А если она к тому же выполнена по всем канонам древнерусской книжности... Ведь даже самые даровитые и прославленные иллюстраторы «Слова», не исключая палешанина Ивана Голикова, не выходили за рамки стилизации, и никто не взял на себя задачу представить героев песни так, как это должен был сделать, скажем, изограф XVI века. Подобный труд оказался под силу только художнику из города Городца, И. Г. Блинову (1872—1944), потому что он — драгоценный анахронизм! — жил, мыслил и рисовал, как современник князя А. М. Курбского и первопечатника Ивана Федорова. Глядя на его миниатюры (они публикуются на центральном развороте вкладки этого номера), полностью утверждаешься в мысли, что если бы до нас дошла лицевая рукопись «Слова о полку Игореве» времен царя Ивана Васильевича Грозного, иллюстрации в ней выглядели бы именно такими, какими они получились у городецкого мастера.

ПУТЬ К «СЛОВУ»

Внимание И. Г. Блинова к «Слову о полку Игореве» привлек художник Д. С. Стеллецкий, увлеченный певец Древней Руси, о котором А. Н. Бенуа как-то сказал: «я им увлекаюсь больше, нежели многими другими (кому, думалось, буду верен до конца жизни)». Д. С. Стеллецкий, в течение нескольких лет работавший над темами «Слова», в 1910 году обратился к И. Г. Блинову с предложением написать текст для рукописи, которую предполагал украсить собственными миниатюрами. 8 декабря 1910 года И. Г. Блинов впервые написал об этом жене: «ко мне приехал художник, привез писать «Слово о полку Игореве». Напишу по вечерам». Через два дня И. Г. Блинов вновь пишет в Кудашиху: «дома по вечерам пишу художнику, и он ко мне ходит каждый вечер и сидит со мной часа по три».

Сколько времени продолжалась работа, в точности неизвестно, но уже 15 марта 1911 года Блинов сообщает жене, что Стеллецкий продал рукопись «Слова» со своими иллюстрациями Третьяковской галерее за 3500 рублей. Коммерческим талантом И. Г. Блинов явно не обладал — полученная им от Стеллецкого доля казалась ему значительной, предложение переехать в Петербург и продолжить совместную работу с жалованьем «втрое больше типографии» — очень заманчивым.

По разным обстоятельствам это сотрудничество не состоялось, и тогда И. Г. Блинов решил вести работу над «Словом о полку Игореве» самостоятельно. Так появилась рукопись, с которой мы начали свой рассказ. Во время работы над ней у художника, по-видимому, не было достаточного набора темперных красок — привычного и излюбленного материала,— и он раскрасил свои миниатюры акварелью. Предполагать, что Блинов просто решил попробовать свои силы в новом жанре, вряд ли возможно. Во всяком случае, своенравная акварель подчинилась творческим замыслам художника.

Очень выразительны у Блинова батальные сцены. Чувствуется прекрасное знание лицевого летописного свода, опыт работы над миниатюрами Куликовского цикла.

ЗАГАДОЧНЫЙ ДВОЙНИК

Судьба изготовленного в 1912 году списка «Слова» вызывает ряд вопросов и недоумений. Уже в 1918 году он поступил в отдел рукописей библиотеки имени В. И. Ленина, в составе собрания рукописей известного деятеля старообрядчества купца Е. Егорова, но следует ли отсюда, что Блинов сразу продал его этому коллекционеру? Судя по переписке с женой, как будто нет. 23 января 1914 года он пишет жене, что книгу еще не продал. «Острохов не купил, теперь жду князя Шихматова-Ширинского... ежели не купит князь, кое-куда сношу: у Васнецова не был, и в Румянцевском музее тоже не был...» Через пять дней в Кудашиху понеслась новая весть: «Книгу о полку Игореве взял князь Ширинский-Шихматов для государя императора. Цену еще не зделали, придется подождать. Я прошу четыреста (400) р. они называют (300) триста руб., не знаю, прибавят или нет, завтра решим...»

Вот загадка! Если Ширинский-Шихматов купил рукопись и увез ее в Петербург, то как не позже чем через год-два она оказалась в Москве у купца Егорова? Может быть, князь все-таки отказался? В размышлениях над этими вопросами меня застал сотрудник отдела рукописей Юрий Дмитриевич Рыков. «А не хотите ли,— сказал он,— взглянуть на еще один список «Слова» работы И. Г. Блинова?» Признаюсь, я поверил не сразу. Тоже 64 листа большого формата, тоже 27 миниатюр. Может быть, просто какая-то путаница с шифрами? Находилась же егоровская рукопись одно время в музейном собрании...

Но когда на моем столе оказались две поразительно схожие рукописи «Слова о полку Игореве», сомнения развеялись. Год спустя после первой И. Г. Блинов изготовил еще одну рукопись. Текст буква в букву, не исключая и характерных ошибок, повторяет список 1912 года, а вот миниатюры написаны новые, причем уже не акварелью, а темперой. Открывает рукопись завораживающее серебристыми всполохами изображение Бояна, который «своя вещиа пръсты на живая струны въскладаше».

Темпера, несомненно, давала И. Г. Блинову богатейшие возможности, которыми он пользовался с непревзойденным искусством, ни в малой степени не отступая от приемов вековой иконописной традиции. В композиционном отношении Блинов, очевидно, тоже не хотел полностью повторять список 1912 года и пытался найти новые решения. К сожалению, это ему не во всем удалось.

Мы не можем пока с уверенностью сказать, попал ли в свое время список «Слова о полку Игореве» 1913 года к царскому двору. В отделе рукописей он хранится лишь с 1938 года. Но ведь это в конечном счете не так уж важно. Гораздо важнее, чтобы замечательные миниатюры Ивана Блинова стали не только юридически, но и по существу всенародным достоянием.

Дар музею

«Уважаемые Наталья Алексеевна Пархоменко и Савелий Васильевич Ямщиков, Ярославский музей-заповедник выражает вам благодарность за помощь в строительстве музея, посвященного выдающемуся памятнику литературы «Слову о полку Игореве». Переданное вами в дар монументальное панно художницы А. Н. Ивановой «Слово о полку Игореве» (роспись по шелку) будет экспонироваться в разделе «Слово о полку Игореве» в русском и советском искусстве».

Художница Антонина Николаевна Иванова внесла немалый вклад в развитие отечественного монументального и декоративно-прикладного искусства. Мужественно, а подчас и поистине героически переносила она трудности и испытания, которые выпадали лично на ее долю или обрушивались на всю нашу страну. Ни яркие краски многочисленных декоративных композиций, которые она пишет в различных городах, ни изысканные орнаменты, украшающие фарфор А. Н. Ивановой, ни веселые деревянные игрушки, сделанные ею в Загорске, ни богатые по цвету и фантастическому построению рисунка шелковые платки, шали и большие панно, даже малейшим штрихом не напомнят зрителю о переживаниях и невзгодах, так и не сумевших сломить ее оптимизм и неукротимое стремление к прекрасному.

В Москве, куда выпускница Киевской академии художеств перебирается в 1922 году, происходит встреча А. Н. Ивановой с миром народного искусства. Она копирует лучшие образцы русской игрушки, хранящиеся в московских музеях, а затем и сама начинает расписывать богородские игрушки. Вспоминая лучшие годы работы над созданием произведений декоративно-прикладного искусства, Антонина Николаевна пишет в своих дневниках: «Вся моя жизнь наполнена впечатлениями от огромного богатства и разнообразия форм народного искусства всех стран и особенно наших братских республик. Я преклоняюсь перед народным искусством, его музыкой, архитектурой. Наши народные умельцы творят чудеса!»

Эта любовь к искусству древнему и преклонение перед народным творчеством, знание его истоков и ремесленных приемов, помноженные на высочайшую культурную оснащенность художницы, помогли ей в 1936 году написать на шелке великолепное панно, содержание которого подсказано бессмертной поэзией «Слова о полку Игореве». А. Н. Иванова сумела построить сложную композицию так логично и естественно, что глубокое содержание декоративной картины полностью гармонирует с четким и продуманным ритмом изобразительного языка панно. Торжественно и празднично звучат цветовые сочетания на полупрозрачном шелковом фоне, они меняются и приобретают самые различные оттенки в зависимости от перемещения источника света. Панно, привлекая к себе зрителя сразу, требует затем длительного и пристального разглядывания и изучения смысла каждой детали общего композиционного построения.

Шелковое панно «Слово о полку Игореве» получило постоянную прописку в замечательном музее, созданном в Ярославле.

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

800 лет назад неизвестный русский поэт совершил духовный подвиг. Вся русская земля XII века, ее беды и пожары, города и реки уместились на 10 страницах, написанных свободным стихом неповторимой силы.

Незначительное в истории поражение новгородско-северского князя Игоря Святославовича стало великой культурной победой — над колыбелью нашей литературы взошло «Слово о полку Игореве».

Поход был в мае 1185 года, «Слово» написано по горячим следам от пожаров и набегов — в промежутке между 1185 и 1187 годами.

К сожалению, точной даты в летописях не сохранилось — зола не расскажет...

Очень трудно представить это время — конец XII века. Далекое, задымленное, опожаренное. Летописи сгорели, города превратились в пепел, «Слово о полку Игореве» одиноко сияет в пасмурной дали.

Однажды осенней ночью я вышел на берег Днепра и увидел в поле зарево пожарища. Горел стог сена или сарай, но зарево было видно за десятки верст. Люди, стоявшие рядом, тревожно переговаривались. Зарево заворожило нас. Почему? В темноте пропадали приметы времени — электролинии, столбы, блочные дома торфяного завода, краны. И прошлое приблизилось. Запах дыма связал все русские века, века человечества, но не затмил надежду.

ИЗ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ПЕРЕВОДА

Игорь ждет милого брата.
И сказал ему буй тур Всеволод:
«Один ты, Игорь свет мой светлый,
оба мы Святославичи.
Седлай же своих борзых коней, брат.
Мои давно под Курском стоят оседланные,
Мои куряне — бывалые воины.
Под трубами повиты,
под шеломами возлелеяны,
С конца копья вскормлены.
Дороги ими исхожены, овраги изведаны.
Луки у них натянуты.
Колчаны отворены, сабли изострены.
Сами скачут, как серые волки в поле,
себе ищут чести, а князю славы».

Тогда глянул Игорь на солнце,
И видит, что тьма от солнца
все войско его накрыла...
И сказал князь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам порубленным быть,
чем без чести поворотить.
Сядем же на своих на борзых коней
да глянем на синий Дон».
Князю дума запала —
отведать великого Дона.
И сильнее знаменья была его дума.
«Хочу,— сказал,— копье преломить
на краю половецкого поля.
С вами, русичи, голову там положить
либо Дона испить из шелома».

. . . .

На другой день утром рано
зори кровавые весть подают.
Черные тучи с моря идут,
четыре солнца хотят затмить.
А в них трепещут синие молнии.
Быть великому грому!
Идти дождю стрелами с Дону.
И копьям тут преломиться,
и саблям тут притупиться
о головы половецкие
на реке на Каяле у Дона великого,

О Русская земля, уже ты за холмом.

Дуют ветры, Стрибожьи внуки.
Несут стрелы с моря
на храбрые Игоревы полки,
Земля гудит, реки мутно текут.
Пыль поля покрывает. Стяги заговорили:
«Идут половцы с Дона, идут с моря!»
Со всех сторон обступили
и кликом поля перегородили
бесовы дети, а храбрые русичи
оградились щитами червлеными.

. . . .

А Святослав мутный видел сон
в Киеве на горах.
В эту ночь с вечера
накрывали меня
черными покрывалами на кровати сосновой,
черпали и подносили синее,
с печалью смешанное вино,
сыпали из пустых половецких колчанов
крупный жемчуг на грудь.
Величали...
И кровля была без князька.
в моем златоверхом тереме.

И всю ночь на лугу вороны
возле Плеснеска граяли,—
снялись и полетели
из дебри Кисановой к синему морю».

И ответили князю бояре:
«Уже, княже, горесть твой ум полонила.
Два сокола далеко улетели
с отчего золотого стола.
Добыть хотели Тмуторокани,
испить шеломами Дону,
да быстро ослабли.
Подсекли им крылья кривыми саблями,
опутали паутиной железной.
Темно было в третий день.
Два солнца затмила тень.
Два красных столба пропали.
Два месяца — Святослав и Олег —
тьмою заволоклись, погрузились в море.
И великую дерзость поганым подали!..
На реке на Каяле свет тьма покрыла.
Стали половцы рыскать
По Русской земле, как пардусы *,
И насела хула на хвалу.
Погоняет неволя волю.
Див ударился с криком о землю
А готские девы поют у синего моря,
звенят русским золотом.
Поют они время Бусово,
в сердце месть Шарукана лелея.
А мы, дружина, живем без веселья».

И тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное:
«О сыны мои, Игорь и Всеволод,
рано начали вы мечами
половецкую землю злить,
сами ходить за славой.
Без чести вы их одолели,
без чести от них полегли.
А ведь храбрые ваши сердца
из железа надежного скованы были
и отвагой закалены.
Что же вы сотворили
с моей серебряной сединой?

. . . .

И Сула уже
не течет серебристыми струями
к Переяславлю.
И Двина помутнела
под грозными криками диких.
И один Изяслав сын Васильков
позвенел своими наточенными мечами
о шеломы литовские.
Уронил славу деда Всеслава.
И лежит под червленым щитом
на кровавой траве
сам прибитый мечами литовскими.
А трава ему говорит:
«Дружину твою, князь,
птицы крыльями приодели.
звери кровь полизали».
Не было брата его Брячислава
не было там и Всеволода.
Изронил одиноко
он жемчужную душу из храброго тела.

И душа улетела
сквозь златое его ожерелье.
Голоса приуныли, поникло веселье.
Трубы трубят городенские.

. . . .

И прыснуло море в полуночи.
Смерчи нагнали мглу.
Князю Игорю бог путь кажет
из земли половецкой на землю Русскую,
к отчему золотому столу.
Погасли вечерние зори.
Игорь спит. Игорь не спит.
Игорь мыслию поля мерит,—
от великого Дона к Донцу.
В полночь свистнул Овлур за рекой коня,
знак подал — наготове быть.
Велит Игорю выходить.
Застучала земля, зашумела трава,
половецкие вежи задвигались.
Горностаем князь в камышах мелькнул,
белым гоголем на воду пал.
Вскочил на коня борзого,
соскочил босым волком
и к Донцу побежал лугами.
Прянул соколом под облаками,
избивая гусей-лебедей
к завтраку, и обеду, и ужину.
И когда Игорь соколом полетел,
тогда волком Овлур потек,
и трусил он росу студеную,
ведь коней борзых надорвали.

. . . .

А по следу за Игорем
не сороки стрекочут —
едут Гзак и Кончак.
А где Игорь проедет —
там воро́ны не каркают,
там сороки стихают,
там галки молчат.
Только полозы ползают.
Только дятлы стучат —
путь к реке кажут.
Да веселые песни
соловьи распевают,
свет-зарю возвещают.

И сказал Гзак Кончаку так:
«Если сокол к гнезду летит,
расстреляем его соколенка
стрелками золочеными».
А Кончак Гзе говорит:
«Если сокол к гнезду летит,
лучше девицей красной
опутаем соколенка».
И сказал Гзак Кончаку:
«Опутаем соколенка девицей —
не будет нам ни соколенка, ни девицы,
И станут нас птицы на воле
бить в половецком поле».

. . . .

Солнце светит — на небесах.
Игорь князь — в Русской земле.
Де́вицы поют на Дунае —
через море до Киева вьются их голоса.
По Бори́чеву Игорь едет
ко святой богородице Пирогощей.
Рады, веселы — грады и веси!

Вступление и перевод
Игоря ШКЛЯРЕВСКОГО

---

* гепарды.

ЭПОС ВЛАДИМИРА ФАВОРСКОГО

Четыре раза приступал крупнейший советский график Владимир Андреевич Фаворский к оформлению гениального произведения древней русской литературы. «Я очень люблю эпическую поэму «Слово о полку Игореве»,— писал художник.— Я оформил и иллюстрировал «Слово...» потому, что это произведение, когда к нему обращаешься, всегда меня восхищает. Трудно, по-моему, даже в мировой литературе найти что-либо эпическое, равное «Слову...». Его характерной чертой является то, что свойственно и древней русской живописи. В русском искусстве, живописи и поэзии встречаешь монументальную лирику, и это мне кажется специфическо-русской чертой».

Эти слова как нельзя лучше подходят к иллюстрированному Фаворским «Слову...», которое Детгиз выпустил в 1952 году. «Моя задача была передать стиль «Слова...»,— отмечал художник,— но никак не впасть в стилизацию. Ведь я сегодняшний человек и ни в коем случае не должен реконструировать древнюю форму, а должен передать стиль, как я, современный человек, его понимаю». Перед тем как иллюстрировать книгу для детей, Фаворский самым внимательным образом прочел летописные источники о походе Игоря. Ипатьевская летопись поясняет, что Игорь из-за гололеда не поспел в поход с другими князьями, так как кони не могли быстро идти. В гравюре «Битва с половцами» мастер изобразил князя с забинтованной рукой и без шлема, который Игорь снял, чтобы быть приметнее во время боя и русские ратники могли собираться вокруг него, что также известно лишь из летописи.

Художника очень интересовали лирические отступления, которыми пронизано «Слово...», мифологические сюжеты. Все это, конечно, накладывало дополнительные трудности: «Решиться передать это мне было трудно, и я только стремился как можно с большим чувством и как бы роднее, типичнее передавать картины русской природы... Я в этих вещах пытался передать ту монументальную лирику, которую я вижу в слове».

Все работы Фаворского над «Словом» приходятся на предвоенные и первые послевоенные годы. Древняя книга, вновь увиденная большим мастером, пережившим глубокую личную трагедию — на фронтах погибли оба его сына,— стала великим символом. Здесь уместно вспомнить слова Анны Ахматовой:

Не страшно под пулями
мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская
речь,
Великое русское слово.

Издания «Слова о полку Игореве» с иллюстрациями В. А. Фаворского во все времена привлекали внимание читателей, творческой интеллигенции, художественной критики. В «Письме художнику Фаворскому» К. Федин писал: «Самое главное в том, что Вы замечательно прочитали «Слово...», как не многие историки и редкий поэт и переводчик прочитывали его до сих пор. Благодаря чуткому вживанию в текст «Слова...» Вам удалось создать разительный синтез поэтической легенды с историческим документом».

Детгизовское издание в красном коленкоровом переплете с золотым тиснением, выдержавшее множество переизданий и дополнительных изданий, приобщило к величайшему памятнику древнерусского искусства без преувеличения все послевоенные поколения советских школьников. С этими иллюстрациями «Слово...» было переиздано и на иностранных языках.

«В долгих трудах этого великого, спокойного, мудрого художника много разнообразных удач,— писал о Фаворском Виктор Шкловский.— Может быть, лучшей книгой является «Слово о полку Игореве». Книга эта была издана Детгизом как массовая. На красивых страницах ее по-новому для современной книги сочетаются черная и красная краски. Иллюстрации конкретны, драматичны и в то же время это именно книжные иллюстрации. Я люблю этого художника и хорошо знаю «Слово...». Ни наяву, ни во сне не могу представить себе великую песнь вне великого графического видения Фаворского».

В. ПОТРЕСОВ

НЕВИДИМАЯ СВЯЗЬ

Где-то в уголке памяти держалось все последние годы: издание «Слова о полку Игореве» с автографом Марины Ивановны Цветаевой есть у М. И. Чуванова, старейшего подмосковного библиофила. И вот я держу в руках эту ставшую редкостью книгу. Поражает год издания: 1920-й. Гражданская война. Разруха. Голод и холод. Но молодая Советская республика тратит средства на книги. Наряду с произведениями Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Некрасова, выпускается текст «Слова...». Причем издание выходит необычнейшим по тем временам и довольно сложным факсимильным способом печати. Оно печаталось с первого издания «Слова...». Список поэмы погиб в огне пожара 1812 года. Погибла и основная часть тиража ее первого печатного издания.

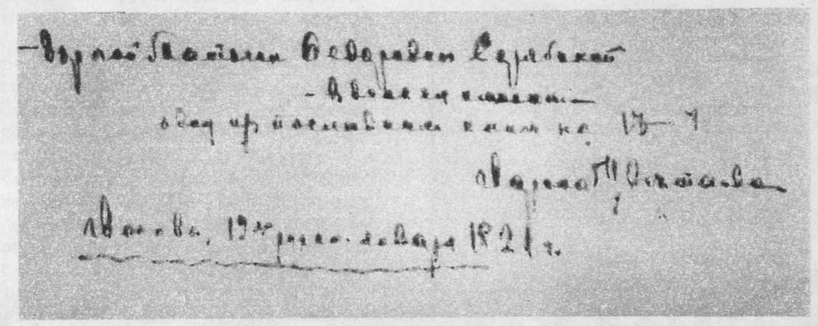
Книга, сохранившаяся у М. И. Чуванова, когда-то принадлежала Цветаевой. Об этом говорят две собственноручные надписи Марины Ивановны. Одна в левом верхнем углу титульного листа-разворота: **«Дорогой Татьяне Федоровне Скрябиной — в день ея именин — одну из последних книг на ѣ! Марина Цветаева. Москва, 12-го русск. января 1921 г.».**

Вторая — в правом верхнем углу титула:

«...Вопль стародавний,
Плач Ярославны —
Слышите!»

О том, что М. Цветаева любила «Слово о полку Игореве», красноречиво говорит ее ответ на анкету, присланную ей из Москвы в Париж Б. Л. Пастернаком весной 1926 года. Анкета нужна была для предполагавшегося в СССР издания биобиблиографического словаря писателей XX века и была составлена Кабинетом революционной литературы при Отделе изучения революционного искусства Академии художественных наук. Вопроса о книгах, как свидетельствует исследовательница творчества Цветаевой А. Саакянц, в анкете не было. Но Цветаева сама приводит «последовательность любимых книг». Это очень для нее характерно. То есть характерна немыслимость для Цветаевой жизни без книг, характерны постоянные раздумья о судьбах любимых произведений. Так вот в анкете написано: «Любимые книги в мире те, с которыми сожгут: «Нибелунги», «Илиада», «Слово о полку Игореве».

Влияние «Слова...» на творчество М. Цветаевой ощущается во

Автограф Марины Цветаевой. Воспроизводится впервые.

многом. Это тема специального исследования, но мне кажется, что Марина Ивановна, любившая исконно народную речь, русский фольклор, неравнодушная к мотивам русской истории в литературе, не могла пройти мимо шедевра отечественной поэзии, не подпасть под его влияние. Это ощущается и в конкретных строчках. Так, в стихотворении «На заре...» есть строфа:

Око зрит — невидимейшую
даль,
Сердце зрит — невидимейшую
связь...
Ухо пьёт — неслыханнейшую
молвь...
Над разбитым Игорем плачет
Див.

Образцы «Слова...» присутствуют и в других стихотворениях М. Цветаевой. А одно из них начинается со строки, надписанной Мариной Ивановной Т. Ф. Скрябиной на экземпляре книги, о которой идет рассказ.

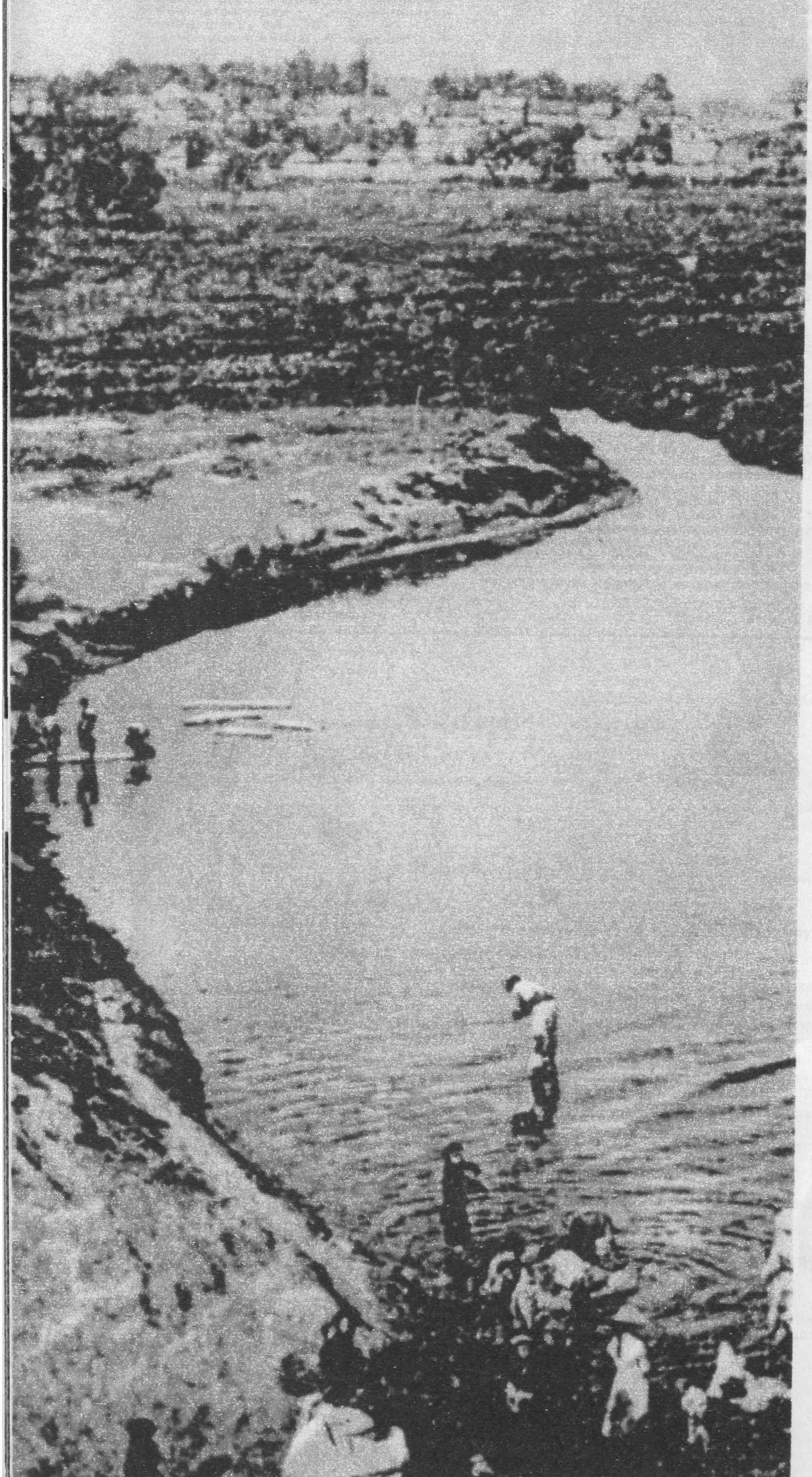
Остается добавить, что адресат цветаевской надписи Т. Ф. Шлецер — вторая жена композитора Скрябина. Цветаева дружила с ней в течение нескольких лет. Она провожала ее в последний путь весной 1922 года. Татьяна Федоровна умерла от последствий постоянных бессонниц, подточивших ее организм.

...«Книги, с которыми сожгут». Книги, с которыми и умереть не страшно. Среди них «Слово о полку Игореве». В возгласе большого поэта — еще один гимн бессмертию гениальной поэмы.

Феликс МЕДВЕДЕВ

На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела...

Так рассказывает «Слово о полку Игореве» про битву между полоцким князем Всеславом и южнорусскими князьями Ярославичами, что произошла на Немиге в 1067 году, почти за 120 лет до создания «Слова».

Виктор ЖУК

В современных примечаниях к великому памятнику славянской культуры доводилось читать, что Немига — небольшая река, на которой стоял Минск. А сейчас Немиги нет. Но минчане, которым сегодня лет 60—70, речку еще помнят. На их глазах опускали Немигу под землю, в трубы коллектора...

Минувшим летом в суетном течении жизни нашего города соединились события, с которыми захочешь — не разминешься. Первое — начало празднования юбилея «Слова». Другое куда скромней, так сказать, местного масштаба. Но какого минчанина оставит равнодушным тот факт, что прокладывается вторая линия городского метро? И проходит она через долину, где прежде текла Немига. Стали метростроевцы копать тут и попали... прямиком в XI век. В центр Минска того времени. Ни больше ни меньше! Людям с экскаваторами пришлось посторониться. Будущую станцию метро перенесли на сорок метров. А на прежнем месте стали работать археологи. И раскопали древнее замчище.

ВДОЛЬ

Главный геолог «Минскметростроя» Александр Антонов и руководитель раскопок на замчище заведующий сектором археологии Института истории Академии наук Белоруссии, доктор исторических наук Георгий Штыхов замысел пройти руслом Немиги поддержали сразу. Оно и понятно: у обоих к Немиге интерес профессиональный. И что важно — такой же к делу подход.

Штыхов открыл свои исторические карты, на которых еще вьется голубая жилка Немиги. Антонов, поднаторевший в изыскательских делах, раздобыл для всех «рыбацкие» сапоги, плотные метростроевские куртки, каски и фонари. Я добился благословения попечителя подземельной Немиги — треста «Гордормеханизация», после чего к нам присоединился Валерий Пинчук, главный инженер дорожно-эксплуатационного участка Московского района Минска.

Начать мы решили, конечно, от истока, который представлялся нам аккуратной криничкой. Если и не напьемся, думали мы, то умоемся той самой водой, что питала Немигу тысячу лет назад, и тронемся в дорогу...

Карты картами (в них обнаружились противоречия), а ведет нас к истоку Немиги все-таки язык. Опрашиваем старожилов Минска. И постепенно выходим к перекрестку улицы Грушевской и Разинского переулка. Неподалеку отсюда было обширное болото, из которого вытекал ручеек. Сегодня на месте болота лишь небольшая впадина — «потное место». Воды нигде не видно, но замечаем крохотный желобок, что мог быть началом Немиги: трава в нем высокая, сочная, с редкими клочками осоки. Почти полтора километра идем мы по этому воображаемому ручью и оказываемся у железнодорожной станции Минск-Товарная, бывшего Александровского вокзала города. Начиная отсюда, Немига становилась когда-то значительной речкой (в чем сходятся все исторические карты и описания) и продолжалась три километра.

На поверхности воды по-прежнему нет, но тут открывает свои карты Валерий Пинчук. Перед нами план его хозяйства — подземные водные коммуникации. Валерий безошибочно ориентируется в этом лабиринте и уверенным движением руки прочерчивает весь подземный путь Немиги. Потом мы подходим к одному из колодцев близ станции и выворачиваем тяжелую чугунную крышку. На дно колодца отважно прыгает солнечный луч, и на глубине трех метров мы видим живую серебристую змейку. Течет ручей. Воды в нем не больше, чем из кухонного крана, открытого до упора. И все же мы с облегчением вздыхаем: есть исток.

Немига течет. И вода в ней живая!

Поочередно спускаемся в узкое горлышко ямы: слой асфальта, потом земли, наконец, бетон. Глубина четыре с половиной метра. Разведешь руки — уткнешься ладонями в сырые стены. Воды чуть ниже колена. Черпаем ее пригоршнями — прозрачная. Нюхаем. Вода как вода. Похоже, чистая. Несколько шагов по течению — и не видно ни зги. Включаем фонари...

Немига — колыбель Минска. И с этим утверждением вряд ли станут спорить самые строгие ученые. С доисторических времен речка намывала по своим берегам и в дельте грунтовые наносы, на которых во второй половине XI века стали селиться наши далекие предки. Старое поселение существовало на реке Менке (вероятно, от нее пошло изначальное название города — Менск). Новым, более подходящим для города-крепости местом оказалось устье Немиги.

При впадении в Свислочь Немига растекалась на два рукава, словно для того, чтобы баюкать в объятиях детинец древнего Минска. Крепостные валы со всех сторон были окружены водой. По тем временам это были неприступные укрепления. Немига, как мать, давала городу жизнь, она же ее охраняла, о чем свидетельствуют недавние находки на раскопках замчища. Среди них четыре пушечных ядра, каждое диаметром сорок сантиметров. «Почти такие же, как у знаменитой «Царь-пушки»,— прокомментировал находку Г. Штыхов. Судя по всему, из подобных пушек обстреливали древний Минск. Но до замчища ядра не долетели. Плюхнулись в Немигу.

Кроме оборонных укреплений, оружия и военной амуниции, археологи обнаружили на восьмиметровой глубине «культурного слоя» XI—XII веков около восьми тысяч изделий мирного назначения из железа и камня, цветных металлов и дерева, кости и глины, кожи и стекла... Время не смогло стереть с них следы подлинного мастерства. Минские раскопки — еще одно свидетельство тому, что художественный уровень «Слова», которое слагалось в ту пору, со-

ПО НЕМИГЕ

ответствовал уровню материальной и духовной культуры Древней Руси. А территория современной Белоруссии была ее полноправной частью. И не существовали еще обособленно русская, украинская и белорусская народности. И три нынешних языка своими истоками — в «Слове».

...Темень, сырость, теснота — все так. Но первое, что по-настоящему поражает в этом глухом бетонном ущелье,— звуки воды. Немига то ласкается у ног и, кажется, что-то шепчет на ухо тебе одному, то тяжко вздыхает, словно жалуется на свою долю, то игриво перекатывается, как детский смех, то вдруг шипит, да так, что в темноте мерещатся самые настоящие змеи.

В XIII веке Немига оформилась как уникальная (другой такой в Белоруссии не было!) улица-река. По историческим свидетельствам, ширина Немиги в ту пору в среднем составляла две сажени (чуть больше четырех метров). С одной стороны улицы на другую люди шли и переезжали по деревянным мосткам. И, как притоки, подходили к Немиге с разных сторон крохотные улочки. Жили тогда в замчище и на посаде полторы тысячи человек. Крупный был город по тем временам.

...Свет фонарей выхватывает метров 10—15 водопротоки и растворяется в густой темноте. Идем гуськом, ощупывая ногами каждую выщербину бетонного русла. Кольца — как близнецы. Отличаются только тем, что от некоторых ответвляются узкие притоки-трубки для уличных ручьев, что пополняют Немигу во время дождей.

> У Немиги кровавые берега
> Не добром были посеяны —
> посеяны костьми русских сынов...

Первое упоминание о Немиге — в «Слове» — свидетельствует, как видим, не о процветании, о разорении нашей земли. История повторялась. За валом вал катились через Белоруссию опустошительные войны. Были среди завоевателей татары и короли Польши, маршалы Наполеона и войска германского кайзера... Вновь и вновь были у Немиги «кровавые берега».

И всякий раз, когда приходила большая беда, опять становилась актуальной идея единения, что заложена в «Слове».

Боль автора «Слова» отзывалась в душах тех белорусов, которые были патриотами своей земли, но умели дорожить и общими интересами народов-братьев. Народный песняр Янка Купала стал переводить «Слово» на белорусский язык в 1918—1919 годах, когда на земле республики хозяйничали немецкие войска, а затем — белополяки. Вернуть свободу можно было, только объединившись с другими советскими республиками...

Столько крови, как в Великую Отечественную, на берегах Немиги еще не проливалось никогда. На улице было расположено гетто. Полным ходом вращались тут жернова фашистской машины уничтожения. Но была для врага Немига и одним из тех районов города, где «руины стреляли в упор». Я еще застал в живых кварталы старой послевоенной Немиги и помню дом с мемориальной доской: «Здесь находилась подпольная квартира семьи Герасименко», сами стены его — темно-красные — словно говорили о недалеком прошлом.

В начале семидесятых Немига вновь стала центром внимания минчан. Словно паводки и ливневые потоки, клокотали тогда вокруг Немиги споры, в которых решалась ее дальнейшая судьба. Победили сторонники сноса. Были среди них и некоторые зодчие, что утверждали: ветхие, старые кварталы архитектурной ценности не представляют, а перестройка обойдется дороже, чем новостройка.

Старую Немигу таранили бульдозерами, молотили железными «грушами». Некоторые дома не сдавались, их взрывали... Облако сизой пыли с незнакомым, каким-то несегодняшним привкусом денно и нощно колыхалось над улицей. С развалин через дождевые стоки крошево красного кирпича попадало в подземное течение Немиги. И там, где речка впадала в Свислочь, растекалось большое кроваво-бурое пятно...

Ну, а что же стало с улицей Немигой? За последние годы ее основательно расширили. По серому асфальтовому «руслу» густыми волнами катятся машины. Правый «берег» еще пустует. На левом прорастают, тянутся ввысь дома. Но представить, каким будет весь комплекс застройки, можно пока только в одной из мастерских института «Минскпроект».

Даже на листах ватмана легко заметить, что главный архитектурный «ход» подсказала сама древняя Немига: улица-река. С одной стороны на другую над транспортным потоком на уровне шести метров перебрасываются «мостки» платформы, которые будут примыкать к магазинам, кафе, барам...

Новая Немига станет крупным жилым районом и торгово-общественным центром городского значения. Здесь вновь будет многолюдно. И это, конечно, хорошая память об ушедшей Немиге. Только все же для памяти этой не хватает, пожалуй, весьма существенного — в о д ы. Пусть даже узкой ее полоски...

Заговорил об этом с руководителем проекта застройки Немиги Сергеем Мусинским. А он в ответ рассказал, что, попав в Венецию, первым делом вспомнил старую улицу-речку Немигу. Был ведь это канал, похожий на венецианские...

Река эта — уникальный живой памятник. Сегодня нашим государством охраняются старые постройки как памятники определенного времени. Тот же Екатерининский собор XVII века на улице Немиге. Но разве менее достоин государственной охраны природный памятник, что эти времена — прошлое, настоящее, будущее — соединяет?

Конечно, нужны памятные знаки у истока Немиги и в местах, где она протекает. Но главный-то памятник — сама Немига. Заново тут ничего создавать не надо. Вот только показать бы ее людям. Дать возможность если не ступить в нее, то послушать, посмотреться в ее зеркало. Как это сделать? Не полезут же, в самом деле, все желающие в коллектор...

Я обратился к самым компетентным в Минске специалистам — гидрологам. Среди них — Иван Щерица, начальник управления эксплуатации системы «Вилявминскводстрой», Александр Самончик, главный инженер «Минскинжпроекта», где разрабатываются искусственные водные системы, и Владимир Мокрицкий, начальник отдела в этом же институте.

Мысль, которая родилась в разговорах с инженерами, можно сказать, лежит на поверхности. Да ведь самое простое: Немигу на этом последнем, 200-метровом участке поднять и пустить так, как текла она и сто, и тысячу лет назад. По тому же руслу, в то же устье. Технически дело несложное: поднять воду насосами на четыре метра. Тут нам опыта не занимать. Ведь воды Вилии перебрасываются в Минск по искусственному каналу почти на 200 километров и поднимаются при этом на высоту 75 метров. Ну а материальные средства на спасение Немиги — просто символические в сравнении с затратами на любой из участков водно-парковой системы на 657 гектаров, что создается сейчас в Минске.

Ясно, что как историческому памятнику Немиге цены нет.

У новой улицы Немиги появилось бы водное продолжение, которого ей так не хватает. Археологический музей, что создается на месте раскопок замчища, пополнится естественным экспонатом: как и встарь, Немига «серой веной» будет течь к «сердцу» города. При этом для охраны чистоты ее, быть может, и не понадобится юридическая защита. Теперь речку загрязняют втихомолку, под покровом толстого слоя земли и бетона. Но кто отважится на сброс нечистот на глазах всего города?

Наконец, вывод речки из «трубы забвения» станет лучшим городским мероприятием в честь юбилея «Слова».

Немига — один из кровеносных сосудов нашей земли. Он попрежнему соединяет окраину города, теперь уже полуторамиллионного, с его центром, а начало его биографии — с ее продолжением. И когда мы говорим, что строим жизнь — богатую и красивую, гармоничную и полную, как могучая река,— не забыть бы при этом, что река слагается ручьями. И здоровье всякой большой реки — в ее притоках. Немига, ставшая своеобразным символом нашей истории,— приток особого рода. По нему проходит связь времен.

Немига, как и «Слово», наделяет нас родословной. И надеждой на ее возрождение.

Минск.

УРАЛЬСКОЕ «С Л О В О»

К юбилею «Слова о полку Игореве» на Урале издана удивительная книга. В ней талантливо соединились: факсимильное воспроизведение первого печатного издания памятника; ритмическое переложение древнерусского текста, выполненное свердловским поэтом Андреем Комлевым; поэтическое переложение «Слова» пермского поэта Алексея Домнина; иллюстрации Виталия Воловича; серьезнейшие научные комментарии и примечания, включающие краткую поколенную роспись русских князей, подготовленные А. П. Комлевым и К. К. Белоуровым. Особую прелесть этому изданию придает то, что воспроизводимый здесь факсимильно экземпляр первого издания «Слова», хранящийся ныне в музее Уральского университета, когда-то принадлежал Царскосельскому лицею, и вполне возможно, что его держал в руках и читал лицеист первого выпуска А. С. Пушкин.

Перед автором художественного оформления и макета, известным художником книги А. А. Рюминым стояла очень непростая задача — объединить, казалось бы, разнородные элементы в одном томе, создав гармоничную, выразительную композицию, достойную великого произведения и его восьмивекового юбилея. Художник проявил в этой работе незаурядное умение и вкус, создав настоящую книгу-памятник, обобщившую вклад уральских ученых и литераторов в научно-художественное изучение «Слова».

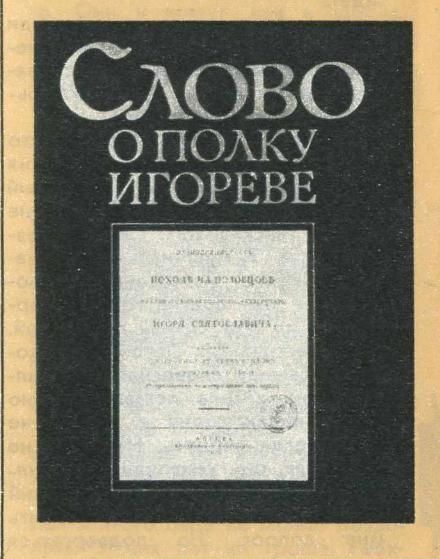
В результате точно продуманной работы художника и составителя А. П. Комлева читатели получили своеобразное синтетическое издание, раскрывающее все стадии постижения такого сложного и в то же время популярного произведения, как «Слово о полку Игореве». Содружество науки и поэзии в изучении великой поэмы лежит в основе идеи этой книги.

«В этом сборнике читатель найдет как раз те результаты творческой работы над «Словом», которые содержат современный уровень изучения этого произведения,— пишет во вступлении доктор филологических наук В. В. Колесов.— Он встретит новые толкования и объяснения, но также и новое воспроизведение самого текста. Свердловских авторов объединяет общий интерес к поэтической стороне древнерусского текста...»

Средне-Уральское книжное издательство, выпустившее в последние годы много интересных, отлично оформленных и тщательно подготовленных книг, еще раз подтвердило юбилейным сборником «Слова о полку Игореве» высокий профессиональный уровень своих изданий.

Л. СЕМЕНОВА

«Слово о полку Игореве». Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 1985. 212 с.

Винни МАНДЕЛА

Он унес с собой часть моей души

ВИННИ МАНДЕЛА, ЖЕНА ВИДНОГО БОРЦА ЗА ПРАВА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮАР НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ, КУДА БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ ПРОВЕЛА В ССЫЛКАХ И ТЮРЬМАХ, ЧЕМ НА СВОБОДЕ. НЕДАВНО В ЗАПАДНО-ГЕРМАНСКОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «РОВОЛЬТ» ВЫШЛА ЕЕ КНИГА, ОТРЫВКИ ИЗ КОТОРОЙ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ.

БРАНДФОРТСКАЯ ССЫЛКА

Это произошло в ночь на 16 марта 1977 года.

Я, как обычно, засиделась над книгами у себя дома, в Соуэто. Днем я работала, и поэтому заниматься приходилось ночами. Этой ночью я как раз читала книгу по социологии, которую на следующий день должна была возвратить владельцу.

До меня уже некоторое время доносился странный шорох — похоже, что кто-то осторожно ходил вокруг дома. Но я не придала этому особого значения, ибо уже успела привыкнуть к таким вот необычным шорохам. Собственно говоря, я постоянно чувствую, что за мной следят, и я нигде и никогда не остаюсь одна. Что поделаешь, это стало частью моей жизни. Поэтому-то в долетевших до меня звуках шагов и не было ничего особенного. Я даже не выглянула посмотреть, кто это там ходит вокруг дома. Агенты службы безопасности никогда не выпускают меня из виду.

Около 5 часов утра раздался вдруг грохот, будто кто-то, проломив стену, рухнул прямо в мою комнату. Но стены-то в моем доме в Соуэто цементные. Шум стоял ужасный, казалось, что дом мой забрасывают камнями. Они стучались одновременно со всех сторон — колотили в двери, барабанили в окна, били кулаками сразу во все стены.

Я тут же поняла, что меня ждет.

Мне стало ясно, что пришли меня арестовывать по обвинению, предъявленному на основании статьи шестой «Закона о борьбе против терроризма».

Я открыла двери. Казалось, что вся южноафриканская армия штурмовала мой дом, который тут же заполнили вооруженные люди в маскхалатах. Служба безопасности. Я машинально подхватила заранее упакованный чемодан. Вот уже долгие годы я держу его на этот случай под рукой. «Вы арестованы!» Потом последовала обычная словесная перепалка: я не хотела оставлять свою дочь Зиндзи одну в доме, не зная, когда вернусь. Но даже не дослушав, они уволокли меня силком и доставили в полицейский участок, где собирались учинить мне допрос. Но подвергаться этой бессмысленной процедуре я не собиралась — слишком уж часто меня до этого арестовывали. Ни одному здешнему полицейскому нечего и мечтать о том, что он сможет меня допрашивать в моем-то нынешнем возрасте. Будь я моложе и без моего опыта, все, возможно, выглядело бы иначе. Но теперь всякая мелочевка из бурской полиции, пытаясь меня допрашивать, лишь теряет попусту время. Ничего, кроме взаимных оскорблений, из этого не получится.

Часов в 10 утра ко мне в камеру вдруг привели Зиндзи под конвоем вооруженных полицейских. В руках у нее были ключи от нашего дома. Три полицейских чина, пытавшиеся до этого меня допрашивать, поднялись с мест, и один из них сказал: «Хватит! Мы уходим. Вас вышлют на жительство в «Оранжевую Республику»[1]. Я в тот момент представления не имела о том, что это значило. Думала, что меня в очередной раз арестовали и собираются, как обычно, перевезти из полицейского участка в тюрьму — в Претории или еще где-нибудь. Только после того, как Зиндзи доставили ко мне под конвоем, я начала понимать, что меня отправляют в ссылку.

Меня посадили в стоявший у полицейского участка армейский грузовик. Все наши вещи они пошвыряли в кузов, именно пошвыряли, не уложив, одеяла и простыни сорвали с кровати, выгребли все из шкафов: мою посуду, книги Нельсона, столовые приборы, вазы, продукты — все, что им попадалось под руку. Посуду по большей части при этом побили.

Мы с Зиндзи сидели в кузове сзади, зажатые со всех сторон вооруженными полицейскими. Впереди и позади нашего грузовика шли военные машины, целый эскорт. До этого я никогда не слышала о Брандфорте и не знала, где это. Нас выгрузили у полицейского участка в Брандфорте и официально передали в ведение политической полиции «Оранжевой Республики», которая, как видно, в полном составе, выстроилась, словно почетный караул, для встречи. Нас привезли в этот, с позволения сказать, «дом». Чистое очковтирательство — называть домом три эти тюремные камеры.

Когда мы приехали, то в этот дом даже войти не смогли: у самого входа громоздилась целая гора песка, а три крохотные комнатушки были завалены мусором. Мебель наша не проходила в двери. В этих бараках двери узенькие, как в туалете. Диван, кровати, холодильник — все пришлось везти назад, в участок, и оставить там. У нас буквально ничего не было: ни света, ни очага, ни воды, ни еды. Они побросали наши узлы на пол и уехали. Мы остались вдвоем.

Ночь мы провели на голом матраце, свернувшись калачиком и прижавшись друг к другу. Ужасно! В самом деле первое время было просто ужасно. Зиндзи чуть с ума не сошла. Именно этого они и добивались: хотели нас сломить.

Местных жителей до этого всю неделю запугивали, целую кампанию по устрашению развернули. То и дело сгоняли их на собрания, где депутаты парламента и чины полиции рассказывали им, что в Брандфорт прибывает «заклятая коммунистка», «женщина крайне опасная». Боже упаси вступать с ней в какие-либо контакты. «Она будет вам говорить, что вы должны бороться за свою землю, всякие сказки будет вам рассказывать. Каждый, кто осмелится зайти к ней домой, будет арестован и рискует остаток жизни провести за решеткой, точно так же, как и ее муж, которого мы посадили под замок до конца его дней».

Можно себе представить, как запуганы были местные жители.

Вначале мы и объясниться-то с ними не могли: на африкаанс[2] я не говорю, а сото, язык здешних черных, я в первое время и вовсе не понимала. Они даже детишек застращали — родителям было строго-настрого приказано запрещать своим детям какое-либо общение со мной.

Но в конце концов вся эта клеветническая кампания привела к результатам, прямо противоположным тем, на которые рассчитывали власти. Жители гетто рассуждали просто: что-то хорошее для нас в этой женщине наверняка есть, раз уж правительство, судя по всему, любой ценой хочет скрыть это от нас. Уж если белый, говоря с черным, о чем-то плохо отзывается, тот, не раздумывая, решит, что дело это хорошее. И наоборот, естественно.

Прошло немного времени, и ребятишки, встречая меня на улице, стали поднимать вверх ручонку со сжатым кулаком. Мы никогда не говорили им, что это боевое приветствие нашей организации «Блэк Пауэр», выражающее солидарность в борьбе. Люди здесь и сами знают, им об этом можно и не говорить. Ясное дело, они не лезли на рожон, пока полиция снова не убралась из «тауншипа»[3]. Но зато потом они потянулись к нам один за другим со своими скромными подарками. Кто ломоть тыквы принесет, кто — бобов или еще что-нибудь съестное. Имя Нельсона Манделы было здесь всем известно, и каждый знал о нем.

Я давно уже не живу своей

[1] Один из районов ЮАР. Административный центр Блумфонтейн.

[2] Голландское наречие, родной язык буров.

[3] Букв. «городок». Так в ЮАР называют поселения для черных.

жизнью. Идеалы и политические цели моей борьбы — это идеалы и цели народа моей страны. Не могут же люди предать забвению свои идеалы. В этом смысле у меня нет своего «я», нет личной жизни. Притесняя меня, они притесняют мой народ. Я была и останусь лишь политическим барометром. Мое положение в каждый данный момент — индикатор политического напряжения в стране. Отправляя меня в ссылку, они думают не обо мне самой. Они воображают, что вместе со мной им удастся «изгнать политические идеи». Но в истории так не бывает. Это невозможно, и им этого никогда не добиться.

Как человек я для них не имею никакого значения. Они хотят изгнать все то, за что борюсь. Большей чести они не могли бы мне оказать.

БЕЛЫЙ БРАНДФОРТ

Для белых в Брандфорте я живое воплощение беспорядков в стране. Они боятся, что я здесь живу, ибо боятся будущего. С тех пор, как я здесь, все поведение черных изменилось. Борьбу чернокожих за свои права здешние белые воспринимают теперь как ощутимую реальность, не как нечто от них далекое, а как часть повседневной действительности.

Впервые белые столкнулись здесь с черным человеком нового типа: к нему приезжают люди, о которых здесь раньше и представления не имели,— люди со всех концов света, с именем и положением, озабоченные участью чернокожего населения. Что такое «черный» для африканера-бура в «Оранжевой Республике»? Это всего лишь тот, кто работает на его тракторе или шагает за его плугом. Вот как они понимают черных. Для белых важны при этом орудия производства — трактор или плуг, а не черная рабочая сила. Если в грозу на пашне молния ударит в трактор, у белого только одно в голове: в исправности ли его трактор, а убитый молнией черный тракторист — для него дело второстепенное.

Так и я в полном смысле слова обрушилась как бедствие на это царство африканеров. Я стала ходить в магазины, куда черным был вход воспрещен. В полицейский участок я входила в дверь с надписью «Только для белых» и на почте становилась в очередь к «белому» окошку. Белые молча пялились на меня, не решаясь хоть что-нибудь сказать. Смелости не хватало.

Какой-то гротеск: то, что во всем мире считается само собой разумеющимся и естественным делом, в Южной Африке изображается как «политический перелом». Что, например, может быть естественней, чем зайти в общественный туалет? Но в Южной Африке это тема для дискуссий о «политическом переломе». Стоит черному зайти в их лилейно-белый туалет, будь он проклят, это воспринимается здесь как признак политических изменений. На самом же деле это лишь признак болезни, поразившей наше общество. Но происходит так потому, что люди здесь никогда не знали и не видели ничего иного. Они и живут как в шорах, словно в своих воловьих упряжках, составленных в каре на полях сражений англо-бурской войны.

В ГЕТТО

Положение в Брандфортском гетто ужасающее: люди голодают. И у нас нет никакой возможности им помочь. В ряде случаев мы просто не можем ничего сделать для семей, оказавшихся в столь тяжелом материальном положении, что надеяться уже не на что: детям буквально нечего есть, в доме ни крошки хлеба.

Основной продукт питания здесь — каша из кукурузной муки, которую едят три раза в день. Но большинство местных жителей и этого себе не может позволить. У них нет ни гроша. Ребя-

тишки идут в школу натощак. Едят в таких семьях один раз в день. Когда дети возвращаются из школы, мать варит им кукурузную кашу, иногда добавляя в нее пару капустных листьев.

Здесь я впервые увидела, что такое бедность сезонных рабочих в сельской местности. Я ведь большую часть своей жизни провела в городе. Конечно, и в Соуэто я на своем опыте убедилась в том, к каким страшным последствиям ведет система апартеида. Я работала там в коммунальном отделе социального обеспечения, и в одном только моем районе сотни людей страдали от хронического недоедания. Но с такой нищетой, как здесь, я столкнулась впервые в жизни. Тут, в гетто, есть семьи, которые в обеденное время ходят к водоразборной колонке, наливают воду в миски, сыплют туда щепотку соли, пару пригоршней геркулесовых хлопьев и проглатывают эту свою первую и последнюю за день еду.

Сил моих нет на это смотреть!

Здесь я впервые увидела, как младенцев кормят кукурузной мукой. Матери поджаривают немного муки на сковородке, заливают ее кипятком, процеживают через сито и отвар дают грудным детям. Детская смертность здесь очень высока. На прошлой неделе похоронили шестерых, на этой зароем еще троих. Все они и до двух лет не дожили. Поэтому так и нужны здесь детские ясли, чтобы хоть как-то выкормить детишек. Каждое утро к семи часам я собираю детей и отвожу их в церковь, временно отведенную под ясли. В пять часов пополудни мы забираем их оттуда и отводим по домам. Половина из них даже толком ходить еще не может от постоянного недоедания.

Один фермер из Питерсбурга — славный малый — подарил нам молочный порошок. Это здорово нам помогло. Но мы все еще кое-как перебиваемся и не знаем даже, откуда взять денег, чтобы в конце этого месяца заплатить женщинам, работающим в нашем детском садике. Ведь еще и месяца не прошло, как мы его открыли. Так вот и живем. На средства, выделенные методистской церковью, целый год учили четырех женщин-воспитательниц, открыли ясли, определили туда сто детей, а теперь нет самого необходимого для содержания этих яслей. Детей кормим за счет наших друзей-благотворителей: в день по миске супа на каждого ребенка и по четыре ковриги хлеба на все ясли.

Вот уже долгие годы мы бьемся над решением все тех же проблем. Нищенские условия жизни в гетто не изменились ни в малейшей степени. Напротив. Здоровье людей ухудшается, число хронически недоедающих постоянно растет, работы нет. Даже благотворительной организации, которая могла бы оказать помощь хотя бы в немногих самых тяжелых случаях,— и той нет.

Ко мне полиция наведывается так же регулярно, как и раньше. Все еще проверяют. По-прежнему запугивают местных жителей. Каждому, кто поддерживает контакты со мной или членами моей семьи, то и дело грозят неприятности.

Недавно они нагрянули сюда и официально уведомили меня о том, что мне предъявлено обвинение в незаконном посещении своего дома в Соуэто некоторое время тому назад. Я тогда тяжело заболела, поранила ногу, началось заражение крови, чуть не умерла. Попросила, чтобы прислали врача из местной поликлиники. Он нам здесь всегда помогает. Он заехал, оставил мне немного антибиотиков и уехал опять. Дня через два зашел ко мне домой адвокат де Вааль, чисто случайно. Кто-то прислал на его адрес телеграмму на мое имя, он и занес ее мне. Когда он постучал, я даже открыть ему не смогла, была почти без сознания, вне себя от боли и одна-одинешенька. Зиндзи уехала в Йоханнесбург и внучат увезла, я слишком больна была, чтобы за ними присматривать. Но вернуться из Йоханнесбурга Зиндзи тогда не смогла: ее там арестовали. Де Вааль перепугался, увидев, в каком я состоянии, и тут же понесся в Брандфорт за врачом, которого я раньше ни разу не видела. Врач, как только взглянул на мою ногу, стал вместе с адвокатом добиваться, чтобы меня немедленно перевезли в больницу. Аделе, жена де Вааля, повезла меня на машине в университетскую больницу в Блумфонтейне, мигом домчала. Но больница-то эта для белых, черных туда не принимают. Думаю, что де Вааль договорился с врачом и полицией о том, чтобы меня туда поместили. Я была в таком тяжелом состоянии, что могла помереть, а это им было вовсе ни к чему. Вот и решили сделать все возможное, чтобы сохранить мне жизнь.

«Нас не сломить!..»

Часам к двум мы приехали в больницу. Прошло еще два часа, а ни один врач и не подумал меня осмотреть. Они там все еще испрашивали разрешение «прооперировать меня в «белой больнице». Это было уж слишком! Я решила, что лучше умру в гетто, чем подпишу просьбу допустить меня в эту «белую операционную». Не хочу никаких подачек! Я настояла на том, чтобы меня отвезли назад, в Брандфорт. Хотела попасть в больницу в Йоханнесбурге. Только через два дня министр наконец подписал разрешение на отправку меня в Йоханнесбург самолетом для лечения в больнице. В самый раз — еще немного, и было бы поздно.

Политическая полиция оцепила больницу и стерегла меня круглые сутки, изо дня в день, целые шесть недель! Когда же меня наконец выписали, врач заявил, что я должна ему показываться еще десять дней подряд. Вот я и решила прожить это время в своем доме в Орландо — в Йоханнесбургском гетто. Но служба безопасности была против. Они требовали, чтобы я вернулась в Брандфорт, подала бы там соответствующее прошение, а десять дней спустя вновь приехала бы на осмотр в Йоханнесбургскую клинику. Я даже из Блумфонтейна в Брандфорт тогда не добралась бы — еле двигалась, ходила еще на костылях. Мне просто физически это было не под силу, но полиция настаивала на своем.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ

Вначале политическая полиция, служба безопасности, глаз с меня не спускала. Герт Принслоо, под надзор которого я официально поступила, сразу же после приезда в Брандфорт, как видно, считал делом своей чести уличать меня в нарушении параграфов указа о моей ссылке. В первые дни меня то и дело таскали в суд по обвинению в каких-либо мелких нарушениях этих предписаний. Мой дом превратился в некую «оперативную зону», или своего рода филиал полицейского управления, где с утра до вечера толклись сотрудники службы безопасности. В первый год моего пребывания здесь Принслоо нередко вваливался в дом посреди ночи, чтобы заглянуть под кровать или в шкаф: не прячутся ли там, чего доброго, посетители, принимать которых мне как ссыльной было запрещено. Теперь он ведет себя сдержанней: оборудовал свой «командный пункт» на высотке напротив моего дома, откуда за мной наблюдают в бинокль.

С 1962 года меня лишают прав, ссылают и высылают. Последний по времени указ о моей ссылке мне вручили в 1977 году, в тот самый день, когда меня доставили сюда, в Брандфорт. Но тут уж я решила: оставлю-ка я лучше врученную мне копию этого документа у них на столе. Мне нет больше резона читать подобные бумаги, регламентирующие всю мою жизнь, я и так их наизусть знаю. Согласно последнему указу, я лишена гражданских прав на основании «закона о внутренней безопасности». Раньше подобным основанием был так называемый «закон о подавлении коммунизма». Все эти указы походили один на другой как две капли воды, разве что число запретов и ограничений с каждым разом увеличивалось. Указы эти вполне соответствуют всему тому, что делает и будет делать расистское государство: а именно лишать черное население всех прав человека. Совершенно излишне поэтому уделять подобным документам какое-либо внимание.

Сотрудники службы безопасности даже на молитве не дают мне покоя. Когда крестили мою внучку, я пошла в церковь к обедне. И представь себе, за мной следом туда ввалился и один из приставленных ко мне секретных сотрудников. Такого я даже от них не ожидала. Стоит себе этот поганец в церкви, небрежно прислонившись к стене, и пялится на прихожан. Так всю службу и простоял. Я сгорала от стыда за нашу «белую» Южную Африку. Но хуже всего было то, что черные в церкви считали это обычным делом: никто даже не повернулся в его сторону, не было ни малейших признаков возмущения или волнения. Такой произвол прочно вошел в наши будни, и людям это кажется вполне нормальным.

Продолжение следует.

О. ПЕТРИЧЕНКО

Всё еще впереди

по просьбе читателей

Игорь Скляр, конечно же, не знал, что его поджидает. И потому беззаботно улыбался жизни, как, собственно, и должен улыбаться ей человек тринадцати лет от роду, к тому же впервые приехавший в Москву. Да еще самостоятельно, с несколькими столь же «взрослыми» товарищами.

С одним из них, соседом по двору, он и ехал однажды в метро, обмениваясь впечатлениями о ВДНХ, не подозревая, что сидящая напротив судьба в лице Н. В. Сорокоумовой — ассистента режиссера В. А. Рогового уже внимательно приглядывается к нему. Настолько внимательно, что ребята даже заудивлялись: чего это она в нас нашла?

Надежда Владимировна «нашла» Скляра. Каким чутьем углядела в обыкновенном, угловатом мальчишке нечто одной ей понятное, одной ей и ведомое... Но не усомнилась, даже когда на первом своем просмотре ее подопечный, похоже, слегка растерялся, оказавшись в комнате, забитой куда более уверенными «конкурентами». Ни к какому конкурсу Игорь, естественно, не готовился, артистом быть никогда не собирался и вообще рассматривал этот неожиданный экзамен за несколько часов до отъезда в родной Курск скорее как забавное приключение, достойно венчавшее увлекательную поездку.

А тут вдруг ажиотаж, нервные родители в коридоре и неожиданная просьба к нему лично прочитать что-нибудь наизусть. Насилу вспомнил какие-то незатейливые стишата из программы третьего класса, что-то изобразил в розыгрыше предложенной импровизированной сценки на заданную тему и... вернулся домой с ошеломительной новостью: «Мама, меня пригласили сниматься в фильме «Юнга Северного флота».

Вспоминая о той круто изменившей его судьбу осени, Игорь задумчиво качает головой: «Ведь почти пятнадцать лет пролетело. Первый фильм, первые съемки в Севастополе. А дальше все, как в калейдоскопе».

Калейдоскоп — весьма жизнерадостное изобретение. Как ни поверни — увидишь веселенький узорчик. Жизнерадостности Скляру не занимать, а вот «узоры» в его жизни бывали всякие. Мне, например, впервые довелось узнать его семь лет назад. Минувшие годы не стерли доброй памяти о встречах с дипломными работами выпускного актерского курса Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, подготовленного А. Кацманом и Л. Додиным. «Братья и сестры», «Бесплодные усилия любви», «Если бы! Если бы!», ярко и неожиданно вспыхнувшие на театральном горизонте Ленинграда, наделали, что называется, шума, и весной 1979 года в маленький уютный зальчик Учебного театра на Моховой попасть было не легче, чем на самый «аншлаговый» спектакль БДТ.

Собственно, вниманием эта сцена не была обделена никогда — истые театралы, подобно астрономам, всегда мечтают первыми отыскать новую звезду, а где же еще, как не здесь, наиболее вероятна встреча с ней. И пусть звезды вспыхивают редко, надежды не бывают обмануты почти никогда — радость, искренность, через край бьющие в студенческих работах, сами по себе стоят дорогого.

Дипломники 1979 года удивили и другим: они предстали не просто группой одаренных выпускников, каждый из которых продемонстрировал способность решать серьезные творческие задачи, нет, на подмостках ликовал, боролся, страдал, смеялся театр — юный и дерзкий, как его актеры, бескомпромиссный и честный, как цели, в служении которым видели они смысл своего творческого бытия.

— Годы учебы в институте — счастливейшие в моей, нашей жизни, — говорит Скляр. — Помните ощущения детства — открываешь поутру глаза, и день впереди как праздник. Чем старше, тем реже приходит оно, но вот эти четыре года вспоминаю как постоянное ощущение радости, хотя, сами понимаете, бывало всякое. Но мелкое ушло, а радость осталась. Осталась Веркола, исповедальная искренность нашей Летописи, сердечное братство коммуны...

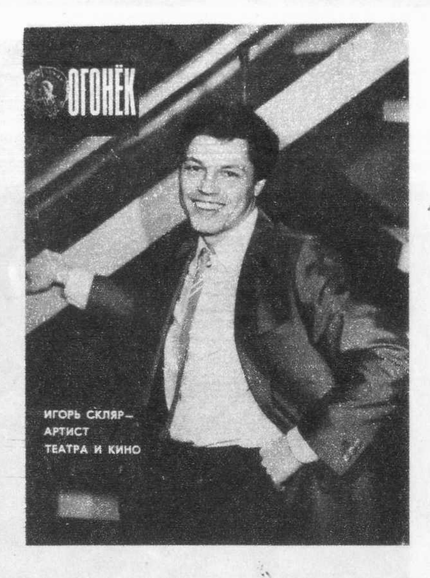
В Верколу, на родину Ф. Абрамова, они поехали, чтобы ближе понять людей, землю, вынесших все, что выпало на долю семьи Пряслиных. Не «набраться впечатлений», а именно понять певучий, образный говор северян, строгую красоту их лесов, истоки негромкого мужества, великого терпения сегодняшних стариков и старух, переживших такое, чего и врагу не пожелаешь.

Именно там, на архангельской земле, отбиралось, выкристаллизовывалось все лучшее, что вошло потом в спектакль «Братья и сестры», что сроднило курс в единое целое, сделало из него «коллективного художника», способного действительно на многое. В Верколе они жили коммуной, как, собственно, жили ею все четыре года учебы, почти каждый день которой отображен в многотомной Летописи, подробно повествующей (ее вели все студенты) не просто о внешних событиях студенческого бытия, но рассказывающей о сокровенных помыслах, надеждах, честно анализирующей поступки каждого.

Не выделяю в курсовых работах Скляра, равного среди равных, хотя и не заметить его было нельзя. В счастье не только семьи, но и люди похожи. Для нас, зрителей, оно казалось безоблачным, тем более что ходили упорные слухи об организации в Ленинграде Молодежного театра, основу которого и составят воспитанники А. Кацмана и Л. Додина.

Новый театр действительно появился. Но сработали какие-то неизвестные непосвященным рычаги, и места в нем никому из выпускников не нашлось. Предпочтение было отдано представителям самодеятельности, а профессионалов отправили в Томск, где, как очень скоро выяснилось, их никто особо не ждал.

Вот так, под бравым росчерком руководящего пера рухнуло все, что пестовалось годами, поскольку жизни порознь они уже не мыслили, а жить предстояло именно так, пробиваясь в ней далее поодиночке.

Не все оказались к этому готовы, далеко не все спустя несколько лет встретились вновь под крылом Л. Додина в Малом драматическом театре. К Игорю Скляру судьба вроде была благосклонна — в безвестности не пропал, в статистах не затерялся. Достаточно вспомнить хотя бы фильмы последних лет: «Анна Павлова», «Детский сад», четырехсерийный телевизионный «Батальоны просят огня», не говоря уж о многочисленных «явлениях» народу в самых популярных теле-передачах.

Особой строкой стал фильм «Мы из джаза», фрагменты из которого используются телевидением, на творческих встречах, пожалуй, чаще всего. Особой, потому что не ошибусь, наверное, предполагая, что для большинства своих почитателей И. Скляр сегодня — это прежде всего бескорыстный энтузиаст джаза Костя Иванов (и тот самый, не желающий кораблекрушений водолаз, что собирается «на недельку до второго» махнуть в один из живописнейших курортных поселков Ленинградской области).

Не берусь судить, отчего так случилось: безусловно, превосходно сыгранный Жорка Витьковский («Батальоны просят огня») заслуживает куда большего внимания, однако серии прошли, а бесхитростный Костя Иванов остался и на экране, и на эстраде, и ни одна встреча со зрителями не обходится без настоятельного требования спеть «про Комарово».

Любимая песня самого Скляра — «Дорожные жалобы» («Долго ль мне гулять на свете то в коляске, то верхом») на стихи Пушкина. А как Игорь поет «Я люблю тебя, без ума люблю» Дениса Давыдова, посвященное пятидесятилетним поэтом своей юной невесте! Столь же неожиданны «Жаворонок», «Шел мальчишка бережком», другие народные, признаться, никогда ранее не слышанные мною песни.

Неожидан и сам Скляр — артист Малого драматического, занятый в спектаклях «Муму», «Господа офицеры», «20 минут с ангелом», «Братья и сестры». Возможно, потому, что поневоле довлеет штамп: спектакли театра очень музыкальны, эстрадной звезде Скляру, как говорится, и гитару в руки, а он лучшей своей работой считает... глухонемого Юру в «Братьях и сестрах». Роль придумал сам, рассказывать о ней трудно, надо видеть, и поверьте, это не забудется, как не забывается все, что рождено чуткой, взволнованной душой.

— А вообще парадокс,— усмехается Игорь.— Скоро тридцать, а лучшее, что удалось в театре,— роль глухонемого.

Из зрительного зала, то бишь со стороны, как говорится, виднее, и подобная самокритичная оценка Скляра действительности, пожалуй, не соответствует. Но факт, что достигнутое им, коллегами в «Братьях и сестрах», безусловно, лучшее, это программный спектакль, и совершенно прав Л. Додин, говоря, что «правда о жизни, которую внес в наше сознание Федор Абрамов, стала для нас точкой отсчета».

С этой моральной высоты начинали его выпускники самостоятельный путь. Спустя годы, встретившись опять, с новыми товарищами, поехали они в северную, родную их юности Верколу, и вот два вечера подряд на одном дыхании идет трудный для исполнения, восприятия спектакль, но всегда полон зал.

А на экраны выходит новый музыкальный фильм «Начни с начала», где Игорь играет вместе с Андреем Макаревичем, на «Ленфильме» снимается большая развлекательная видеолента «Весь этот карнавал, включая нас с тобой», где мы тоже встретим хорошо знакомого нам «эстрадного» Скляра.

Увидим ли нового? Мне кажется, что ответ на этот вопрос даст все-таки театр...

ТРЕЗВОСТЬ — НОРМА ЖИЗНИ

Год прошел со времени вступления в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством». Медленнее, чем хотелось бы, но спиртное вытесняется из нашей жизни. Трезвость становится ее нормой. Дело это непростое. И все же успехи очевидны. Укрепляется наркологическая служба, закрываются «пьяные» магазины и кафе, более строгими и справедливыми становятся меры, которые применяют милиция и дружинники. Создано Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость, начал выходить журнал «Трезвость и культура». Однако сделаны лишь первые шаги — твердые, но первые.

Корреспонденты «Огонька» побывали в министерствах и ведомствах, от которых не в последнюю очередь зависит успех предстоящей работы.

АТАКА НА «ПЬЯНЫЙ» РУБЛЬ

За четыре месяца нынешнего года, если сравнить их с теми же месяцами прошлого, продажа водки, ликеров, коньяка уменьшилась вдвое, а печально известной «бормотухи» — впятеро. Число магазинов, торгующих спиртным, сократилось на две трети. Кое-кто «не понимает» надобности этого, даже недоволен тем, что алкогольных торговых точек стало меньше. А это ведь хорошо! Еще и потому, что, как отмечено Всемирной организацией здравоохранения, «фактор доступности алкоголя» очень быстро увеличивает ряды пьяниц. В Ворошиловградской, Херсонской, Днепропетровской областях, в Киеве принято решение о прекращении торговли спиртным в воскресные дни. Жители некоторых населенных пунктов объявили свои городки и поселки зонами трезвости... А в Пицунде, например, в этом году вином вообще решили не торговать. План реализации винно-водочных изделий перевыполнять запрещено. Есть, конечно, магазины-нарушители. Но за такую «инициативу» предусмотрено наказание. Торговый прилавок трезвеет...

Этому способствует и то, что зарплата продавцов теперь не зависит от продажи вина и водки. «Пьяный» рубль нынче не засчитывается и в план товарооборота.

Но мало просто уменьшить продажу спиртного. Продажа соков в этом году по сравнению с 1985-м возрастет на четверть. В городах страны открываются фирменные магазины безалкогольных напитков. В 1986 году каждый из нас сможет выпить квасов, фруктовых вод, тонизирующих напитков около 23 литров против четырнадцати в прошлом году. И все же этого мало, очень мало... Наряду с известными лимонадами и ситро, с «Саянами» и «Бахмаро» появятся «мандариновый», «золотистый», «яблочко». Будет увеличено производство популярного «Тархуна», разрабатываются новые, очень вкусные напитки на чайной основе, на ягодных смесях, настоянные на травах. Где все это выпускают? И на бывших винно-водочных заводах тоже! За годы пятилетки перепрофилируют 661 предприятие, их переведут на полезную продукцию.

Стремится идти в ногу со временем и общественное питание. За год число кафе, ресторанов, баров, торгующих вином и водкой, уменьшилось почти на 38 тысяч. Открываются новые пельменные, пирожковые, блинные, сосисочные, чебуречные. В прошлом году таких предприятий стало в 3,2 раза больше... Организуются безалкогольные свадьбы, дни национальных кухонь, выставки-продажи полуфабрикатов и кулинарных изделий, выездные буфеты, летние кафе «под зонтиками» — и все это тоже противостоит алкогольному дурману, все это без спиртного. В пример здесь можно поставить Литву, Харьковскую, Ульяновскую, Белгородскую, Смоленскую, Львовскую и другие области.

Повсеместно больше внимания уделяется созданию кафе и закусочных быстрого обслуживания. Наконец-то они стали появляться и в Москве.

Проиллюстрируем изменения практикой Сочи. Число предприятий, в которых дозволена алкогольная выпивка, сократилось почти в десять раз. Продажа же соков возросла в полтора, а мороженого — в 1,2 раза. Мороженого следовало бы делать больше, но не хватает мощностей по его выработке.

Готовится учебник по организации работы безалкогольных баров. Он же станет сборником рецептур новых коктейлей, десертов, кондитерских изделий.

В ресторанах, барах, кафе и закусочных, в которых запрещена реализация спиртных напитков, организовано приготовление фруктовых и молочных коктейлей, соков, безалкогольных напитков, мороженого и кондитерских изделий. На вокзалах, автотрассах, в местах массового отдыха пиво вытеснено соками, квасом, газированной водой, мороженым.

...У алкоголя велик коэффициент убыточности; потери эти не только моральные, нравственные, но и экономические. И чем скорее мы избавимся от вина, водки, тем быстрее пойдем вперед. Трезвость неотделима от выполнения задач, которые стоят перед всеми нами.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

ВСЕМ МИРОМ — ПРОТИВ ЗЛА

Начальник Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР, генерал-майор милиции А. П. ЖОРИЧ

Что дал нам минувший год? Некоторые перемены к лучшему видны уже и сейчас, как говорится, невооруженным глазом: на улицах меньше пьяных, а потому и спокойнее стало, и хулиганов встретишь не так часто. Строго говоря, такое стабильное снижение числа правонарушений и преступлений, совершаемых, как правило, в пьяном виде, мы наблюдаем впервые за многие годы. И, пользуясь случаем, хочется поблагодарить тех, кто активно помогает нам в борьбе с пьянством и алкоголизмом. Пожалуй, именно такое расширение сферы взаимодействия с общественностью и трудовыми коллективами было главным для нас в минувшем году: мы ощутили перелом в настроении людей, их искреннюю веру в возможность оздоровления нашей жизни и, наконец, их действенную помощь и поддержку. Так, органы внутренних дел и общественность Азербайджана, Белоруссии и ряда областей РСФСР выступили инициаторами создания зон трезвости. Сейчас эта инициатива подхвачена в стране уже многими. Отрадно видеть, что молодежь в стороне не осталась: все большую популярность завоевывают безалкогольные свадьбы, молодежные общества трезвости. Интересна и полезна деятельность сельских сходов. Вот, скажем, в Краснодарском крае на одном из хуторов во время схода люди сами называли тех, кто спекулировал спиртным. Ими оказались П. Е. Остриков и Ф. А. Филиппов. Вместе с работниками милиции односельчане обнаружили в подвалах их домов тысячу семьсот литров вина домашнего приготовления. В 1985 году в крае прошло более тысячи сходов граждан, которые постановили привлечь к ответственности многих самогонщиков. Это ли не реальная помощь и поддержка в нашей работе!

Более действенной стала правовая и антиалкогольная пропаганда. Дала свои плоды кропотливая разъяснительная работа, особенно в борьбе с самогоноварением. На Украине, в Грузии, Чувашии, Удмуртии, в Белгородской, Курской и других областях люди в массовом порядке сдавали самогонные аппараты, которые работники милиции отправляли в металлолом. В некоторых местах количество сданных аппаратов оказалось настолько велико, что пришлось специально договариваться с Вторчерметом о том, чтобы их прием осуществлялся организованно.

Мы с большим вниманием относимся к любым инициативам людей, кровно заинтересованных в наведении порядка в нашем доме. Часто это подсказывает и нам пути к новым решениям и поискам. Полезным представляется эксперимент Белорусской ССР, Волгоградской, Ульяновской областей, где штраф за нарушение антиалкогольного закона заменяется отработкой на предприятии или, если речь идет о сельской местности, сельхозработами в выход-

ные дни. Чем это вызвано? Практика показала, что денежное взыскание наносит большой ущерб не самому пьянице, а его семье, детям. Учитывая положительные результаты этого эксперимента, МВД СССР внесло предложение о его повсеместном распространении в разрабатываемую общегосударственную программу профилактики и преодоления пьянства и алкоголизма.

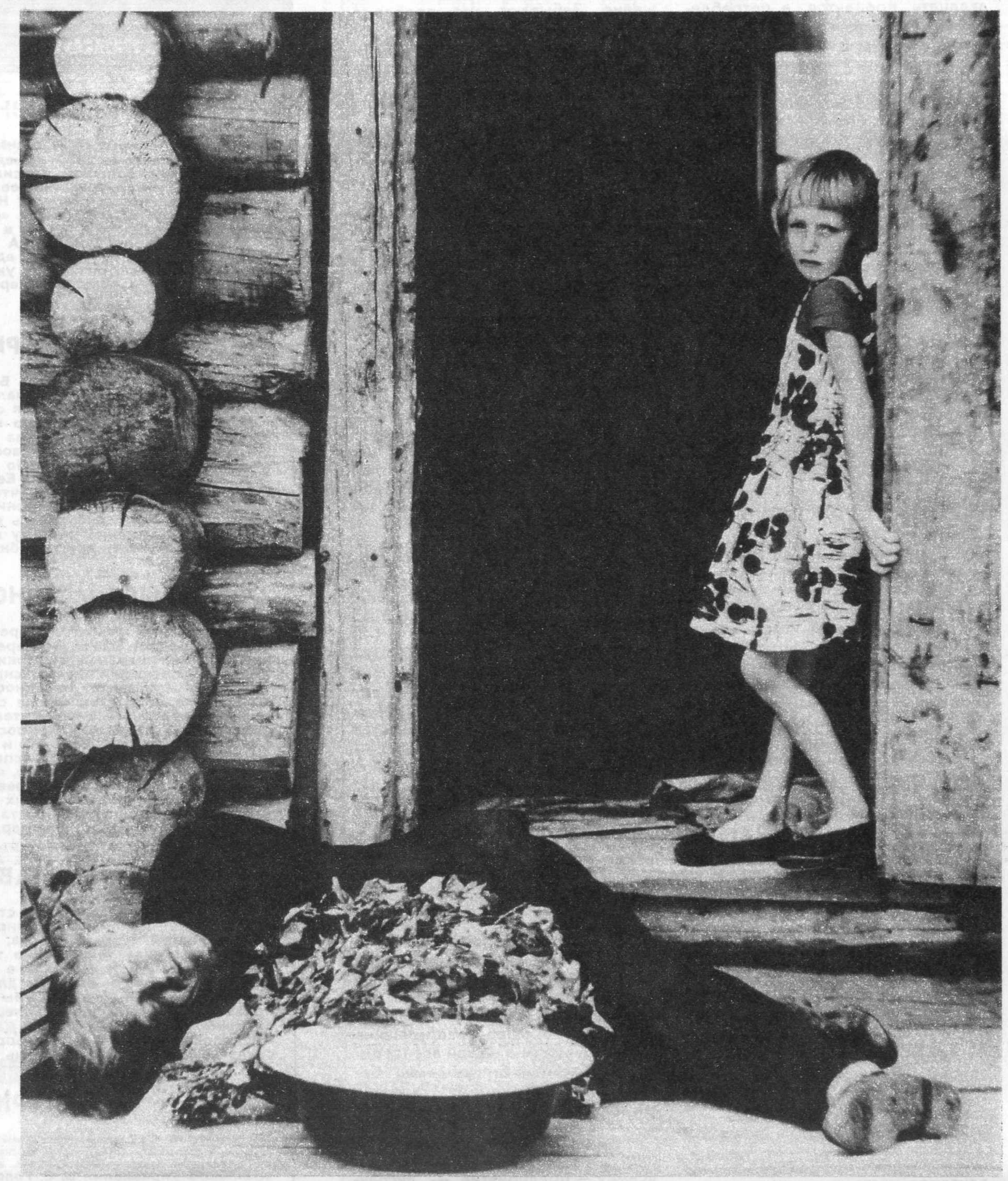
Позади год большой работы. Есть обнадеживающие результаты. Но сегодня важнее говорить о том, что нам еще серьезно мешает, сколь изобретательными оказываются те, кто хочет жить вчерашним днем.

Зачастую в их числе оказывается и администрация некоторых предприятий. Иначе чем объяснишь, что за истекший год каждый пятый из материалов, направленных органами внутренних дел на предприятия и в трудовые коллективы по поводу нарушений гражданами закона о борьбе с пьянством и алкоголизмом, остались без рассмотрения? В Киргизской, Узбекской, Бурятской, Новгородской и ряде других республик и областей нерассмотренным остался каждый второй материал. Бывали случаи, когда заявления ОВД демонстративно возвращались нераспечатанными или же попросту укрывались должностными лицами. Так, в частности, поступали руководители Чекалинского лесхоза и ПМК-259 Суворовского района Тульской области.

Не всегда справляется с новыми задачами торговля, оставаясь в большинстве случаев безынициативной, а то и просто сводя на нет усилия органов внутренних дел. Здесь и нарушение установленного законодательством времени продажи спиртного, и продажа алкоголя несовершеннолетним, реализация через торговую сеть подпольно произведенных спиртных напитков. Вот один лишь пример: проводник-экспедитор Пермского винзавода Исраилов вывозил в кислородных подушках похищенный на предприятии коньяк. Вместе с приемщиком стеклопосуды Богомоловым они разбавляли его виноградным соком или портвейном, закупоривали кустарным способом и сбывали через торговую сеть. При задержании преступников у них было изъято свыше пятисот бутылок такого «коньяка». Нередко водка или вино реализуются под видом «Фанты» или «Боржоми» в безалкогольных кафе. Происходило это и в московском ресторане «Северный луч» спорткомплекса «Олимпийский», в столичных безалкогольных кафе «Иволга», «Чудесница».

Мы увеличиваем численность нарядов патрульно-постовой службы и добровольных народных дружин, маршруты которых приближены к торговым точкам, где продается спиртное. Но по-прежнему в десятки, а то и в сотни раз больше нарушений по торговле спиртным выявляют сотрудники милиции, а не сами работники торговли, которые видят эти нарушения, знают о них, но продолжают бездействовать.

В очередях за вином орудуют ловкачи-спекулянты, которые сперва занимают очередь, а потом «продают» ее тем, кто не хочет стоять. Цена «места» — полтора рубля, а то и больше. Милиции трудно выявлять такие правонарушения. А рядом стоят люди, равнодушно взирающие на все это! Мы обязаны поставить надежный

В доме опять беда. **Фото И. Гневашева**

заслон всем тем, кто, пользуясь ситуацией, стремится жить на нетрудовые доходы.

Там, где не ведется целенаправленной борьбы с пьянством, зачастую по вине пьяниц возникают пожары. 16 марта 1986 года в литовском городе Пабраде задохнулись в дыму трое мужчин — рабочие ресторана Ю. А. Рябинин, И. А. Факстель и рабочий картонной фабрики П. И. Войцехович. Всем им было чуть больше тридцати лет. Будучи пьяными, они не погасили окурок... А что говорить, когда алкоголь буквально сжигает людей изнутри, без дыма и огня!

Наше общество находится сегодня лишь в начале пути, ведущего к искоренению пьянства и алкоголизма, но уже сейчас не приходится сомневаться в реальности достижения задач, поставленных перед нами партией и правительством. Дело теперь за тем, чтобы сконцентрировать весь накопленный опыт и привести его в действие. Борьба предстоит долгая и трудная.

Записала Е. **СКОПИНА.**

КОНЕЦ «ВЕРМУТСКОГО» ТРЕУГОЛЬНИКА

Заместитель начальника Главного управления лечебно-профилактической помощи Минздрава РСФСР Л. А. КРАСАВИН

— Лев Александрович, существует мнение некоторых пессимистов, что, мол, много пили как до выхода Указа, так и после него. Справедливо ли оно?

— Специально для пессимистов начну с упрямых цифр и фактов, скрупулезно выверенных нами по РСФСР за год. Число алкогольных психозов, например, уменьшилось в два раза, количество травм, полученных в пьяном виде, упало на

двадцать процентов, а потребление спиртных напитков стало меньше на 25 процентов.

В медвытрезвителях пустуют койки, что нас, конечно, радует. Недавно я был в Татарии и, посетив вытрезвитель в Альметьевске, обнаружил там лишь одного выпивоху. В Казани 5-й вытрезвитель Московского района вообще оказался пустым. Если так пойдет дальше, то эти здания, глядишь, можно будет переоборудовать под так называемые «Клубы бывших пациентов».

— И много таких клубов в России?

— Да не так уж. Но со временем количество их обязательно возрастет. Эта тенденция наблюдается. В Ленинграде создан клуб «Аметист», «Феникс» — в Татарской АССР, «Антибахус» — в Карелии, «Веста» — в Кемеровской области. Бывшие любители спиртного в них сами занимаются антиалкогольной пропагандой.

— Цифры, названные вами, отрадны. Что же позволило прийти к таким результатам всего лишь за один год?

— Прежде всего то, что принятие Указа заставляет искать новые формы работы. Взять хотя бы организованные недавно кабинеты анонимного лечения алкоголизма, о которых, кстати, в Постановлении ЦК КПСС упоминалось особо. По РСФСР их уже около 150. В таком кабинете пациент, пожелавший остаться неизвестным, сможет, не называя своей фамилии и адреса, лечиться анонимно. Мы гарантируем тайну. Другая новая и действенная форма — это профилактические антиалкогольные кабинеты на предприятиях. В сельской местности, например, стали появляться межрайонные наркологические диспансеры. Но количество их пока, к сожалению, не так велико.

— И за чем стало дело? Может, причина в нехватке кадров?

— Кадры мы гарантируем — в медицинских вузах уже сейчас обеспечивается выпуск до 350 дипломированных специалистов в год. Столько же дают курсы усовершенствования врачей. Дело в другом — для межрайонных диспансеров часто не находится помещений, местные власти выделяют их так, будто делают нам одолжение. Забывают, что проблема эта не чисто медицинская, а скорее социальная. На наш взгляд, хуже всего обстоят дела в этом отношении в Якутии, Мурманской и Горьковской областях.

— Что еще мешает эффективности работы наркологической службы?

— Во-первых, нехватка необходимой аппаратуры. Возьмите кабинеты круглосуточной экспертизы, где клиента необходимо уличить в том, что он действительно выпил. Подчас не хватает самых примитивных трубочек «Мохова-Шинкаренко». Я уже не говорю о таких необходимых аппаратах, как ППС-1 и ППС-М, улучшающих качество экспертизы. Это наши претензии к «Союзмедтехнике».

Во-вторых, известно, что самая эффективная форма в наркологии — психотерапия. Чтобы она была более эффективной, любому врачу нужно время для душевной беседы с пациентом. А какая задушевная беседа возможна, если на нее отводится по норме не больше десяти минут. Не мешало бы пересмотреть этот норматив и сделать его хотя бы таким, каким он был до 1976 года — четыре человека в час.

Известно, что в лечебно-трудовых профилакториях лечение пока оставляет желать лучшего. Но вот бывший больной покинул такой профилакторий. И он остается «беспризорным» или еще хуже — наедине с бывшими «дружками». А надо бы ему наблюдаться у врача-нарколога. Думается, за этим должны проследить органы милиции.

— С каким чувством вы смотрите на очереди у винных магазинов? Огорчают ли они вас как нарколога?

— Не очень. Это явление временное. Эти очереди даже кстати. Ведь чтобы побороть порок, ни на минуту нельзя успокаиваться, забывать о нем. И неприглядные эти очереди — хорошее напоминание общественности о нашей всенародной проблеме, я бы добавил — беде. Считаю, что время укоротит эти очереди. В народе сейчас идет ломка привычного социального стереотипа о выпивке. И здесь многое зависит от треугольника «семья — предприятие — диспансер». Уверен, что этот треугольник окажется крепче так называемого «вермутского» треугольника, «соображающего» на троих в ближайшей подворотне.

— А как обстоят дела в подростковых наркологических кабинетах?

— В них мы делаем все возможное, но, естественно, немало надеемся на школу. Уже в детском возрасте надо разъяснять, какой вред наносит алкоголь. Ученые провели в одном детском саду такой эксперимент: предложили ребятам старшей группы нарисовать на бумаге, каким они представляют себе праздник. И многие нарисовали стол, на котором рюмки с бутылкой. В плане антиалкогольного воспитания пока не предпринято никаких практических шагов Министерство просвещения. Считаю, что в школах нужно ввести специальную дисциплину, чтобы поубавилось пациентов в наших подростковых кабинетах, а наши дети и внуки жили в здоровом, трезвом обществе.

Беседу вел
Михаил КОРЧАГИН.

калейдоскоп

НЕОБЫЧНЫЙ ИНТЕРЬЕР

Первые посетители магазина, который находится на территории Ровенского льнокомбината, недоумевали: между полками от пола до потолка стоял большой красивый ствол дерева. Что же это такое? Украшение интерьера, «живое» панно или, быть может, опора, которая поддерживает потолок? Но при выходе из магазина их ожидало новое удивление: его крышу «осеняли» ветви могучего, прекрасного дуба, ствол которого и растет в интерьере.

Как же так получилось? А дело в том, что, когда на комбинате задумали построить магазин, единственное место, которое нашли для его строительства, оказалось уже занято. Там рос красивый большой дуб. Вот люди и пожалели дерево, решив «поселить» его в помещении...

«ДОЧЕРИ» БАЙКАЛА

Есть такое предание: дочь Байкала Ангара убежала от него к красавцу жениху Енисею. Специалисты заинтересовались: когда же это произошло, когда образовался сток Байкала в Ангару?

Ответ пришел совершенно неожиданно. На дне Байкала, как раз напротив истока Ангары, была обнаружена огромная каменная глыба, которая, вероятно, была в свое время частью горного хребта, кольцом опоясывающего озеро. По ее сколу и установили, что Ангара — река сравнительно молодая. Ее возраст — всего 15—20 тысячелетий.

Но самое поразительное, что севернее существующего стока ученые нашли следы другой реки, «старшей» дочери Байкала — Лены. Связь между ними прервалась в результате тектонических процессов. Но, вероятно, именно поэтому в Байкал сотни тысяч лет назад попали нерпа, омуль и другие обитатели Северного Ледовитого океана.

ИЗ ЧЕГО МОЖНО СДЕЛАТЬ СКРИПКУ?

И поныне не открыты секреты скрипок Страдивари, Гварнери, Амати. Но и в наше время не перевелись еще мастера-умельцы, изготовляющие оригинальные скрипки. Один из них, инженер Е. Бурцев из Харькова, предложил делать скрипки из... алюминия.

Идея эта кому-то, наверное, покажется странной, но Е. Бурцев приводит в ее пользу самые серьезные аргументы. На его взгляд, алюминий — отличный заменитель трудному в обработке и капризному дереву, ведь скорость распространения звуковых волн в алюминиевых сплавах почти та же, что и в древесине.

После многочисленных экспериментов Е. Бурцев изготовил первый опытный образец. Любопытно, что вес алюминиевой скрипки всего на 67 граммов больше, чем деревянной. Она привлекла уже внимание музыкантов. Одним из первых исполнителей скрипичных произведений на новом инструменте стал известный скрипач, лауреат международных конкурсов С. Стадлер.

САМОЕ ГЛАВНОЕ — УДОБНО...

Представьте себе мебель стоимостью... один, два, три рубля. Не может быть? Почему же? Списанные различными предприятиями и учреждениями старые кресла, шкафы, столы, стулья прежде уничтожались. Между тем именно такая мебель может быть хотя бы на первое время использована в садовых домиках. Такая торговля необычайно удобна и выгодна для покупателей. Да и бывшие хозяева старой мебели никак не в убытке. Самое главное, что она стоит неправдоподобно дешево. Эксперимент, который по собственной инициативе провел мебельный магазин микрорайона Волжский города Андропова, полностью себя оправдал: старые шкафы, кресла, столы, стулья были распроданы очень быстро...

ЗООПАРК В ПОСЕЛКЕ

Поселок Верхний Нагольчик знаменит на весь Антрацитовский район Ворошиловградской области. Самая главная его достопримечательность — местный зоопарк, созданный каменщиком ремонтно-строительного управления В. С. Головно.

Кто же «проживает» в зоопарке Верхнего Нагольчика? Обезьяны, большая птичья семья, в которой особым вниманием посетителей пользуется гордый степной орел, медведь... Да-да, медведь! Василий Семенович привез его из... Москвы, из столичного цирка, ибо у мишки не оказалось ровным счетом никаких способностей к цирковому искусству. Пользуясь «случаем», Василий Семенович договорился с дирекцией «Союзгосцирка», что если подобные «казусы» будут происходить и с другими животными, он с радостью примет их в свой зоопарк, надо только, чтобы ему об этом тут же сообщили...

Прямо с Кавказа в собственных «Жигулях» Василий Семенович и его жена Екатерина Михайловна привезли небольшого ослика. Рядом с зоопарком, с большими и просторными клетками, в которых живут животные и птицы, Василий Семенович построил детскую площадку с всевозможными качелями и каруселями. Здесь же маленькие ребятишки в любой момент могут покататься на ослике. Василий Семенович ставит им только одно условие: чтобы дети не забывали ослика покормить.

Более десяти лет существует в Верхнем Нагольчике зоопарк Головно. Шефство над ним взял поселковый Совет. Особенно людно здесь в выходные и праздничные дни: проведать «братьев наших меньших» приходят и взрослые, и дети из всех соседних деревень.

ГНЕЗДО-ВЕЛИКАН

Ураган, пронесшийся в районе Пярну, сломал ствол могучего дерева, и гнездо белых аистов оказалось на земле. Казалось бы, ну что особенного. Но вот ученые-орнитологи, которые обследовали гнездо аистов, придерживались другого мнения. Среди них были люди с солидным научным стажем, но даже они никогда не встречали что-либо подобное. Вес птичьего гнезда составлял полтонны, в обхвате оно достигало пяти метров. Соорудив это гнездо-великан, аисты использовали сухие ветки, глину, торф, землю, полиэтиленовую пленку и моток веревок, добытые, очевидно, на соседней стройке, велопокрышки. Среди находок, обнаруженных в гнезде, были флакон от французских духов, ботинок, моток колючей проволоки, расческа. Самое невероятное, что колючую проволоку аисты, очевидно, пытались распутать, но не хватило сил. Уж не собирались ли они сделать свое жилище совсем неприступным?

Какова же судьба этого гнезда? Разве это не чудо природы?

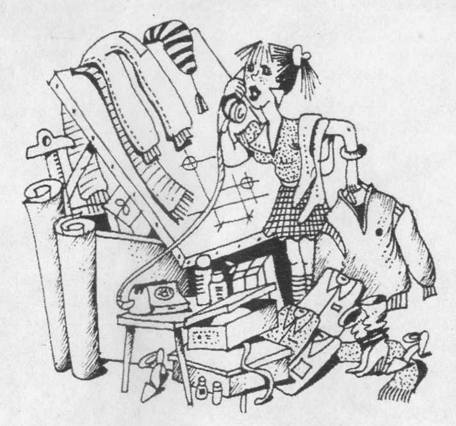
Конечно же, чудо. Поэтому ученые передали его в краеведческий музей.

Юмор

С. КОМИССАРЕНКО

СОШКИНА В АССОРТИМЕНТЕ

Бывает и такое

Зав. сектором Лампов только присел поработать, как раздался пронзительный, словно сигнал на обед, телефонный звонок.

— Вас слушают.

— Можно Сошкину к телефону? — спросили на другом конце провода.

— Нет такой! — раздраженно ответил Лампов и бросил трубку. Снова звонок.

— Это учреждение, что во Втором Позвоночном переулке?

— Да.

— Сектор амортизации, что в отделе интенсификации?

— Да.

— Значит, она должна быть!

— Кто?

— Инженер Сошкина... Передаю по буквам: специалист, образование, школа, курсы, институт, назначение, акклиматизация... Сошкина! Неужели не знаете?

— Ах, эта, что снабжала моих сотрудников ширпотребом? Содействие, одежда, шерсть, кофточки, импорт, нейлон, ассортимент... Как же не знать! Бывало, ночью приснится — и тут же просыпаюсь в холодном поту. На почве этой Сошкиной развился у меня функциональный тик!

— Значит, можно ее к телефону?

— Говорю же вам, нет Сошкиной!

— И завтра не будет?

— И завтра! Уволили ее. Кого? Сошкину! Передаю по буквам: собрались, обсуждали, шумели, кричали, итог — наконец ушла!

— Позвольте, но мне сказали, у вас она, поскольку приближается зимний сезон...

— Кто у нас?

— Да Сошкина... Передаю по буквам: сапоги — обалдение, шуба, каракуль, имитация, новинки, ажиотаж!

Лампов поднимает глаза и видит: в группе сотрудниц, что-то примеряющих в дальнем углу комнаты, мелькнуло деловитое лицо Сошкиной, потом она вся появилась — такая знакомая и направилась к телефону.

Лампов схватился за сердце.

— Как, — говорит, — разве Сошкина не уволилась? Или это уже галлюцинации?

— Уволилась, конечно, — в один голос подтвердили сотрудники.

— Да вы не волнуйтесь, я теперь не ваша подчиненная! — стала успокаивать его Сошкина. — В том смысле, что уже в другое учреждение неподалеку тут устроилась, между прочим, с повышением!

И развернула свой ассортимент...

Артур ЗАРИКОВСКИЙ

ФЕНОМЕНАЛЬЩИНА

Когда к Кукуеву пришла большая любовь, он сделал ее маленькой.

Некоторые исследователи считают неверным признавать авторами сказок братьев Гримм самих братьев, так как все сказки рассказала им бабушка.

Один искусствовед, прочитав комедию Чехова «Чайка», утверждал, что у Антона Павловича есть вещи и посмешнее.

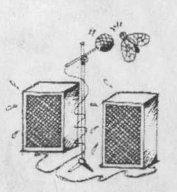

Бесконечно много понимал Бибин, но не понимал, почему другие этого не понимают.

Вглядываясь в гениальные творения живописи, Кукин с гордостью сознавал, что сам бы мог так творить. Но не творил. И постоянно нервничал.

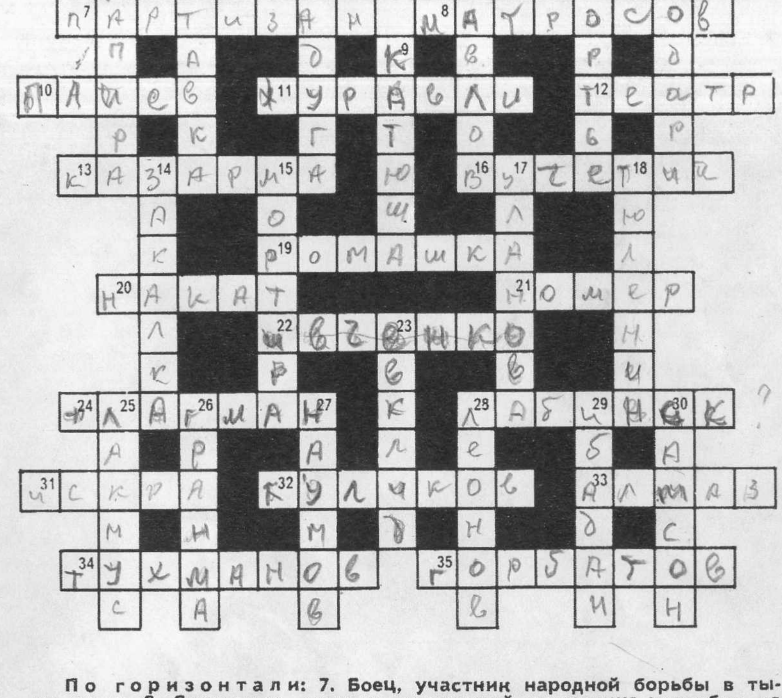

Одна муха научилась петь, и только непонимающие считали, что она жужжит.

Кукуев внимательно изучил статью «Как делать стихи» и сделал их очень много. Но никто не верит, что это стихи.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Боец, участник народной борьбы в тылу врага. 8. Скульптор, один из создателей памятника-ансамбля на Мамаевом кургане в Волгограде. 10. Генерал армии, дважды Герой Советского Союза. 11. Песня на слова Р. Г. Гамзатова. 12. Искусство воплощения сценического действия. 13. Здание для размещения личного состава воинской части. 16. Народный художник СССР, автор скульптуры «Перекуем мечи на орала». 19. Лекарственное травянистое растение. 20. Ряд бревен над блиндажом. 21. Боец пулеметного, орудийного расчета. 22. Конструктор авиационных двигателей, Герой Социалистического Труда. 24. Командующий эскадрой. 28. Город в Краснодарском крае. 31. Марксистская нелегальная газета, созданная В. И. Лениным. 32. Маршал Советского Союза. 33. Полупроводник, драгоценный камень. 34. Композитор, автор песни «День Победы». 35. Автор повести «Непокоренные».

По вертикали: 1. Спортивное оружие. 2. Орган высшего военного управления. 3. Повесть на тему Великой Отечественной войны В. Л. Василевской. 4. Герой Советского Союза, сержант, отличившийся в Сталинградской битве. 5. Служащий гостиницы. 6. Итальянский детский писатель, участник движения Сопротивления. 9. Народное название реактивной артиллерии. 14. Воспитание стойкости, выносливости. 15. Артиллерийское орудие. 17. Балерина, дважды Герой Социалистического Труда. 18. Участник подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», Герой Советского Союза. 23. Древнегреческий математик. 25. Красящее растительное вещество, применяемое как индикатор. 26. Газета, орган ЦК Коммунистической партии Кубы. 27. Командир кавалерийского партизанского соединения, Герой Советского Союза. 28. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 29. Город в Нигерии. 30. Командир латвийской партизанской бригады, Герой Советского Союза, историк.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 1. Издательство. 7. «Собеседник». 9. Игарка. 10. Зарема. 13. Лихтер. 15. Юхнов. 17. Форсунка. 20. Сквер. 22. Громкоговоритель. 23. Агава. 25. Толубеев. 28. Виток. 32. Якушин. 33. Валюта. 35. Анисья. 36. Акробатика. 37. Радиовещание.

По вертикали: 2. Застава. 3. Арбуз. 4. Сунжа. 5. Вокализ. 6. Флакон. 8. Петров. 9. Иллюстрация. 11. Амур. 12. Манн. 14. Репродукция. 16. «Обрыв». 18. Олово. 19. Курбе. 21. Колли. 24. Аксуат. 26. Ложа. 27. «Едут». 29. Трость. 30. Фанфара. 31. Иравади. 33. Верди. 34. Афиша.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Артист театра и кино Игорь Скляр. (См. в номере материал «Всё еще впереди»).

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Лежбище морских котиков на острове Беринга (Командоры).

Фото Ю. МУРАВИНА

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

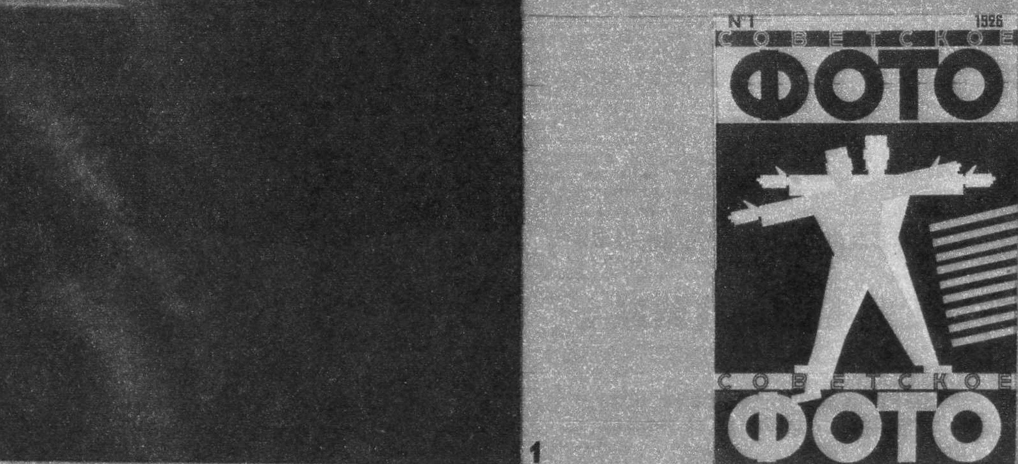
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 21.04.86. Подписано к печати 13.05.86. А 00682. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 849. Заказ № 2729.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

2

1

См. 2-ю обложку.

4

5

1
Дмитрий Шостакович. Фото Е. Кассина

2
Пастух-поэт. Фото П. Кривцова

3
Галина Уланова. Фото М. Наппельбаума

4
Двое. Фото Г. Бинде

5
Грузинский танец. Фото А. Саакова

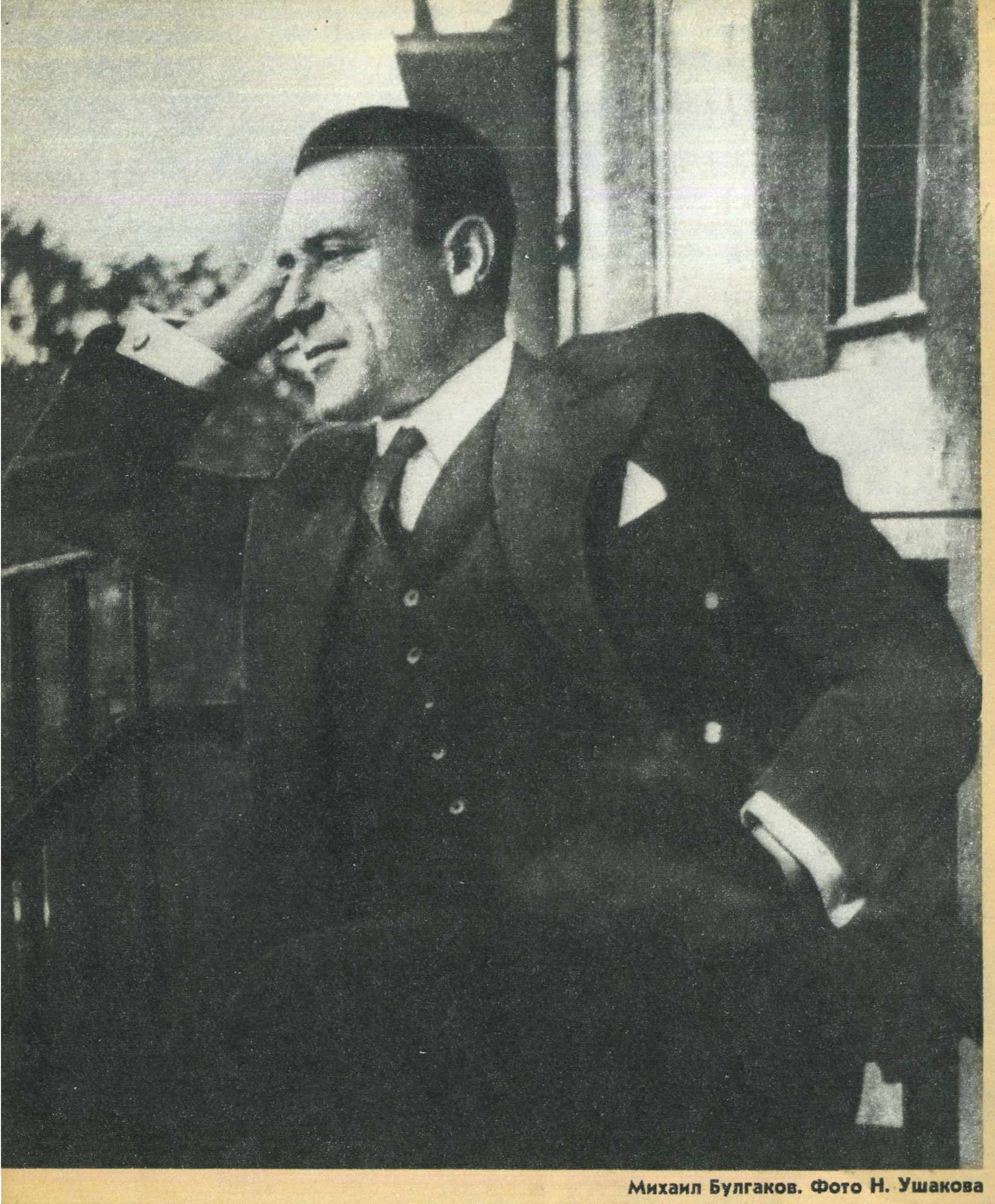
6
Праздничное настроение.
Фото Р. Ракаускаса

3

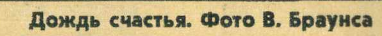

6

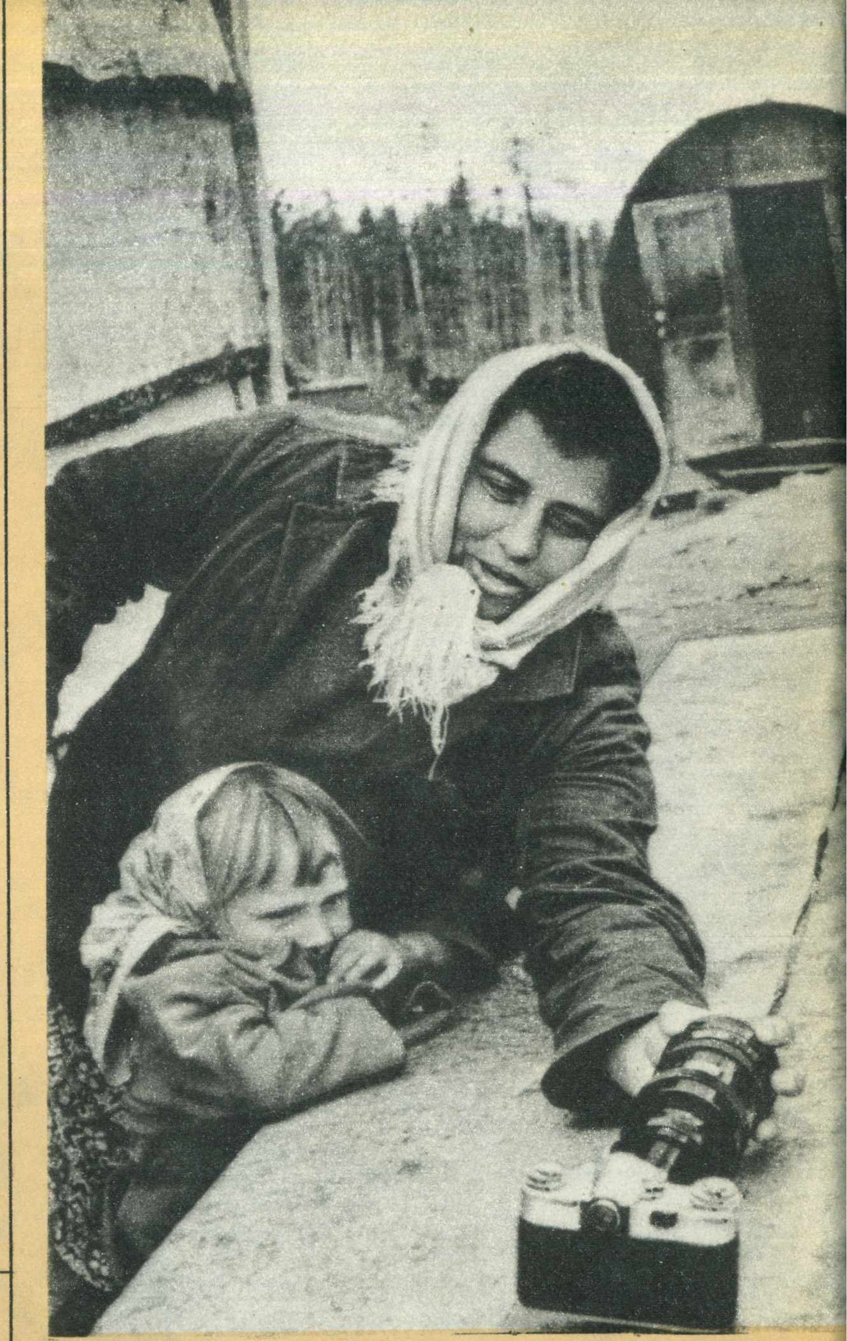

Михаил Булгаков. Фото Н. Ушакова

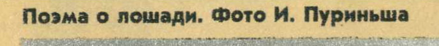

Дождь счастья. Фото В. Браунса

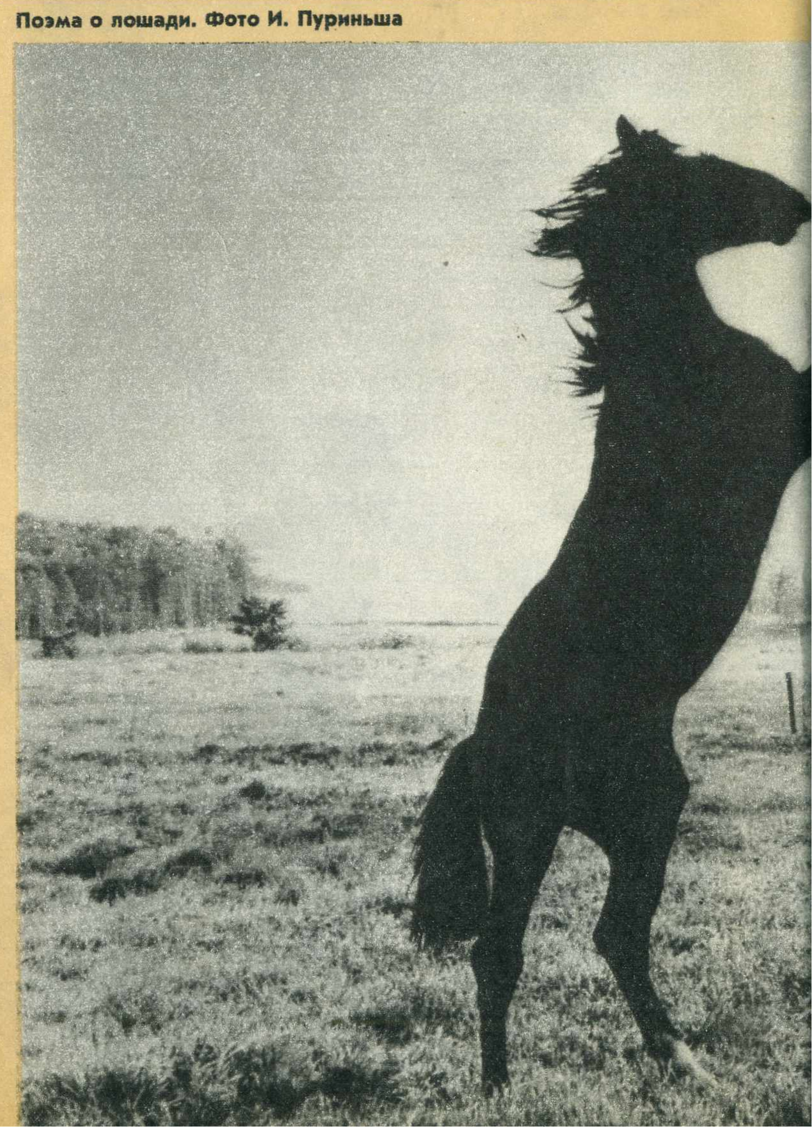

На перекрестках России. Фото В. Никитина

Поэма о лошади. Фото И. Пуриньша

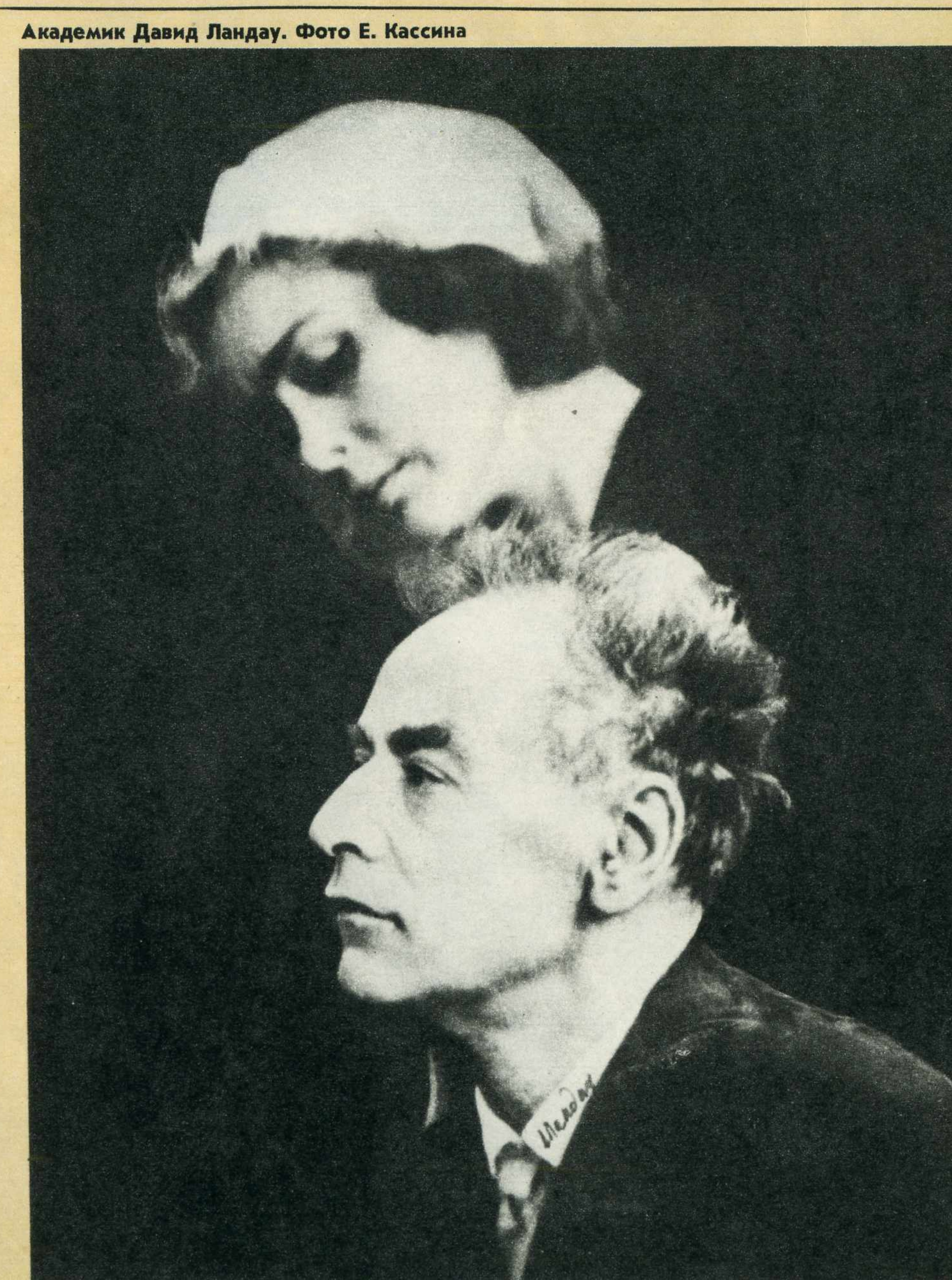

Из серии «Сын». Фото П. Носова

Академик Давид Ландау. Фото Е. Кассина

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663